

*печальная, полная света
сегодня луна
мне показалась сестрой*

Наташина жизнь передо мной как на ладони, она исчислена и завершена. Можно посчитать, что Наташа прожила 19 826 дней...

Мы были вместе с тех пор, как только стали осознавать себя, и я находилась рядом с ней в последние минуты её земной жизни. О ней я могу свидетельствовать, с ней я кровно и навсегда связана.

Чувства безысходности и непоправимой беды после её ухода стали притупляться тогда, когда я начала делать записи о Наташе, когда смогла это делать. Ни книга, ни эссе, ни воспоминания, а просто записи. Они стали писаться из-за тоски по сестре.

Наташа была какой-то источающей радость частью моего существования. В моем дневнике есть запись от 27 декабря 1976 года: «Вчера я плакала от счастья. Я лежала в постели, во мне родилось новое, непонятное чувство, то, которое поэты называли, наверное, «радость бытия». Я чувствовала себя счастливой оттого, что я родилась. Я! Оттого, что вокруг меня прекрасный мир, что впереди прекрасное, непознанное, таинственное. Счастлива оттого, что есть весна, моя сестра, небо с кудряшками облаков, морозное окно, крепкий душистый чай, запах жареного

картофеля, ласковый котенок. От того, что существует возможность мечтать, думать, влюбляться, любоваться людьми».

«Рисунок» моей судьбы, несомненно, правился Натальей. Вслед за ней я приехала поступать в Томск, в университет, и влюбилась в этот город. Она приобщила меня к туризму: сначала спелеология, потом были горный туризм, альпинизм. Сестра перезнакомила меня со всеми своими друзьями, и они стали моими тоже. Позднее я поняла, что её детские произведения «Дарья», «Шумный двор», «Одно лето» и другие дали мне неосознанный писательский импульс. Наташа после детства ничего не писала, кроме историй болезни, а я начала писать «произведения» и не могу остановиться до сих пор.

Она была мне не только сестрой, но и сердечной подругой, с которой я могла поделиться своими проблемами и тайнами. Горечь от того, что мне придётся часть жизни прожить без сестры, неизбывна.

ЖЕНСКИЙ «ПЭНСКИЙ» ДЕНЬ

Наташа родилась в Лавровке, где родители работали учителями. Когда ей было семь лет, наша семья переехала в Раздольное. У сестры не сохранилось воспоминаний, связанных с Лавровкой. Но вот друг отца Алексей Романович, приехавший к папе в гости, очень хорошо запомнил его старшую дочь.

Голоса друзей.

Алексей Романович Коротченко

– Ей было около года, когда я увидел её впервые. Это был живой обаятельный ребёнок с распахнутыми агатовыми очами и чёрными кудряшками. Она сразу очаровала меня своим доверием к незнакомцу. Протянув ручки и нимало не смущаясь, взобралась с моей помощью на колени и стала нежными пальчиками ощупывать лицо, трогать нос, глаза и уши. Так она искала ласки не только у родителей, но и у гостей.

Украшением квартиры Поповых были чудесные венские стулья, нарядные и лёгкие. Они интересовали и Наташу. Ухватившись за край сиденья, она толкала стул перед собой и, переступая ножками, училась ходить.

Её общительность и доверие к людям распространялись и на врачей, приходивших лечить. Они её не пугали, а вызывали интерес. Когда в её реквизите появились куклы, она тоже их старательно лечила: перевязывала раны, делала примочки, ставила уколы и укладывала в постельку. Доминирующими чертами её характера были любознательность и интерес ко всему окружающему. Бывало, уткнётся носом в кромку стола и внимательно следит за работой родителей, которые листают книжки или пишут. Уяснив это, она и сама, раздобыв листок, тоже чертит каракули, а позже и рисует.

Любила не только лечить, но и играть в школу. До школы освоила азбуку и счёт. А когда пошла в первый класс, училась прилежно, с охотой усваивая школьную науку.

Повзрослев, смуглая, черноокая Наташа могла сойти за красавицу южных, кавказских кровей. Как и они, отличалась лёгкой походкой, стройностью и ловкостью в движениях, а также приветливостью и общительностью. Когда Леонид начинал расспрашивать о Томске, живо подключалась к беседам и задавала немало вопросов. Влюблённый в Томск, я, не жалея красок, рисовал сказочное деревянное зодчество, проспекты, запруженные весёлой студенческой молодёжью. Целые оды посвящал университету, научной библиотеке, знаменитой Университетской роще, медицинскому, политехническому институтам. Наташа, как губка, впитывала всё это, хотя больше всего её интересовал мединститут.

Наше детство прошло в Раздольном. Этот затерянный в степи посёлок с невысокими до-

миками был со всех сторон окружён небом. Оно простиралось от горизонта до горизонта: дневное – безоблачное, сытно-синее или в причудливых облаках и ночное – звёздное. В солнечный день манящие воздушно-белые облака, плывущие от края и до края земли, благовествовали о счастливой новизне каждого дня. А вечером весь космос с дальними и ближними звёздами был как на ладони. Вьюжные зимы наметали сугробы прямо возле дома. Сумерки заставляли нас с сестрой играющими на снежных горках. Синеющие сумерки даже на вкус были чудесными. Мы ложились на снег и смотрели в небо. Снег совсем не холодил, он становился тёплым. Небо быстро чернело, и на нём вспыхивали звёзды. В ясную морозную ночь с вышینی сияли мириады звёзд. Мы часто видели огненные полоски сгорающих метеоритов, неторопливо летящие огоньки спутников. Если мы долго смотрели вверх, терялась граница между небом и землёй: или звёзды опускались, или мы возносились к ним и втягивались бездонной звёздной далью. Мы вдруг ощущали себя глядящими в космос из колыбели Земли. А он ожидал, радостно мигая звёздами.

Мамин голос:

– Наташа, Вера – домой!

Мы неохотно плелись к дому.

Наша маленькая речка Чаглинка была миниатюрным отражением Вселенской Реки, как, наверное, любая река. Она текла к нам из каких-то неведомых степных далей и, замысловато петляя, уносила свои небогатые воды к ближним и дальним посёлкам.

Это была нескучная река, вдоль её берегов росли шуршащие на ветру заросли камышей, пестрели мелкими цветами заливные зелёные лужки. Крошечные песчаные косы сменяли обрывистые глинистые берега, в которых ласточки или стрижи делали норки. А в отдалённых от посёлка местах, в тихих заводях, среди круглых, как блины, зелёных листьев цвели золотые кувшинки и белоснежные водяные лилии, местная разновидность лотоса – мистического цветка древних цивилизаций. Увидеть лилии или получить один-два цветка от взрослых было большой радостью. Мы вглядывались в красновато-жёлтую сердцевину цветка, вдыхали его удивительный аромат, сродни запаху утренней влажной свежести, и всерьёз ожидали волшебства.

В жаркие летние дни плескались в парной воде до лихорадки.

Степной пейзаж монотонным не назовёшь. Разнообразие придавали ему бесконечно меняющиеся цвет и форму облака, плывущие в манящей близости от земли. И ещё свет – свет солнца, разгорающегося к полудню и ало пламенеющего к вечеру. Но самое поразительное в степи не рисуешь, не опишешь, не переместишь, не воспроизведёшь и не привезёшь в подарок – это запах. Дух нагретой солнцем степи, настоящий на множестве трав и цветов, пьянит, будоражит, наполняет радостью и витальной силой. Наверное, он пробуждает какие-то глубокие пласты памяти о вольной кочевой жизни древних степняков.

Взрослея, мы потеряли целый континент драгоценных чувств и ощущений, они теперь не подвластны даже самому старательному описанию.

Тогда, в блаженную пору добуквенного и дописьменного существования, мы были ещё связаны незримой пуповиной с таинственной добытийностью, тогда всё было другим, краски – плотнее и ярче, звуки – нежнее. Радость захлёстывала, охватывая целиком всё детское существо до кончиков растрёпанных волос.

Наше безтелевизионное и безкомпьютерное детство подарило нам возможность играть в свои игры и выдумывать свои собственные миры и увлекательные истории. Застрельщицей в этом была Наташа. Её фантазия и поразительный творческий потенциал детской души красочно расцвели наше детство.

Самой первой и самой важной игрой была игра в дом. Действительно, ведь человек призван, прежде всего, устроить на земле свой дом, в котором он и его близкие будут чувствовать себя защищёнными, любимыми и любящими. Хорошо, если когда-нибудь в такой дом превратится вся наша планета с наличным числом цивилизаций, стран и народов.

Первый «домик» мы устроили ещё в Лавровке, в скверике возле избушки под раскидистыми кустами акаций. Я запомнила чисто выметенную землю под густыми кронами, почерневшие доски на чурочках – лавочки. И что-то так влекло меня туда и наделяло это отъединённое пространство особенной значимостью. Потом, уже в Раздольном, мы устраивали домик в уголке сарая. Но появились домашние животные и выселили нас оттуда. Наташа придумала устроить домик на чердаке – таинственное и сказочное место. Про Карлсона тогда никто и слыхом не слыхивал. По шаткой лестнице мы поднимали на чердак старые одеяла, доски. Просили у мамы какую-ни-

будь посуду. И так в наличии появились все составляющие настоящего жилища: постель, стол, домашняя утварь. Рвали высокие стебли полыни и делали из них веники – наш домик должен был содержаться в чистоте. Здесь мы собирались с подругами, вели душевные беседы, играли, делали кукол из подручных материалов, приносили какую-нибудь еду для совместных трапез, с удовольствием обозревали с высоты окружающий пейзаж. Этакая детская община. Конец общине положил папа. Боясь, что мы проломим потолок, он запретил нам собираться на чердаке. И потом уже игра в домик не заладилась – не находилось никакого укромного места для него.

Из любимых игр – жмурки, вышибала, прятки. Казалось бы, в наших небольших, бедно обставленных комнатах невозможно было играть в прятки. Но это не так. Маленькие, мы могли уместиться в самом дальнем углу шкафа за висящей одеждой, на небольшом уголке стола за трельяжем, спрятаться между перин на кровати, залезть в чемодан. Однажды сестра с подругой не могли меня найти в двух комнатах часа два. Зал, спальня и кухня были смежными. Мы прятались в зале и спальне. В зале всё легко просматривалось, и прятаться там особо было негде. Поэтому, заглянув под стол, искатели отправлялись в спальню. Я догадалась встать на подоконник за этажерку в зале. Как только Наташа с Ларисой уходили в спальню, соскакивала с подоконника и убегала на кухню. И когда они уже переворачивали вверх дном всю спальню, радостно подпрыгивая, прибежала из кухни:

– Эля, эля*! Вы меня не нашли!

И так несколько раз.

– Mam, куда она прячется? – пыталась вывести Наташа мой секрет.

– У неё есть порошок невидимый, – не выдавала меня мама.

А уж на улице среди сараев, стогов сена, бочек и заборов попробуй-ка отыщи.

Ещё играли в догоняшки, ножички, классики, в мячик, козла, штандр, магазин, прыгали через скакалочки, крутили хулахуп. Зимой «резались» в настольные игры. Из любимых: шашки и «чапаев». Мультки в нашем детстве появлялись нечасто. Иногда их показывали в киножурналах перед началом фильма в клубе. Редкостная, упоительная удача! Но зато в нашем доме в большом количестве были пластинки со сказками. Все они записывались с прекрасным музы-

* «Эля!» – наш детский возглас похвальбы.

кальным оформлением. Папа, не жалея денег, покупал и привозил их нам отовсюду. Эти пластинки были прослушаны нами, думаю, сотни раз: «Кошкин дом», «Чиполлино», «Приключения Незнайки», «Конёк-горбунок», «Золушка» и другие. Я бы и сейчас, наверное, с первых звуков узнала старые записи полюбившихся сказок.

Был ещё фильмоскоп и диафильмы. Старые фильмоскопы своим видом были похожи на маленький танк. Воинственно, как дуло, выдвигался вперёд объектив. «Готов к борьбе за развлечения и просвещение детей!» – говорил их грозный вид. Долгими зимними вечерами мы смотрели диафильмы с гостями или вдвоём с сестрой. Вставляешь диафильм в специальную «крутилку». Надо правильной стороной вставить, а то картинка будет наоборот, и ни одного слова не прочитаешь. «Крутилку» вставляешь в фильмоскоп, гасится свет, всё поглощает темнота, солнечный луч вырывается из объектива, и вот яркие цветные картинки появляются на белой известковой стене – начинается сказка.

Была у нас одна игра, которая, я думаю, досталась детям со времён каменного века – это «камешки». Для игры нужно найти пять плоских небольших камешков, одну или две подружки – и игра могла затянуться на часы. Она имела много конов и различных вариаций. Камни разбрасывались на плоской поверхности, потом надо было выбивать один камень другим, как в «чапаеве», потом они подбрасывались и ловились тыльной стороной ладоней – сначала двумя, потом одной. Постепенно количество камней в игре уменьшалось. Мы, наверное, стали последней генерацией детей, которая играла в эту игру, свою дочь я уже не смогла ею заинтересовать. Да... Где «камешки», а где компьютерные игры...

На лето мама шила нам одинаковые платья и сарафаны. Одну такую пару сарафанов с широкими лямками я запомнила. Они были сшиты из ситца: по белому полю – маленькие розовые тюльпаны с зелёными листиками на коротких стебельках. Часто нас отправляли на улицу в трусиках и босиком. За летний сезон мы чернели, как головёшки, подошвы ног грубели, наподобие кирзы, и становились неузвимы, как у йогов, ни для стёкол, ни для гвоздей. Раз в три дня мама делала нам причёски: косы заплетались так туго, что глаза смещались к ушам.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – приговаривала она казацкую присказку.

Кстати, вспоминаю и другие её присказки. Если терялась какая-то вещь, которая всегда была под рукой, вдруг непостижимым образом пропадала, мама искала её, приговаривая: «Чёрт-чёрт, поиграй да отдай!».

На осень и весну у нас были ботинки и высокие резиновые сапоги, в них хорошо было месить деревенскую грязь и измерять глубину луж. Зимой, конечно, валенки; они много раз подшивались, отчего делались неуклюжими и смешными, но зато удобными для зимних забав. Вся эта обувь практически не различалась по гендерным признакам и была в основном чёрного цвета.

У моего гардероба было одно преимущество по сравнению с Наташиным: я добровольно, без всякого принуждения донашивала за сестрой всё, что она не смогла сносить. Поэтому, хоть и плохонькой, но одежды у меня оказывалось больше. Историю про Наташину шубку и красное пальто, которое мне папа привёз из Москвы, я не могу забыть до сих пор. Почему-то тогда наша отечественная промышленность не предлагала курток никаким категориям населения – только шубы и пальто. И у меня даже есть предположение, почему. Из всех видов курток в ходу была только одна – фуфайка или, проще говоря, ватник – одного фасона на все тридцать миллионов или, иначе, больше экземпляров, которые выпускались в стране ежегодно. Дешёвые и тёплые ватники предназначались для простых и грубых работ. А вот пальто или шуба – статусная вещь. Выпусти куртку – кто её купит, она же на ватник похожа. Папа купил мне пальто в Москве, примерив его на случайно подвернувшуюся в магазине восьмилетнюю москвичку. Когда на меня надели пальто, стало ясно, что москвичка оказалась акселераткой: рукава свисали до колен, полы волочились на уровне пяток, внутрь пальто можно было запихать ещё две таких же девочки, как я. В нашем втором «А» я была самой маленькой, Нина Кресс, замыкавшая шеренгу на физкультуре, не считается, потому что все думали, что она лилипутка. Пальто повесили в гардероб и стали ждать, пока я подрасту.

– Ну и хорошо, на несколько лет хватит, – рассудила мама.

Шли месяцы. Но то ли пальто подрастало вместе со мной, то ли я совсем не росла – я по-прежнему утопала в нём по макушку. Меня вполне устраивала Наташина шубка. Правда, теперь ручонки по локоть выглядывали из рукавов. И вот однажды, через год после приобретения

пальто, я собралась в кино, набросила изрядно порывевшую, но такую дорогую моему сердцу Наташину шубку.

И вдруг папа спросил:

– Ты почему пальто не носишь?

Наверное, я вызывающе выглядела.

– Оно мне ещё большое.

Видимо, папа был возмущён тем, что прекрасное московское пальто из красного кашемира в рубчик, с воротником из золотисто-коричневой овчины висит без толку в гардеробе, а дочь ходит в критически неприличной шубе. Он сурово произнёс:

– Надевай пальто, в шубе я тебя не пушу.

Я, понурив голову, напялила пальто. Рукава безжизненно болтались, вызывая подозрения, что рук в них нет вовсе, полы заканчивались где-то на уровне подошв, под обвисшие плечи можно было подложить по подушке-думочке. И вот в таком клоунском виде я должна идти в кино? Девочка из «Республики Шкид». И хотя я уже тогда из всех искусств важнейшим считала кино, ронять свою репутацию перед сельским сообществом ради него не хотела. Я остановилась на пороге и расплакалась. Всё-таки у папы оказалась кое-какой вкус, он смиловился:

– Хорошо, иди в шубе, – сказал он.

Я радостно накинула шубу, которая на мне уже элегантно превращалась в полушубок.

Мама надставила Наташину шубу, чтобы я могла и дальше в ней ходить. Но пальто продолжало-таки угрожающе краснеть в гардеробе. Наконец, к четвёртому классу мама решила обрезать его по моему росту. И как только его обрезают – я стала уверенно расти и к следующему году из него окончательно выросла.

Ещё не владея грамотой, мы с сестрой пытались «читать».

В диафильмах под картинками был текст, который сначала нам читали родители. А когда мы смотрели диафильмы без них, «читали» друг другу – рассказывали всё, что запомнили про эти картинки.

Папа как-то подписал нам с Наташей открытку к 8 Марта. Читать мы не умели, и мама нам несколько раз прочла: «Дорогие дочери, Наташа и Вера, поздравляю вас с Международным женским днём Восьмое марта...» Потом мы с Наташей «перечитывали» друг другу эту открытку, так как «международный» не могли ни запомнить, ни произнести, читали так: «Поздравляю вас с женским «пэнским» днём Восьмое марта».

Теперь мы так и поздравляем друг друга в семье – с «женским пэнским» днём.

Также нередко мы «читали» книги. В доме педагогов детских книг было очень много. Из любимых: народные сказки, «Конёк-горбунок» Петра Ершова, стихи Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Агнии Барто, Сергея Михалкова – в общем, вся советская детская классика. Кроме того, папа много покупал для нас сказок народов мира. Будучи сам библиофилом и книголюбом, он приохотил нас к чтению.

Тогда мы вполне обходились без гугла, потому что гуглом нам служил папа. Раньше про таких, как папа, говорили: ходячая энциклопедия. А сейчас как сказать? Ходячий гугл? Ну, при мобильных устройствах и это уже не образно. А можно так: «Не мозг, а гугл». Или просто: «Ну ты гугл!».

Ну вот, мы обращалась к нему за разъяснением непонятных слов, с бесчисленными вопросами про то и это. Не помню, чтобы папа чего-нибудь не знал. Потом он сам не стал нам разъяснять, а отправлял к словарям и энциклопедиям, которые внушительными рядами стояли в высоком шкафу. Нам в словарях рыться не хотелось. Но папа твёрдо решил приучить нас самих добывать информацию. Только мы к нему с вопросом – он молча, с улыбкой на шкаф с энциклопедиями кивает: дескать, ищите сами.

– Ну, пап... – начинаем канючить.

А папа опять кивает. Приучил всё-таки.

Мы любили с сестрой смотреть картинки в Большой советской энциклопедии и книгах по искусству. Их у отца тоже было много. Кажется, мы как-то комментировали друг другу картинки. Точно помню игру – каждая стремилась быстрее закрыть ладошкой понравившуюся картинку и выкрикнуть: «Это моё!». Так мы обозначали свои предпочтения. Часто в пылу делёжки под ладошку попадались какие-нибудь странные или безобразные, с нашей точки зрения, вещи, типа «Похищение дочерей Левкиппа» или «Сатурн, пожирающий своих детей». Это нас очень веселило. Наше детское целомудрие не позволяло подробно рассматривать картинки с «обнажённой», которой в классических живописных произведениях было более чем достаточно. И если кто-то из нас двоих дольше положенного задерживался на таких картинках, другая говорила:

– Листай быстрее, как тебе не стыдно, бесовская!

Приучив нас читать, папа потом боролся с этой страстью. Мы готовы были читать всегда, за едой, ночью, нарушая строго установленный режим. В одиннадцать вечера все должны были ложиться спать. Мы придумывали разные способы, чтобы обойти этот запрет. Наташа, например, ночами читала с фонариком, под одеялом. Уже в Красном Яре у нас была двухуровневая квартира. Когда папа засыпал в соседней спальне, я потихоньку спускалась со второго этажа и читала внизу на кухне. Если сверху начиналось движение – выключала свет и пережидала. Однажды папа забрал у меня и спрятал книжку за то, что я читала во время обеда или ужина за столом. Такую книжку! «Консуэло» Жорж Санд. И как раз в самый разгар романтических страстей.

Папа нас не лупил никогда. Я запомнила лишь одну оплеуху, полученную от него. По моим нынешним представлениям, я её заслужила. Папа наказывал тем, что ставил в угол, это в сугубо раннем детстве. Его главным педагогическим средством была воспитательная беседа, хотя и не только. Отец обладал таким авторитетом, что его слов было достаточно для нашего вразумления. Мы боялись нарушить его требования. Он творчески подходил к наказаниям. Например, чтобы отбить у нас привычку болтаться поздно вечером на улице, он завёл такое правило: в десять вечера мы с сестрой должны были быть дома. Случалось, заиграешься где-нибудь, заболтаешься с подружками и вдруг с ужасом узнаёшь, что роковая черта пройдена. Стрелки двинулись к одиннадцати. Начинались бешеные гонки домой. В голове одна мысль: только бы не закрыл дверь, только бы не закрыл дверь! И вот холодная от страха подбегаешь к двери, осторожно тянешь её на себя – ужас! – она закрыта. Если бы не было страшно остаться на ночь на улице, то мы бы остались. Даже не знаю, что страшнее было: встреча с папой после десяти или бездомная ночь на улице. Вот стоишь перед закрытой дверью с двумя большими страхами. Тихо, как мышка, стучишь в дверь. На стук после десяти дверь всегда открывал папа. Звук его шагов был вызовом на страшный суд. Если папа нас не лупил, чего же мы так боялись? Папиного гнева, его недовольства нами. И потом, могут же педагогические принципы дать осечку. У мамы педагогические принципы осечку давали.

В небогатые и непритязательные советские времена обходились скромным минимумом ве-

щей. Домашняя мебель была куплена на заре нашего детства и с тех пор не менялась. Её я помню назубок. Две панцирных широких кровати, громоздкий платяной шкаф, овальный стол с трельяжем и несколько скрипучих венских стульев в спальне. Всё детство мы с сестрой спали вместе на одной кровати, потом появилась детская кроватка для Володи, два шкафа с книгами, круглый раздвижной стол, лёгкая этажерка тоже для книг и шесть лакированных стульев с обитыми голубым коленкором сиденьями – в зале. Эти стулья поначалу выглядели даже изысканно. Раз в месяц мы отчищали порошком их голубые сиденья и протирали лаковые закруглённые спинки. Потом лак облез, коленкор повредился. Но и венские стулья, и голубой коленкор дожили до маминого переезда в Томск в тысяча девятьсот девяносто втором году. И потом, когда мамину квартиру продали, мебель раздали желающим, Наташа сильно жалела по поводу венских стульев.

– Что же мы не догадались?! – спохватилась она позже. – Надо было их отреставрировать, покрыть лаком и оставить как память о нашем доме, они бы и сейчас очень хорошо смотрелись.

Они смотрелись бы хорошо... И теперь, при воспоминании об этих отданных случайным людям наших старых венских стульях мне становится до слёз грустно.

На кухне стояли немудрёные стол, табуретки, сработанные сельскими плотниками. Потом появился буфет с зеркальными стёклами в верхнем шкафчике. Нам он казался верхом роскоши. А позже в доме появились телевизор на ножках и холодильник.

Были и совсем экзотические вещи – аквариум с рыбками, который завёл папа. Для нашего маленького посёлка это было в диковинку. Приходили совсем незнакомые люди, в основном дети, посмотреть на маленьких рыбок – родители всех пускали. Эпизод из фильма «Собачье сердце», когда бабулька пришла в дом профессора Преображенского посмотреть на «говорящую собачку», живо напомнил мне наш аквариум.

Из вещей родительского дома у нас остались лишь папины книги и мамыны одеяла и подушки.

Быт в Раздольном был довольно тяжёлым: в доме отсутствовали вода, канализация, центральное отопление. Но у нас с сестрой осталось светлое, лёгкое, комфортное ощущение от этого дома.

Вечером, лёжа в постели, мы рассматривали узоры трещинок на известковых стенах и потолке, отыскивая среди них знакомые фигуры: птиц, людей и деревьев. К утру дом охладился. Проснувшись, мы ждали, когда мама растопит печь. Заслышав её ровный гул, хватали в охапку одежду и бежали босиком по холодному полу к печи. Печь уже щедро отбрасывала густые красные блики, исходила жаром и приветливо гудела, пощёлкивая поленьями. Греясь то одним, то другим боком возле неё, мы неторопливо одевались, поджидая, когда тепло разольётся по всему дому. Летом в солнечные дни я любила сразу после пробуждения выбегать в палисадник к восточной стене, которая уже ярко освещалась и прогревалась солнцем. Сидя на корточках и греясь в его лучах, начинала палочкой рисовать на земле каракули, копать ямки или канальчики, выковыривать из земли маленькие красивые камешки.

Большая часть тягот лежала на маме: она и топила печь, и варила, и ухаживала за домашними животными и за огородом. Не сразу я оценила всю ту огромную работу, которую мама делала ради семьи.

Хотя нас обеих рано приобщили к домашним заботам, Наталья проявляла к ним большее усердие и охоту. Нашим делом были уборка в доме, мытьё посуды, помощь на огороде. Кухню мама нам не доверяла, готовила всегда сама. Иногда с небольшими ведёрками мы ходили за водой на водокачку. Сестра пыталась научиться доить корову. Если говорить о домашних животных, которых мы помнили и любили, – это наша Жданка. Она была ярко-рыжей, по-коровьи изящной, с большими, я бы даже сказала, умными глазами. Когда мы уезжали из Раздольного, её пришлось зарезать. Думали, что она нестерпимая, а у неё оказался телёночек. Мы видели отрезанную голову Жданки с открытыми, полными ужаса, вывороченными глазами. Сестра очень плакала о Жданке.

Когда-нибудь в своих иномирных странствиях Наташа попадёт в тенистую берёзовую рощу, окружённую зелёными лугами.

Шелестят ветви берёз, их листочки-сердечки трепещут и подрагивают на лёгком ветру. Если лечь на траву и закрыть глаза, то кажется, что где-то неподалёку шумит океан. В его шум вплетается звон мушек, гудение шмелей, шуршание травинки. Плывёт нежный сладкий запах цветущих лугов. Вдруг кто-то влажно касается Ната-

шиной щеки. Она открывает глаза. Грустные большие глаза уставились на неё.

– Жданка! Жданочка? Это ты?! – Наташа сразу узнаёт свою любимицу.

Она обнимает Жданку за шею. Корова поворачивает голову назад, и к ней на тоненьких ножках-спичинках бежит телёночек, такой же рыжий, как и Жданка. Он тыкается бархатной мордочкой в Наташины ладони, нетерпеливо топотит своими чёрными агатовыми копытцами, треплет подол платья...

Уже к склону лет я осознала, что Наташа была уникальным ребёнком, уникальным по своей одарённости. О написанных ею в детстве «произведениях» я подробно писала в изданной ранее семейной хронике «Так было»*. Там же я рассказала о том, какие необыкновенные куклы и кукольные семейства придумывала и мастерила сестра.

Я перебираю детей и взрослых и отмечаю, что не знаю в своём ближнем и дальнем окружении того, кто бы в детстве писал, иллюстрировал и «издавал» книги, как Наташа. За исключением, может быть, сестёр Бронте. Но это уж совсем «дальнее». Тогда я это всё очень любила и восхищалась, но оценить уникальность Наташиного дара, конечно, не могла. Не знаю тех, кто бы так плодотворно придумывал новые игры, мастерил кукол из самых невероятных предметов – бутылок, щепок, початков кукурузы, камней. Тогда это было обыденностью детских игр с их спонтанным и бесконечным творчеством.

Вот цитата из Наташиного произведения «Шумный двор, или Барак».

Замечу сразу, что слово «барак» в нашем детстве не несло никакого негативного смысла, как сейчас: временная, полупригодная для проживания, убогая постройка, которая к тому же использовалась в концлагерях. Да, это была вытянутая в длину одноэтажная постройка, в которой проживало несколько семей. В бараках целого посёлка, каковым являлось Раздольное, жили хорошие семьи, они содержали себя в чистоте. В здании барачного типа находился клуб, где показывали кино и проходили праздники. Это был тип постройки, и только. Итак, начало «Шумного двора...»:

«Утро. Солнце поднимается, петух кукарекает. Улица просыпается, и в бараке, о котором идёт речь, тоже просыпаются люди. В кухнях во всех уже горит свет, мамы варят обед и

* Лаврина В. Л. Так было. Томск: Д-Принт, 2008.

завтрак. В детских и спальнях завешены окна и темно. Дверь барака закрыта. Видно, что ещё никто из барака не выходил».

Неплохо для одиннадцатилетней девочки.

Произведение открывается анкетой:

«Анкета

Издательство: домашнее

Художник: Попова Наташа (ил.)

Режиссёр: Попова Наташа

Название произведения:

Шумный двор (барак)

Издание: 1-е

Начато: 30/X – 65

Кончено –

Роспись: (Наташина роспись)».

Наташа как-то сказала мне: «Хорошо, что я не стала писательницей, а то писала бы всякую ерунду». Она имела в виду свою сентиментальность, думая, видимо, что произведения её были бы безвкусно чувствительными. Наташу ничего не стоило растрогать, чуть расчувствуется, и уже слёзы в глазах стоят. Во мне её слова произвели странную реакцию, я не была согласна с ней в том, что это «хорошо», ведь её дар такой неизгладимый след оставил в моей душе. Он удивлял и других, соприкоснувшихся с Наташиным творчеством. Скорее всего, тогда, в детстве, как уже говорила, под впечатлением её произведений завязался невидимый узелок моей писательской судьбы, хотя «писательский зуд» проявился много позже. Если бы она дерзнула стать писательницей!

Мне вспоминаются зимние вечера нашего детства, когда мы пребывали в надёжных ладнях семьи, в колыбели родительской любви, когда ничего не было известно о будущих радостях и скорбях, о тяжёлом разводе родителей, болезнях.

Жарко топится печь, на ней покойно шипит старый эмалированный зелёный чайник. Горит керосиновая лампа, отбрасывающая на стены причудливые тени. Мама, накинув на плечи пуховую шаль, сидит за столом и проверяет тетрадки. Вот-вот стукнет дверная щеколда – вернётся с работы папа. А мы троём устроились на полу, на расстеленных шубах. Наташа рисует картинку к своей повести «Дарья». Я засыпаю её вопросами о том, что случится с Дарьей на следующей странице, на следующий день. Володя ползает между нами, норовя поближе подобраться к Наташиной повести. Он уже знает, с

каким весёлым треском и как легко рвётся клетчатая бумага. Метель сыплет в окна пригоршни снега, зябко трепещут в палисаднике молодые тополя. В стайке Жданка жуёт душистое сено, дремлют на насестах куры. На краю посёлка под ледяным зеркалом спит замёрзшая река. А дальше простираются укутанные снегом степи с редкими перелесками. А дальше, дальше... начинается незнакомый мир, в который нужно будет вступить, когда закончится детство.

ПЕРЕЕЗД ИЗ ДЕТСТВА

В отроческие лета Наташа начала писать дневник, в четырнадцать лет. Событием, которое положило этому начало, стал переезд из любимого Раздольного, разлука с подругами, школой. Переезд из Раздольного в Красный Яр явился, по сути, «переездом из детства». В этом дневнике наличествуют все подростковые «страсти»: ревностные отношения с подругами, первые безответные влюблённости, конфликты с родителями, попытки самоанализа и самооценки. И в нём уже есть то, что станет её «фирменным» дневниковым стилем: видение и осуждение своих недостатков и планы по их преодолению, работа над собой.

13

Наташа, какой мы её знаем, – добрая, открытая, внимательная к людям, горячо отзывчивая на помощь и поддержку – не родилась такой. Думаю, она такой себя сделала. В её первом дневнике она не размышляет о своём отношении к людям. Скорее, её интересует то, как к ней относятся близкие. И лишь в конце, недовольная собой, своей учёбой начнёт себя ругать и строить планы по преодолению «грехов».

Первый дневник сестры – общая тетрадь в сорок восемь листов в клеточку; на обложке шариковой ручкой Наташа нарисовала водяную лилию. На обратной стороне обложки стоит дата – 19 августа 1969 года (дневнику около полусотни лет – уже раритет). Эту и ещё две тетрадки ранних дневников Наташи за 1976–1977, 1980–1984 годы обнаружили уже спустя семь лет после её ухода из жизни среди книг и старых историй болезней. Наташа вела дневник до две тысячи седьмого года – тридцать восемь лет с небольшими перерывами. За последние два года записей нет, хотя осталось шесть чистых листочков. Некоторые студенческие дневники она потеряла, о чём с сожалением сама написала.

Итак, первая запись начинается с горестного для сестры известия.

«Роковой день – 21 августа 1969 г.

В этот день я узнала, только сейчас, что мы уезжаем из Раздольного. Вот мама сказала: «Разве не одинаково? И там класс, и там подруги».

Нет, нет! Никогда! Милый Раздольный! Милый! Милый! Милый!»

Уже приходили смотреть наш дом, уже Наташа думает о незнакомой девочке, которая будет жить в нашей комнате вместо неё, о том, что после переезда она больше не сможет зайти сюда: «О, как хорошо сейчас, в августе в нашем огороде! Этот наш дом, этот наш огород надо запомнить на всю жизнь. Уехали 10 сентября. Пустые комнаты, <отрезанная> голова Жданки. Локон Ларисы. Последний день в школе. Ревела как корова. Я сбегала со ступенек родной школы с полными слёз глазами, ничего не разбирая, перемахнула через заборчик и побежала, задыхаясь от плача и бега». Собираясь, Наташа складывает в чемодан дорогие вещи: локон подруги, Таниного козлика на трёх ногах, книжку «МК» (Коли Мазура?).

Ещё не уехав из Раздольного, мечтает о приезде туда в гости: купит конфет, какой-нибудь подарок. Она придумала уже, в каком наряде поедет в Раздольный.

Сквозная тема этого отроческого дневника – отношения с подругами, тема дружбы. Наташа пишет не только о переменчивых отношениях со своей любимой подругой Ларисой Тиссен, но и о моей дружбе с Луизой Алексеевой, Леной Якубовой. Наташа с обидой замечает: «И вообще Луиза гораздо нежнее к Лене, чем к Вере»:

«Луиза. Почему мы, две сестры, такие несчастные в дружбе с девочками? Почему? Надо подумать». Наташа нашла ответ на этот вопрос. В строках, обращённых к Ларисе, она пишет: «Я доверяю тебе душу, но не всю, а до моих интимных дел тебе не должно быть дела. Я не люблю интимных дел и никогда никому о них не говорю. Может, поэтому у меня нет сердечных подруг, а только – душевная. Потому что подруги любят сердечные тайны. Они такие интересные! Они такие увлекательные. Просто целый роман».

Сестра часто пытливно всматривается в своих подруг-одногодок, двоюродных сестёр, стараясь «разгадать человеческие души». Несколько страниц дневника она посвятила своей любимой двоюродной сестре Гале Поповой. Восхищается её женственностью, даже называет «святой», ревнует к подруге Любе. «Обе они очень привлекательные, умные, а я со своим постным лицом

и монашескими выходками отпугиваю...» Наташа представляет, как она пойдёт на Малую сопку в Аиртаве и выбьет на камне слова: «Гаяля и Наташа, 1 мая 1970 г.».

В свой день рождения сестра записывает: «27 августа (1969 г. – *Прим. В. Л.*) у меня был день рождения. Мне исполнилось 15 лет. Меня никто не поздравил. Я им напомнила через два дня».

Пятнадцать лет – возраст первых влюблённостей, в дневнике сестры им посвящены многие страницы.

Она пишет о симпатии к какому-то мальчику, но даже имя его остаётся неизвестным. Возможно, это одноклассник Коля Мазур. Он – красавчик, дон Жуан, «опытный», который уже целовался с девочками. «А я – дурнушка. Между нами ничего общего».

«Мне приснился сегодня он. Я не знаю где, как будто в нашем доме, но комнаты такие светлые, большие. Только я вспоминаю об этом сне, как в голове у меня кружится белый лёгкий туман, и я, напоённая этим туманом, лечу... лечу...»

Встречается ещё паренёк, по прозвищу Фитиль, из Раздольного, о котором с симпатией и воздыханиями пишет Наташа. Но так как она даже в своём дневнике не называет его имени, разобратись до конца с её сердечными привязанностями я не смогла.

В Красном Яре у неё появляются новые симпатии. И совсем неожиданными для меня были признания, в которых Наташа любитесь мальчишеской фигурой, одеждой: «Почему мужская фигура такая стройная, статная? Шапка-ушанка, прямое зимнее пальто, брюки, ботинки – и так красиво, просто. Ах! Как бы я хотела родиться мальчишкой!».

Подружки «дружат», «ходят» с парнями. Наташа грустит: «Одна я ещё ни с кем не дружила, не ходила, не целовалась. Мне ещё ни один мальчишка не говорил, что я нравлюсь ему, что он хочет со мной дружить. Наверное, нужно какое-то специальное женское обаяние, которого у меня нет. Зуева Таня говорит, что я неприступна. Как бы я хотела узнать, правда это или нет? Ну вот, от сердца у меня отлегло, настроение проясняется».

Влюбившись в мальчишку в Красном Яре и увидев его с другой, она с яростью пишет: «Опять безответная любовь? Хватит с меня безответной любви! Я хочу ответной! А где она? Хоть бы за-

худалый какой-нибудь выискался. Так нет же... Наверное, так приятно быть любимой. Знать, что о тебе сейчас думают, что тебя ждут каждую минуту. Ну почему я такая несчастная? Неудачница? Сильно гордая, неприступная, сильно скромничаю? Нет, не то. А что? Что!!!?»

Честно говоря, я забыла о каких-то острых, конфликтных отношениях с сестрой в детстве и отрочестве. Мне они казались безоблачными. Но оказывается, мы с ней ругались и даже дрались!

Я встретила в дневнике интересный фрагмент: это наша переписка с ней. Наташа была ранимым подростком и серьёзно относилась ко всякого рода глупым и задиристым высказываниям, которые в запале могли исходить в том числе и от меня, преувеличивала их, принимая близко к сердцу.

15 марта 1970 года: «Сейчас Верка меня ужасно обидела. «Не старайся быть умной, когда ты дура». Сколько раз она мне говорит об этом. Ну нужно хотя бы для такта соблюдать приличия. Она жестока, считает себя выше всех, я слышала, как она разговаривает с подругами. Считает меня круглой душой, а себя очень умной и со множеством других достоинств, которых нет ни у меня, ни у кого другого. Она всегда такая, никогда её не вызовешь на откровенный разговор, не узнаешь её душу, и это она считает тоже достоинством. Для чего она живёт, для кого, если она думает только о себе и занята только собой? А зачем тогда жить?»

Наташа решает дать мне прочесть эти её записи: «Пусть знает, что я о ней думаю. Хотя, может быть, это её внешняя оболочка, которой она прикрывается, а внутри идёт жизнь умственная, бурная, как у меня. Но, наверное, наши мысли совсем противоположные. Неужели правда, правда, она считает меня коровой? О чём речь? Нет сомнений».

Наташа даёт мне прочесть её дневник и эти строки, касающиеся меня. И вот я в её дневнике неуклюжим стилем записываю ответ, покаянный, но при этом с попытками ответной атаки: «Наташа, это нетактично, так отзываться о человеке, притом которого ты хорошо знаешь. Мы живём вместе 13 лет и не можем понять, узнать друг друга. Ты правильно сказала, я эгоистка, но ты не знаешь о том, что я заставляю себя от одного поступка к другому вырабатывать в себе хорошие чувства. Ты ошиблась, когда сказала, что считаю тебя душой».

Всё, что я писала, это так.

P. S. Мне очень трудно бороться с собой и мне ещё в редких случаях удаётся побеждать себя. И иногда это тоже моя слабость. Когда ты вот что-нибудь делаешь, после непринуждённо отмахиваешься словами, я не могу тебе ничего сказать и говорю что-нибудь обидное из-за злобы».

Сестра мне отвечает уже мягче: «Разве, Вера, тебя узнаешь, с твоим-то характером! Такая замкнутая, задумчивая. И ты ведь знаешь, что я всё принимаю всерьёз. А то, что ты написала насчёт дуры – это правда, тебя кольнули мои упрёки о такте или ты просто пожалела меня? А я ведь так не люблю жалостей. А из этого всего выходит, что я, наоборот, хотела сейчас, чтобы меня пожалели. Зачем я тогда дала тебе дневник прочесть?»

Наташа считала, что ей не повезло с наследственностью: «Во мне слились все отрицательные черты родителей, а в Вере – все положительные, хорошие. Надо что-то делать». Вообще-то она неправа: ей достались мамины кудри, а мне – ни одной кудринки. И потом, анализируя мой характер и поступки, она сама вскрыла мои отрицательные черты.

Конечно, и после, в студенчестве, наши отношения, как любые родственные, не были безоблачными. В студенческом дневнике сестра пишет: «Зашла к Вере в научку. Тогда мне показалось, что мы вовсе не сёстры, а двое чужих людей. Как-то не то... не то... Я была подавлена экзаменом, рабочей ночью, не удовлетворена результатом сессии. Она была довольна всем. Она сдавала сессию на отлично. Верка очень умна. Глубоко не уважает меня. Она видит, знает и чувствует, что я глупа. А она, как и отец, уважает только ум. Расстались мы с ней холодно. Как, интересно, у нас сложатся отношения, когда мы будем взрослыми?» (1976 год).

Жаль, что Наташа не чувствовала того, что я всегда ценила её доброту и сердечность. Наверное, я сама в этом виновата. Тогда Наташа с друзьями самозабвенно ездил по пещерам, выезжала на скалы. Я же больше сосредотачивалась на учёбе и не понимала, зачем по три раза в месяц мотаться в карстовые полости. Ощущение жгучей романтики и туристического братства созрело чуть позже.

А вот ещё одна запись в студенческом дневнике сестры, от 8 апреля 1977 года, которая свидетельствует о том, что в годы учёбы в Томске и

мимолётные отчуждения, и другие нестроения не прерывали нашей сестринской связи: «Первый раз поссорились с Верой. Правда, ума хватило всё загладить. Совсем забыла её. Но могу оправдаться: было отвратительное настроение. Хочу Вере связать шапочку на весну, но когда? Конференция, а потом и носить её не надо будет – тепло. И надо купить ей зимние тёплые варежки. Но на что? 50 р. долга. Раньше бы бросила конференцию, но связала. Ещё бы заняла пятёрку на варежки и купила». Хоть Наташа и не связала мне шапку, зато подарила красивое платье и прекрасную павловопосадскую шаль.

Наташин первый студенческий дневник заканчивается странными словами: «Моя милая Веруська! Чувствую себя чем-то обязанной перед ней...» (1 мая 1977).

В подростковом дневнике Наташи содержится единственный в своём роде пассаж на политическую тему, в последующих записях сестра ни в малейшей степени не касалась её. Эти размышления четырнадцатилетней девочки не могут не вызвать улыбку, но они интересны тем, что отнюдь не отражают официальную точку зрения, которая вбивалась в головы советскими СМИ, в них, скорее, прорываются народные оценки и настроения и какие-то Наташины представления.

Итак: «Сейчас в мою (умную) голову пришли мысли о политике. Когда наша страна была могучей? В 10–11 веке, когда ходили на Царь-град. При Петре Первом она не успела стать могучей. Сейчас? Да. Но много недоделок и недомолвок. А нам пока кукиш показывают. И теперь сильные, крепкие наступают нам на пятки. А если мы от них отстанем, будут они нам помогать? Все не допускают мысли, что они перегонят нас. Посмотрим! Перегонят, а мы будем смотреть на их зады. И ведь в русскую мужицкую голову так туго заходит новое, передовое, всё за старенькое держимся. И на царей и правителей очень везёт или совсем нет. Ярослав Мудрый, Пётр Первый, Ленин. Но Ленина я не променяла бы на всех президентов, правителей, царей, лишь бы управлял, советовал. Зачем он так рано умер?! А на какого чёрта сидел Хрущёв? Дарил подарки, а мы голодали! Целыми вагонами, пароходами увозил за океан. Лучше уж Брежнев (кажется, смыслённый мужик), но его надо понять. А я поняла кого-нибудь? Я думаю, всё не работало в полную мощность. А сколько бы мы сделали за эти годы, пока он разъезжал по всему миру то один, то с жёнкой.

Почему задержалось освоение космоса? Зачем Хрущёв деньги поменял, сделал реформу? Растратился! А что сказал бы Брежнев, прочитав всю эту чушь? Наверное, заругался бы ещё похлеще, чем я здесь, несмотря на своё воспитание. Во мне сегодня всё кипит злобой». Это запись от 22 сентября 1969 года.

Воспоминания о Раздольном, тоска по подруге пронизывает весь её отроческий дневник. Она рвётся туда всей душой.

На Новый год, тридцать первого декабря шестьдесят девятого года Наташа уезжает в Раздольный – долгожданная поездка. Там она проведёт четыре счастливых и волнующих дня. Восемь страниц дневника посвящены описаниям этой поездки. Хождение по гостям, разговоры с любимой подругой все ночи напролёт, случайные встречи с мальчишками, которые нравились, но не обращали на Наташу внимания, походы в кино, первый бокал вина, первые взрослые танцы в клубе, первая пощёчина наглому мальчишке – всё это вместят четыре незабываемых дня.

В следующий раз ей удастся съездить в Раздольный через три месяца.

«Была в Раздольном. Только сейчас избавилась от такого настроения, что каждую минуту навёртываются слёзы». И Наташа опять подробно описывает своё пребывание там. Самое трогательное в её описаниях – это взаимоотношения с подругой: «Наши с Ларисой ночи. Это самое моё дорогое воспоминание о Раздольном, о Ларисе. Стихи... обо мне. Да такие нежные, тёплые, дружеские, милые и красивые. Вот уже не думала, что когда-нибудь кто-нибудь будет писать обо мне и мне стихи... А ведь это делает мой самый лучший друг – Ларочка... Как это прекрасно, хорошо, что о тебе думает друг, который раньше не очень-то дорожил мной. Но как Лариса всё это переживает! У неё, прямо можно сказать, душа поэта. Неуравновешенная, нежная, скромная. Но чем же я буду отплачивать за её добро? Я думаю, тем, что у меня сейчас в избытке: любовь. Любить, любить. И чтоб любить и дружить всю жизнь, не запачкав, не уронив, не потеряв. А ведь тогда, ночью, я побоялась дать эту клятву. Вдруг я её не выполню? Что она подумала, милая? Но я права, не надо давать эту клятву».

Переписка с Ларисой будет продолжаться много лет. Я не знаю, где сейчас Ларочка Тиссен. Скорее всего, в Германии.

Несмотря на столь горестное переживание переезда из Раздольного, сестра быстро приви-

«Обязательства, принимаемые на IV четверть 9 класса

По режиму дня – как всю первую четверть
Систематически учить, учить уроки
И каждый день, ровно в 11 часов, отчитываться за проведённый день в дневнике
Иметь отличный внешний вид
Быть вежливой
Во все дни, кроме субботы, убираться не позже 4 часов дня
Добросовестно учить уроки

(Про уроки – дважды, потому что это очень важно. – Прим. В. Л.)

Пусть две тройки в этой четверти, в четвёртой – ни одной.

Смотри, Наташка, гадина этакая!

Гори, а не копоти белый свет».

Наташин дневник любопытен опытами первого критического самоанализа: «У меня в теле сидят две души. Одна Хорошая, другая Плохая. Но Плохая сильнее, намного сильнее. Она меня развинчивает всю, никогда не вскрывает недостатки и только хвалит, возвышает над другими: ты лучше всех, ты умнее всех. Особенно ей важно, что я умная. Хорошая душа слабенькая, но всё равно сильно тревожит Плохую. Хорошая в сознании бессилия иногда владеет не только мыслями, но и языком, в истерике орёт на Плохую: «Замолчи, дура! Замолчи!» Вот и сейчас Плохая льстиво шепчет: «Ну вот, видишь, ты всё же лучше других, сумела вскрыть свои недостатки». А Хорошая на неё: «Заткнись! Хорошие [души] и глубже вскрывают, и стараются исправить свои недостатки, а ты вскрыла кое-как и возносишь выше звёзд и луны». Я бессильна». Как интересно! Наташа приблизилась прямо-таки к святоотеческому пониманию жизни души в её мучительной диалектике между грехом и благочестием. Через несколько дней она приписывает к этому: «Прочитала кое-что, и стало тошно. Такая чушь! Даже Плохая [душа] согласилась. Наверное, брошу вести дневник, если он ничего не выражает».

27 февраля 1970 года: «Дальше так жить невозможно».

Но в итоге Наташа примиряется с дневником, дружески прощаясь с ним. На последней страничке запись: «Всё... Кончила мой самый первый настоящий дневник, в котором чуть-чуть есть моих мыслей. Сегодня 1 апреля 1970 г.».

кает к новой школе и одноклассникам. О первом дне в красноярской школе она пишет: «Я почему-то совсем не боялась, когда в первый раз шла в школу «новенькой», вышло как-то просто. Много нарисовала...».

Но Новый, тысяча девятьсот семидесятый год на школьном вечере она встретила невесело. «29 декабря 1969 года. Сегодня целый день сидела и делала костюм «Химии». Сделала... Пошла на вечер. Было так грустно! И, как всегда, устала. Переделалась дома и снова пришла. Мой новогодний наряд казался таким жалким по сравнению с другими. И так грустно мне было на вечере. Я здесь такая жалкая».

Наташу всё больше беспокоит учёба. Январь 1969 года: «Учусь я всё хуже и хуже. Одну тройку исправлю, вторую получу. Уже не думаю, как бы пятёрок больше, а как бы от троек избавиться. А ещё мечтаю в институт поступать. Что обо мне думают все?».

7 января 1970 года: «Сейчас был разговор. Говорила вся наша семья. Я сказала, что мне скучно. Если бы я была откровенна, мне кажется, была бы буря. Мне кажется, что со мною все что-то не договаривают. Особенно острые отношения с мамой. Она на меня злая. Платит тем же, что и я ей. Папа считает, что я бессильная зазнайка, считаю себя умной. Здесь больше половины правда. Да, я сейчас бессильная, пассивная. Но никогда, никогда я не считала себя умной. Я дура, дура, дура. А ведь я и правда зазнайка. Чем-то веет от меня напыщенным. Теперь второе. Почему я злая? Наверное, потому, что у меня ничего не удаётся. Меня ни во что не ставят. Моя пассивность объясняется очень просто: мне лень. Давно, давно пора кончать с этим. Учиться надо хорошо и добросовестно. Убираться тоже. У нас такая грязница стала!

77

Оттого у меня серенькая жизнь!

Итог. Обязательно составить расписание дня, режим».

В третьей четверти девятого класса Наташа совсем съехала по учёбе, она пишет в отчаянии: «Уроки! Уроки! Уроки! Что со мной! Ведь совсем не стала учиться. Боже! Мне страшно! Что будет?! О, мама! И даже не тянет! Ой, ой, ой!

Гадкая, противная девчонка, безвольная нюня! Сейчас же, паразитка, кончай мазню и садись, садись учи, дура! Надо браться за себя».

И сестра принимает обязательства, оформляя их в виде таблицы.

Мы планировали эту поездку давно, с две тысячи пятого. Списывались и созванивались с двоюродными сёстрами и братьями по всей стране и даже с теми, кто жил в Германии. План был такой: приехать в Кокчетав, встретиться, побыть на могиле отца. Мы и задумывали эту поездку как мемориальную. Восьмое июля две тысячи девятого года – годовщина смерти отца, двадцать пять лет, как он ушёл из жизни. Потом всем вместе поехать в Аиртав, там лежат все наши бабушки, дедушки. Потом день-два пожить всем вместе на озере Аиртав, в чудесных сосновых борах. Такой слёт сестёр и братьев. Маршрут следования Томск – Кокчетав выбрали по интернету. Там предлагалось ехать через Новосибирск, Павлодар, Ерментау. Расстояние по трассе – тысяча двести восемьдесят километров.

Пятого июля к дому Ситожевских на улице Лесной в шесть утра подъехал Володя.

Наташа после душа не успела досушить волосы.

– Когда поедем, высунешься из машины и досушишь, – пошутила я.

Свой халатик она второпях бросила на кровать. Когда мы вернулись, всего лишь через четыре дня, а по сути, из другой жизни, он так и лежал в их спальне на кровати. Лёша долго не решался его трогать. Долгое время он не мог спать в спальне на их общей кровати.

Выехали из Томска пятого июля рано утром на Володином РАФе. Нас было четверо: Наташа с мужем Алексеем, я и брат Володя. Мы планировали добраться до Кокчетав за сутки, без ночёвки.

Последний месяц предвкушали эту поездку. Встречи с родственниками – их у нас там очень много, с подругой. Взяли с собой палатки, спальные, котелки.

Серо-голубые бриджи, спортивная клетчатая сорочка, новые коричневые сандалии – так была одета Наташа в этот день.

– На рынке на Дзержинке купила за шестьсот рублей, – хвасталась Наташа своими сандалиями.

– Хорошие, мне нравятся.

– Хочешь такие купить? Я покажу тебе где.

– Нет, Наташ, спасибо, я ещё не доносила свои. Ничего себе! Дочь покупает босоножки за четыре тысячи, а мать за шестьсот рублей! – возмутилась я. При мне Анечка договаривалась с отцом о покупке дорогих босоножек.

– Правильно, – улыбнулся Лёша, – так поступает настоящая жена, она должна быть экономной.

Он обнял Наташу за плечи. Лёша часто так делал.

Примерно в то же время из Каменска-Уральского с женой выехал наш двоюродный брат Сергей.

Стояла чудесная солнечная погода. Беспокоило только предстоящее прохождение таможни на российско-казахстанской границе. Когда мы ездил в Казахстан в две тысячи втором году, нас продержали на таможне более четырёх часов, вынудив всё-таки заплатить деньги за пересечение границы. В этот раз всё получилось удивительно легко. В багажнике лежало несколько упаковок книг «Так было». И когда таможенник строго спросил: «Что это такое?», я выскочила из машины, мобилизовав всё своё небогатое обаяние, стала рассказывать ему, что, мол, я писательница, эту книгу написала о своей малой родине, о Казахстане, где мы проживали ранее в Кокчетавской области. Мы едем на родину и везём родственникам эту долгожданную книгу, я с радостью подарю ему книгу и даже с автографом. Этот напор возымел действие. Таможенник быстро пропустил нас.

Мы вздохнули с облегчением.

Остановились пообедать в пригороде Павлодара. Когда направились к придорожному кафе, Наташа взяла Лёшу за руку, в последний раз.

В дорогу купили плитку шоколада. Она так и осталась лежать в кармане переднего кресла. Рядом, прицепленные за дужку, висели её очки.

К вечеру уже достигли казахстанских мелко-сопочных степей. Этот последний пейзаж, который видела Наташа, был знаком ей с детства: бескрайние степи с возвышающимися то там, то здесь невысокими сопками. Закат был фантастически красивым: высокое степное небо, загадочные огни под небом на дальних сопках. На горизонте синели облака, как будто там собиралась гроза. Вспыхивали зарницы. Открывающаяся с высоты панорама позволяла ощутить округлость земли, её космический масштаб. На западе разлились багровые полосы заката. И когда они разгорелись и когда стали гаснуть, что-то грозное появилось в окружающем пейзаже. В этот миг меня пронзила тоскливая мысль: «Стоит ли ради поездки так рисковать, ведь всё что угодно может случиться, не зря ли мы отправились сюда?» И тут же: «Да перестань! Миллионы людей туда-сю-

да ездят, мотаются на автомобилях, мотоциклах, велосипедах, пешком по всему свету, на лодках по океанам плавают. Ещё и детей за собой таскают. И ничего с ними не происходит. Всё будет благополучно, это важное путешествие в память об отце, а если цель благая, то нас защитят небесные силы, ничего страшного не произойдёт».

В эту ночь было полнолуние. Но прежде чем взошла луна, на степь опустилась непроглядная тьма.

«Я МАЛО ДУМАЛА О СЕБЕ»

После окончания школы в семьдесят первом году Наташа уехала поступать в Томский медицинский институт. Как уже говорилось, она приняла решение стать врачом ещё в детстве и шаг за шагом осуществляла свою мечту. Первый год она не поступила. Осталась в Томске, работала санитаркой в факультетских клиниках и изо всех сил готовилась к вступительным экзаменам. У меня сохранилось девять писем Наташи, из них одно Володе, одно маме. Два из них касаются как раз этого периода.

Без конверта и числа. Скорее всего, это осень семьдесят первого года. Я учусь в девятом классе.

«Здравствуй, Веруня.

Работала сегодня с 8 утра до 8 вечера. Завтра опять мне идти на смену, вставать в 7 часов и заводиться на целый день.

Пишешь, что почти уверена, что первый год не поступишь. Не надо сразу так себя настраивать. Если настроишь, что не поступишь, то и не поступишь. Точно такая же история произошла со мной. Другое дело, если ты не выберешь ещё себе специальность по душе. Но ты думай, думай. Лучше запоздать с решением, чем ошибиться на всю жизнь.

Очень рада, что ты хочешь строить коммунизм и быть в самой середине жизни. У меня мысли попроще. Я буду лечить людей, по возможности буду возвращать радость, здоровье, избавлять от страданий. Я окажусь в гуще человеческих страстей. Ведь самые трудные люди – больные. Их надо и ободрить, и вылечить. Иногда сама уверенность в выздоровлении лечит, а неуверенность губит. А если разобраться, я тоже буду строить коммунизм. И если буду хорошим врачом, очень много сделаю для людей.

Моя профессия, будущая и настоящая, благодарная. Благодарность я получаю сразу же и в глаза. Но сколько для этого надо будет трудить-

ся, сколько потратить сил, энергии, сколько выдержки. А сколько будет неудач и ошибок, за которые надо будет жестоко расплачиваться...»

Кстати, сейчас у меня не вызывает иронии признание в желании строить коммунизм. В этом проявлялся своеобразно порыв к высокому служению, самому-самому главному. Хотя в комсомол мне особенно не хотелось, вернее, вовсе не хотелось. Вступила, потому что в институт надо было поступать.

В одном из писем, узнав, что я стала комсомолкой, Наташа написала: «Поздравляю тебя с более высокой степенью партийности: теперь ты комсомолка. Мне в таких случаях всегда казалось, что я стану после этого другим человеком. И начинала себя перевоспитывать».

Письмо от 22 января 1972 года, Наташа уже полгода в Томске: «...Спрашиваешь, что я тебе могу посоветовать в выборе профессии? Только одно: не торопись! Думай, думай. Все это, конечно, слова и только. А вот чем я могу помочь тебе существенно, не словом, а делом? Будешь учиться в десятом классе, а я буду учиться на первом курсе медицинского института. И ты приедешь ко мне на каникулы. Я покажу тебе медицинский институт и в белом халате, и в черном, сверху донизу, покажу и санитарскую работу. Не буду стараться всё залить розовой краской. Увидишь всё, даже анатомку (я, между прочим, была только в анатомическом музее). Подумай, времени у тебя ещё целый год. Если захочешь – милости прошу.

Вера, работают ли в школе Фахат Миниханович и Юрий... Вот склероз, забыла, как величать! Ну, ты меня поняла.

Новый год я встречала у дяди Лёни. Приехала я к ним часиков в 8 вечера 31-го. Дяди Лёни и тети Вали не было. Мы встречали Новый год втроём: Саня, Витя и я. Перед самым Новым годом, минут без 15 двенадцать, Витя самостоятельно изобрел и синтезировал коктейль. Мы налили его в бутылку из-под шампанского и пили. После, уже в 1972 году, пошли на каток. Но был сильный мороз, и мы вскоре вернулись обратно. Спать легли в четыре утра. Проснулись к обеду. Сварили обед, убрались, и тут приехали дядя Лёня и тётя Валя. На следующий день вечером я уехала обратно в Томск.

Веруся, напиши, нужно ли тебе трико. Если надо, здесь появилось, я куплю и вышлю тебе.

Что мама пишет насчёт какого-то чувства к Кольке? Что за чепуха!

Он мне даже не нравится. Как проходят школьные вечера? Интересно? Скучно? Дружит ли Валя Щепак с Сашей? Передавай мой тёплый привет бабушке Щепачке. Что нового дома? Чувствуется ли дома моё полугодичное отсутствие, или вы уже привыкли? Ты не на все мои вопросы отвечаешь. Как дела в школе у тебя, Володи и у Саши? Как здоровье отца, матери? Кого ты часто видишь из нашего класса?

Ну вот, вроде и всё.
До свидания!»

Голоса друзей. Виктор Коротченко

– Мои воспоминания о дорогом человеке относятся к годам юности. Мой отец всегда придавал дружбе особое значение. Его друзья были друзьями и всей семьи. Из тех, кто произвёл на меня неизгладимое впечатление и оказал огромное воспитательное значение, был Леонид Александрович Попов, его старинный казахстанский друг. Их юношеская дружба была настолько сильна, что не могла не сказаться на детях. Единожды приехав к нам в гости, Леонид Александрович затеял со мной, школьником, долгую переписку. Бывая в Казахстане у родни, отец никогда не забывал навестить семью Поповых.

Поэтому было совсем неудивительно, когда однажды у нас в доме появилась старшая дочка Поповых – Наталья. Она была чуть старше меня и приехала в Томск поступать в медицинский институт. Этот образ юной, слегка кудрявой жизнерадостной девушки так и остался в памяти, сколько бы лет с тех пор ни прошло.

Ещё вспоминается её потрясающее трудолюбие и стремление к чистоте. Приехала в Богашёво, вроде бы гостья, а она буквально отнимает у моей мамы тряпку и буквально драит квартиру. Я никогда не видел такого радостного отношения к рутинной работе.

Несмотря на то, что Наташа была сильно занята, получала маленькую зарплату санитарки, она умудрялась баловать нас посылочками: посылала подарки всем к праздникам, дням рождения, выполняла мои школьные заказы, если удавалось. И Наташины подарки доставляли необыкновенную радость, мне уж точно.

Письмо от 26 февраля 1972 года: «Здравствуй, милая Верусенька!

Хотела в посылке отослать тебе письмо, но так торопилась отправить посылку, что даже письмо не написала.

Как отцу рубашка? Не спрашиваю, понравилась ли, а размер как раз? Ему трудно угодить. Поморщил нос, наверное. Бутылочка коньяка не разбилась? Если и разбилась, то цело ли всё остальное (рубашка папе)? Как тебе трико? Думаю, штаны как раз, а вот рубашка мала. Так или не так? Как поделили эмблемы Саня с Вовкой? Кому «Романтик», а кому «Турист»? Как Вовке книга «На солнечной стороне улицы»? На мои вопросы, я прошу тебя, ответь. Спрашиваешь, давать или нет мои письма к тебе отцу или матери. На твоё усмотрение. Я же тебе пишу. Не давай только те письма, в которых я тебя буду спрашивать, пишет ли Колька: нет? Наверное, передумал.

Кроме вас, я переписываюсь с Ларисой, Люба Шабаева прислала письмо, Валя Рожнова, конечно, со Светой Фридман, вот и всё. Да мне и некогда вести обширную переписку.

Ну вот, ответила на все твои вопросы и, кажется, не о чем больше писать.

Да! Завтра идём с Любой Мозжериной на концерт во Дворец спорта. Выступает дважды Краснознамённый имени Александра ансамбль песни и пляски Советской Армии. Жаль, завтра воскресенье, а я работаю с 7 часов утра до 8 вечера в раздатке. Попросили... Вчера на курсах была контрольная полугодовая по русскому и контрольная по физике. Жду не дождусь результатов по химии, биологии, литературе, не говоря о физике и русском.

Признаться, я не хочу, чтобы мама приезжала летом. Её приезд только выбьет меня из колеи. Лучше уж пусть, если приезжает, то во второй половине августа или позже, но ни в коем случае во время подготовки к экзаменам. Знаю, она придет «поболеть». Вера, лучше это письмо ты родителям не давай. Мама не поймёт, обидится.

Да, на курсах учиться довольно легко. Но и здесь свои трудности. На курсы после работы приходишь уставший, не со свежей головой, а иногда даже клюёшь носом. Причём дома о тебе заботились и папа, и мама, а здесь только ты один. А для того, чтобы заботиться о себе, нужно время. В общежитии обязательно надо уделить время себе, порядку и чистоте в своем углу, иначе – никакого мало-мальского авторитета (а как жить без хотя бы мало-мальского авторитета?), и в конце дня еле ноги волочишь».

Наташа подробно писала о всех своих делах. Знала, что мы с напряжённым вниманием следим за её жизнью, что слушаем, переживаем за

20

неё, поэтому старалась рассказывать всё, что происходит, включая и бытовые мелочи, и денежные дела.

Письмо от 5 марта 1972 года маме: «Здравствуй, дорогая мамочка!

Вот, собрала вам посылку к 8 Марта. Мама, я прошу тебя и папу не высылать мне денег, пока я сама не попрошу. Мне хватает, я сыта, сама теперь работаю. Вот посчитай: с декабря месяца у меня деньги никуда не идут. В месяц я получаю 60 рублей. 3 рубля в коммуны, 3 рубля на транспорт, 3 рубля на разные стиральные порошки. И вы мне выслали уже 280 рублей. А я купила себе всего зимнее пальто и осеннее. Излишек денег тянет меня к мотовству.

Мама, обязательно напиши мне, как твоё и папино здоровье. Получила контрольную по биологии – четвёрка. В среду получим по химии. Сейчас мне ужасно некогда. Вчера ночью в клинике делали газету к 8 Марта. И сегодня в воскресенье до обеда.

Пошли в Дом обуви, и купила я себе войлочные сапоги за 11 рублей. Резиновых я не нашла. Скоро начнёт таять, а я в валенках. На твои же деньги я купила себе вчера шарф тёплый за 25 рублей. Значит, на следующую зиму я полностью одета. Сейчас соберу посылку и пойду на почту. Опять она не придёт к сроку. Только вчера получила посылку. Но лучше поздно, чем никогда. Вере я тогда посылала трико 40-го размера, а сегодня увидела 42-го. Ничего, два костюма ей не помешают.

Сегодня же у меня начнётся грандиозная стирка и надо идти на дежурство в штаб ДНД в 8 вечера. И помыться в душе надо. Если отложить стирку на завтра, то завтра – курсы – понедельник. И задачи по физике, свою контрольную надо решать.

Недавно ходила в кино «Корона Российской империи, или Снова неуловимые». Ничего, понравилось. Смотрела и думала: «Вовку сейчас бы сюда». На следующую кинокартину пойду 13 марта, на мультфильм «Ну, погоди!» – полное собрание. И думаю: «Эх, Вовку бы сейчас повести». Но, наверное, у вас там тоже скоро эти фильмы будут, и Володя посмотрит их без меня.

Ну вот, вроде и всё.

До свидания.

Всего хорошего!»

Мы с мамой и папой на весенних каникулах приезжали к Наташе. Я ночевала в огромной

комнате общежития для медработников, похожей на казарму. Жили там молодые санитарки, медсёстры. Ряды коек, чистота. Свет в углу не выключается даже ночью – девчонки по ночам приходят с дежурства и уходят. В комнате условий для занятий нет. Надо было действительно преодолевать весьма неудобные условия жизни, чтобы интенсивно готовиться. В тот наш приезд одна Наташина подружка сказала нам с уверенностью: «Наташа обязательно поступит. Она так готовится, как никто из нас».

А как она работала! Алексей Романович Коротченко вспоминает эпизод из того времени: «Однажды я заехал вечером за ней, чтобы отвезти домой. Гляжу – она моет лестницу. Но не шваброй, как все, а стоя на коленях руками трёт до блеска ступени, напевая вполголоса. Заметив и оценив её трудолюбие и стремление навести идеальную чистоту, профессора-хирурги стали поручать Наташе подготовку инструментов к операции».

В более поздних дневниковых записях Наташа так пишет об этом времени: «Вспоминаю год, когда я работала. Я мало думала о себе. Я целыми днями в клинике, я на подготовительных курсах, после курсов – в библиотеку. Я часто писала домой, послала две или три посылки, вовремя поздравляла. Я покупала себе только самое необходимое. А как ко мне относились больные и врачи! Это незабываемо и, наверное, неповторимо! Тогда я твёрдо держала слово, и меня все уважали. Я ходила редко в кино. Мне было некогда. Я не вела дневник. Мне было некогда. Или вела? Во всяком случае, очень мало. Я тогда как бы была пронизана одной целью – мне надо было поступить во что бы то ни стало! И как-то это сочеталось с моим самоотверженным отношением к людям». Это запись от 19 февраля 1977 года. Сравнивая себя прежнюю с нынешней, Наташа приходит к выводу, что она за эти пять лет «здорово помельчала». Тогда она мгновенно откликнулась на просьбу о помощи, «из кожи лезла, чтобы помочь».

Наташины письма также свидетельствовали: она вся устремлена к одной цели – поступить, поступить. Порой сомневается в успехе, потом решительно отбрасывает сомнения. В последнем перед вступительными экзаменами письме пишет: «Уже сдала документы, попросилась во второй поток. Экзамены с 9 по 18, так что если вдруг и случится такое чудо, что я поступлю, домой всё равно не смогу приехать».

Числа 28–29 узнаю, какой у меня первый экзамен. Хочу физику. Трудный экзамен самый первый, энергии много надо, а уж потом остальные. Хожу на месячные подготовительные курсы. Я всё делаю так, что если я не поступлю, я могу себя обвинять только в умственной отсталости, да и в том, что, наверное, не судьба мне учиться в Томском медицинском». И потом на отдельном листочке, отмечая все сомнения, написала: «Это последнее письмо абитуриентки, следующее будет письмо студентки – провалиться мне и прогореть, если всё будет не по моему!»

И вот летом семьдесят второго года начались вступительные экзамены в мединститут. О результатах каждого экзамена Наташа телеграфировала. Помню, что Наташины пятёрки вызывали у нас не просто радость, а многодневную эйфорию. И вот, наконец, последняя телеграмма: «Я – студентка Томского мединститута!». Началось осуществление мечты.

Это время – год работы и поступление в мединститут – Наташа считала самым результативным, высоким и чистым, когда она всё поставила на цель и добилась её. «Какой я могла быть! Аж завидки берут», – напишет она позже про этот год.

«МОЙ ИСПОВЕДНИК»

О студенческих годах сестры, её устремлениях, буднях, праздниках, путешествиях и дружбах свидетельствуют её дневники, две тетрадки. Первый сохранившийся студенческий дневник начат сестрой 6 января 1976 года (четвёртый курс). Второй – 16 мая 1977 года (пятый и шестой курсы)*. Эти тетрадки в чёрном и коричневом переплётах и через тридцать с лишним лет источают резкий, характерный запах низкосортного дерматина.

Мне спокойно и радостно погружаться в её записи, в те молодые годы, когда у неё много-много лет впереди и ещё так далеко до трагедии. Я знаю, потом она выйдет замуж за своего любимого Лёшу, родит двух сыновей и дочь и, словно в раю, будет жить в прекрасной Тимирязевке, окружённой сосновым бором, со своими родными людьми, заниматься гинекологией, принимать младенцев, строить свою усадьбу. Хорошее слово «усадьба» – место у сада, ме-

сто, окружённое садом, в саду. А сад всегда отсылает воображение к райским кушам.

Вместе с дневниками Натальи я снова вернулась в нашу молодость, пережила совместные путешествия и приключения. Я не могла больше здесь с ней встретиться, а там, в том времени, мы болтали с ней под стук колёс, любовались закатами, бродили по пещерам. Наташины дневники и описания в них путешествий позволили и мне вновь совершить блаженное странствие в прошлое, пережить ощущение бесшабашной, радостной жизни... Я в своих дневниках не описывала путешествия, потому что живые впечатления были столь полными и яркими, что записи, как мне казалось, только портили бы и ухудшали их. Но со временем память многое не удержала, упустила. И Наташины записи позволили мне воскресить ушедшее, восстановить чудесные, волнующие моменты соприкосновения с прекрасным временем.

Зачётная лихорадка, подготовка к экзаменам, конференциям, цейтнот, панические настроения перед экзаменом, поездки, походы, путешествия, друзья и подруги, размолвки и примирения – всё это вылилось на страницы дневника.

22

Первый студенческий дневник, как упоминалось, начат 6 января 1976 года накануне сессии: долги по немецкому, защита по предмету «история болезни», денежные долги («Ну что мне с собой, растяпой, делать?!»), поездка в пещеру Торгашинскую и прохождение маршрута 4а – это на первых страницах дневника.

Второй дневник она начала писать на улице 16 мая 1977 года: «На площади Революции в ясный, тёплый и солнечный майский день я сижу с открытой тетрадкой – моим будущим дневником. Здравствуй, мой новый дневничок! Выпало тебе не совсем приятное занятие – быть дневником одной несобранной, ленивой и глупой девушки. Сегодня у меня неудачный день. Хоть и вывернулась на занятиях, но отвечала в общем хуже всех в группе. А когда пришёл Лепёхин, то он про меня вообще сказал, что я бруцеллёз не знаю. Хотела хоть что-то сдать по психиатрии – Татьяна Михайловна только посмеялась надо мной и сказала: «Идите, идите, Наталья Леонидовна, учите!».

У Наташи сложился своеобразный «весенний ритуал»: весной она с дневником садилась на скамеечку на Кировском проспекте или где-нибудь ещё и подводила очередные итоги, писала. «Первый раз, я помню, это было на втором

* Дневники за младшие курсы (второй и третий) Наташа потеряла, она сделала об этом запись 19 февраля 1977 года. Вела ли дневник между 1970-м и 1975-м, неизвестно.

курсе. Села на скамеечку. Все меня уважали тогда... Любила Аваза. Дырявые туфли, перештопанные чулки и мокрые ноги не портили моего настроения. А может, даже наоборот. Тогда, помню, был подъём жизненных сил, тонуса, настроения. В общем, мне и сейчас хорошо. Но тогда мне было 19 лет, а сейчас – 22. Тогда у меня было всё впереди – и годы учёбы, и надежды на большую любовь... И громадные спелеопланы. Мне 22, и я теперь уже, наверное, такая, какую и останусь на всю жизнь. А я не хочу быть такую всю жизнь. Я хочу быть намного лучше – честней, добрей, настойчивей, умней, красивей, чем я сейчас».

И вот тут-то мы подступаем к стержневой теме Наташиных дневников, их нерву. Дневник студенческой поры стал для сестры важнейшим инструментом борьбы за лучшее в себе, она его и называла исповедником: «Мне столько много хочется тебе сказать, мой милый дневничок! Хочется покаяться перед моим исповедником»(!). Самобичевание, самообличение, анализ своих недостатков, промахов, отрицательных черт характера – самая устойчивая линия её дневников.

Её гложет вечная неудовлетворённость собой: «Я чувствую себя гадким утёнком в своей группе», «Я совершенно не умею учиться!», «Какая я растяпа! Какая я медлительная! Какая я дура!». Эпитеты и определения, которыми она себя щедро награждает: бестолковая, беспамятная, глупая, несобранная, ленивая, растяпа, дура, мотовка. Ругает себя за постоянные огромные долги, за неумение тратить и экономить деньги, за неумение сосредотачиваться, неумение учиться. Упрекает себя в эгоизме. Это Наташа-то эгоистка?!

«У меня какой-то дурной стиль жизни. Я не могу жить равномерно, планомерно. У меня всё рывками. Я то работаю, как вол, то волюню непростительно». Особенно в дневнике семьдесят шестого – семьдесят седьмого годов Наташа чуть ли не на каждой странице яростно ругает себя за... за всё.

Неутоляемая жажда самосовершенствования, беспощадность по отношению к себе – они удивительны в Наташе.

«Жалкое положение, жалкий вид у меня. Бездарность и серость, растяпа, беспринципный и неинтересный человек. Не клеится у него и личные дела. Обросла учебными и денежными долгами, больная и неуклюжая от природы, до-

нельзя медлительная – вот мой портрет». И далее Наташа со злой самоиронией пишет: «Переделать я себя уже не переделаю. Зачем такому человеку, как я, вести дневник? Пустая трата времени. Ничего интересного не записываю, только разбрызгиваю собственные слюны по листочкам дневника. Типа: ну, Наталья, давай жить! Хорошо жить. Началась весна!!! Ты же любишь весну!!! Как ты можешь так плохо жить весной!!!? Тьфу, противно!!!»

Вообще-то Наташа была прекрасной девушкой. Сессии сдавала за редчайшим исключением на четыре и пять, всегда работала, зарабатывая деньги для спелеопоездки, занималась в кружке по акушерству и гинекологии, чтобы попасть на эту специализацию; много ездила по пещерам, занималась спелеоклубом, фотографией, окружена была друзьями. С моей точки зрения, она очень плодотворно провела студенческие годы: объездила весь Советский Союз, приобрела пожизненных друзей, получила желанную специализацию. Но как же она себя самобичевала! «Мне, наверное, надо бросать институт, надо бежать из медицины, не оглядываться!» – даже так писала.

Что же ещё, кроме неблестящей учёбы, долгов и прочего она ставит себе в вину? А вот: «Я стала эгоисткой. Стали увлекать тряпки. Много думаю о себе, обратят ли на меня внимание. Самой сейчас противно писать эти строки. (А ведь это такое естественное желание для любой девушки. Наташа костерит себя за то, что хочет себе купить новое платье или кофту, сшить сарафан. Порой примиряется. – Прим. В. Л.) Вообще-то быть опрятно одетой – не порок для врача (ну, если для врача...), это обязательно. И ещё замечая за собой крайне отрицательное качество: если какая-то трудность – опускаю руки, отступаю. Самая главная причина, что у меня ничего не клеится, я думаю в одном: дура я». И далее по списку: разгильдяйство, серость и т. д.

«Мне хочется быть опрятной девушкой – но что я делаю для этого? Мне хочется быть интересным человеком – но что я делаю для этого? Мне хочется поднять спелео – но что я делаю для этого?»

Она подняла и держала для себя очень высокую планку, всегда находясь в эпицентре этой яростной до изнеможения борьбы с собой. Дневник был средством самоанализа и самоотчёта.

Такое непрерывное обличение себя, с моей точки зрения, носило характер покаяния, испо-

23

веди, а дневник являлся её исповедником, о чём она сама писала. Это дало столь благодатные результаты. Наташа, не будучи верующей, была постоянно в состоянии покаяния и смирения. Поразительно! В центре её духовной жизни была именно эта проблема: преодоление себя, своих «грехов». Кроме того, дневник стал её своеобразным «бумажным психоаналитиком», она часто обращалась к нему как раз в трудные, кризисные моменты, когда ей было грустно, тоскливо. «Поговорив» с ним, испытывала облегчение.

Тем не менее у неё шла борьба и с дневником, она много раз хочет его бросить, не видя в нём никакой пользы и ничего интересного, грозит сжечь: «Итак, собираемся в Кашкулак. Я тебя там сожгу, дневник, на костре. Ты так же не нужен и никчѐмен, как твоя хозяйка» И всё же дневник вѐлся дальше.

Временами Наташа примиряется с собой, устав от бесконечных попрѐков и ругани в свой адрес: «Ну ладно проклинать себя. Уж какая есть. Себя любить надо». А порой: «Хватит канючить, хватит плакаться и брызгать слюной. Мне 21 год. Я многое могу. Я совсем молодая. У меня всё впереди».

Обратной стороной этой неустанной борьбы с собой было построение обширных программ и планов по преодолению себя, составление списка обязательств. Планами на будущее и обязательствами исписывались целые страницы.

Учась в институте, Наташа осваивала не гинекологию, хирургию или анатомию. Она с самого начала осваивала профессию врача. Быть хорошим доктором – это как главнейшую цель она всегда ставила перед собой.

В одном из своих писем из села Подгорного, где они с Ниной Иванниковой проходили медицинскую практику, Наташа с живостью описывает свои первые врачебные опыты. Это письмо примечательно тем, что сестра формулирует в нём свои жизненные цели и приоритеты. Написано письмо 12 июля 1976 года, позади уже четыре курса мединститута. Дышащее энергией письмо настолько интересно, что приведу его целиком.

Наташа была увлекательной рассказчицей.
«Здравствуй, Верусенька!

Долго ждала от тебя письма, уже стала потихоньку поругиваться. Очень была рада, когда, наконец, вчера получила его. Многое ты угадала, как мы живѐм. Дни наши насыщены до предела, нет свободных минут. Расскажу всё по

порядку. 23 июня после проводов Аваза пришли домой часа в три ночи. Ещё накануне решили пойти купаться. Симка пришла со свадьбы и спала (Женька, её брат, женился). Мы её подняли. К нашему великому удивлению, она без писка поднялась, и мы пошли. Брезжил рассвет. Над Томью колыхалась лёгкая дымка. Небо было неопикуемой красоты. Мы страшно хотели искупаться гольшом. Но ничего не вышло, даже в такое время на берегу было много народу. Вода очень тёплая, нежная, ласковая. Мы хлюпались часа полтора. Шли домой, уже было светло, встало солнце, щебетали птицы.

Поспали с Ниной два часа и пошли за билетами на «Ракету». Я была как варѐная курица, сонная, вялая. Поехала отвозить рюкзак, еду обратно – здорово опаздываю. Без двадцати час... без пятнадцати, а я на Южной («Ракета» в час дня). Десять минут ловила такси. Заревела от злости, от досады. Но всё-таки за пять минут до отхода «Ракеты» поймала такси. Шофѐр многозначительно посмотрел на меня: «Придѐтся нарушить правила движения». Мы ехали, как гангстеры, скрывающиеся от погони. Я отдала ему трояк. Вещи мои были у Нинки. Я металась по причалу. Наконец подбегаю:

27

- «Ракета»?
- «Ракета».
- До Колпашево?
- До Колпашево.

И я прыгнула на борт уже отходящей «Ракеты». Думала, что Нинка на борту. Сбегала в салон – нету! Выбегаю на корму, а Нинка в отчаянии машет мне гитарой с берега. Я чуть не прыгнула за борт! Еду без билета, без вещей, в штанах и стройотрядовской куртке. Познакомилась с тремя калымщиками. Инженеры, закончили ТИАСУР. Потом узнала: у одного такая тяжѐлая жизнь. Женат. Квартира – конура, натопишь – +30 градусов, проветрить нельзя. Сын в полгода заболел рахитом. У этого инженера был как раз день рождения. Они угостили меня «Чѐрными глазами». Похоже на жуткий анекдот?

На следующий день я добралась до Подгорного. И как была, в чѐрных штанах, кедах, стройотрядовской куртке, двинулась к главному, потом к заместителю, потом в отделение. Договорились. Пошла искать Иванниковых. Перебралась через Чаю на пароме. Паром мне понравился. Потом шла километра три по лугам до Рямого. Какая красота! Шла и радовалась, что мы каждый день будем ходить здесь. Дома

у Иванниковых были гости: Нинин родной брат с женой и детьми. Дали они мне платье, босоножки, и я снова пошла в больницу на практику.

Мне там сразу всё понравилось: и больница, и больные, и врачи, и персонал. А после обеда я пошла встречать Нинку. Прождала её на автостанции часа четыре на солнцепёке. Она, наконец, приехала. Нинка на «Ракету» опоздала. А я винила себя. Думала, что она вышла из «Ракеты», дожидаясь меня, а я пролетела мимо неё.

И началась у нас бурная жизнь. Ко всему прочему мы устроились с Нинкой на работу медсёстрами. Зарабатываем деньги на экспедицию. Я не хотела столько смен, сколько поставили, а поставили 16 смен: 8 дней и 8 ночек. Работаем день, на следующий день – в ночь, два дня дома, плюс каждый день практика до 3–4, а иногда до 5–6 часов вечера. Нинка работает в терапии, я – в хирургии. Мне всё очень нравится, я просто влюблена в свою хирургию. Отделение такое чистое, уютное, удобное. Больные, мужики в основном, простые люди, весёлые, горластые. Женщины – простые и хорошие. Вообще, лучше людей я ещё не видела, вернее, столько хороших людей вместе.

Дел хватает, не посидишь. И почему-то хочется очень-очень делать всё хорошо. Работать и сестрой, и врачом интересно, стоит только подойти к делу с душой. Недавно дежурила в хирургии в день. Привезли женщину, думали аппендицит. В отделении вообще работают три хирурга. Сейчас один, все в отпуске. Бедного Анатолия Семёновича мне даже жалко – высох весь (мне бы хоть немного подсохнуть!). Стали собираться на операцию. Обычно Анатолий Семёнович аппендицит делает один с сестрой. Но женщина была тяжёлая, и стали искать ассистента. Я бы с великой радостью стала ассистировать, но я дежурная сестра по отделению – одна на всю хирургию: я и в процедурной, я и в перевязочной, я и на посту. У нас с Ниной смены полностью совпадают (за что я благодарю бога). В терапии было две сестры, и Нину взяли ассистенткой. Как я ей по-доброму завидовала! Разрезали – а там!.. Лопнула нагноившаяся киста яичника – перитонит. Операцию делали четыре часа.

Прошли мы практику по терапии. С сегодняшнего дня на акушерстве. Смотрели аборт. Анатолий Семёнович дал немного поскрестись в матке. Прости за подробность.

Говорят, для счастливой жизни нужно три вещи: внимательный муж, интересная работа и

здоровые дети. Одна треть счастья у меня уже есть. Знаешь, Верка, я просто счастлива, что учусь в медицинском, что я буду врачом. Только немного страшно. Слишком всё серьёзно и ответственно. И хочется быть непременно хорошим врачом. Иначе вообще не стоит быть им. Но для этого нужно старание, настойчивость. Это у меня есть немного. Но вот руки – крюки, да добавил бы бог умишка.

Самая первая и очень важная проблема – внимательный муж. Я остро почувствовала этим летом, что я уже взрослая – мне исполнится 22! С профессией у меня решено. Сейчас мне нравится абсолютно всё: и терапия, и хирургия, и акушерство. Я совсем не расстроюсь, если не пройду по конкурсу на акушерство и гинекологию. Но о замужестве я задумываюсь всё чаще и со всей серьёзностью. Раньше у меня даже следа не было в мыслях. Да! Дала себе слово, что не выйду замуж просто так, чтобы выйти.

Село Подгорное очень нравится. Чем-то напоминает мне Аиртав, мой край. Село большое и очень, очень зелёное. У нас на улицах растёт трава-мурава, ходят гуси и овцы. Всё это мне очень напоминает детство. Так и кажется, что вот-вот из ворот выйдет старенькая сгорбленная баба Даша в переднике, с натруженными руками.

На работу и на практику ходу три километра по прекрасным лугам вдоль берега речки Чаи. Солнце, сенные запахи, стрекочут кузнечики. Выходим за час до работы. Загорела я первый раз за пять лет. И снова стала похожа на негритёнка, как в Раздольном. Купаемся часто. До умопомрачения паримся в бане. Хотели сделать баню сегодня, но Нинина мама не разрешила: сегодня Петров день – грех. Нинка решила ввести новшество: поддавать пар свежим квасом. Попробуем завтра. О результатах сообщу.

Кормят нас как на убой. Выпиваем 2–2,5 литра молока. Знаешь, как хорошо идёт с белым хлебом и вареньем, с кислицей, с сахаром и т. д. и т. п. Спим на крыше. Дед Семён сделал настил из досок. Тулупы покрыли белоснежной простыней. Огромные подушки и ватное одеяло сохраняют нас от излишней свежести. Над нами висят берёзовые веники и дивно, одурманивающе пахнут. Наверное, они дурманят и комаров – не помню, чтобы хоть один паразит нас укусил. В свободный денёк выбрались на рыбалку с Ниниными знакомыми на моторной лодке и с бреднем. Взяли рюкзак для рыбы. Уехали на моторке километров за 40 по Чое. Но карась

не шёл. Полдня мы лазали по лесным озёрам по грудь в воде, по бёдра в грязи. Исходили с бреднем озерца вдоль и поперёк и поймали – курам на смех – десять карасей. Но рыбалкой остались довольны. Ведь главное не рыба, а сам процесс...

12.07.76».

Голоса друзей. Нина Марченко (Иванникова)

– Когда я вспоминаю Наташу, то в памяти возникают светлые и чудесные моменты моей жизни. Во-первых, годы нашего совместного проживания – это лучшие годы нашей молодости: настоящая любовь, а не детская влюблённость, настоящая дружба, студенчество...

Наташа была немного старше меня. Когда я поступила в мединститут, мне было шестнадцать лет, я к ней относилась как к старшей сестре, и она всегда для меня была авторитетом. Но Наталья никогда не пользовалась этим. С её стороны я ощущала всегда безоговорочное уважение к моим поступкам и поддержку, как от мамы: что бы я ни сделала, я права.

Мне очень-очень повезло со встречами с людьми, но лучшей из всех была Наташа.

Очень близкими друг другу мы были в спелеологических походах. Сразу вспоминаю мою первую экспедицию в пещеру. Это была пещера Миртовская. Я помню, все ребята старались показать мне подземные красоты, поддерживать физически и морально. Прямо скажем, у меня был не самый тяжёлый рюкзак, в отличие от Наташиного, конечно, не считая парней. К слову, те парни все были тоже настоящие: был наш любимый Аваз и ребята из политехнического института. Но более всего я ощущала поддержку от Натальи.

По окончании института мы разъехались по разным городам, у каждой появились семьи, мы стали редко общаться. Но я, например, всегда знала, что могу к Наташе обратиться с любым вопросом. Я знаю, что она была и чудесной мамой и женой.

Наверное, Наташа не была святой, но если у неё и были какие-нибудь пороки, то мне о них неизвестно. Для меня она осталась светлым и безукоризненным человеком.

Каждое утро я молюсь об упокоении её души, как и о своих родных. К сожаленью, это все, что я могу сейчас для неё сделать.

Светлая, вечная память Наташе.

В Наташином дневнике есть история, которая свидетельствует о её удивительной готовности и способности понять друзей, принять их обстоятельства, их выбор, даже если они болезненны и горьки для неё. Эта история связана с Ниной и полностью подтверждает её слова.

На страницах первого студенческого дневника начинается мелькать имя Валеры Якубовского. Студент-геолог из университета, спелеолог, турист, обаятельный, общительный, красивый парень, он стремительно вошёл в их компанию, где был радушно принят. Они очень много ездили вместе в пещеры. Многим девчонкам, в том числе и Наташе, он нравился. Валерка служил в Германии, где неплохо овладел немецким языком. Он помогал Наташе переводить «тысячи» по так нелюбимому ею немецкому языку. Но никаких особых отношений, кроме очень тёплых, дружеских, у неё с ним не было, хотя, судя по её записям (19 августа 1976 года), она их ожидала. Отмечает, что во время поездки в пещеру Кубинская «встретились мы с ним обычно, без эмоций,

26

Мне кажется, на этой фотке, где мы с ней в пещере Миртовской, видно излучение от неё доброты.

не как я ожидала. Ещё на Бирюсе я заметила, что Ниночка очень равнодушна к Валере. Сознаться, сердце от ревности немного пощипывало.

И вот мы едем на Алтай в Геофизическую <пещеру>. В поезде, ложась спать, Нина мне сказала: «Ой, Наташа, как он мне нравится!». Ещё она говорила несколько раз, что чувствует себя виноватой передо мной. На это я ответила:

– Да ты лучше спроси, кому он не нравится. А относительно чувства вины: брось, Нина, ерунду молоть!

Геофизическая – памятный выезд. Но главное воспоминание от Геофизической – Валерка.

И вот тот знаменитый привал на обед. Нинка и Валерка баловались, толкали друг друга в ручей. Потом пошли «доить корову», взявшись за руки... Вот тут-то я и... Их долго не было...

Потом вечер разложения в избушке, где Нина и Валера уже как влюблённые».

Дальше Наташа, забыв про Нину и Валеру и свою ревность, захлёб описывает прохождение Геофизической, Мраморной пещер, их необычайные красоты.

«Вышли, постирались. Валерка не торопился, задумавшись, курил. Мы ушли, они остались вдвоём». Без Валерки их проводник завёл группу куда-то не туда, так что ночь они провели под открытым небом, а утром решили вернуться к Геофизической. Их встретил Валерка и привёл к лагерю. «Нина дремала. На лице одни огромные счастливые глаза и зацелованный рот. Не берусь описывать свои чувства. Уж больно они противоречивы. Я боролась с собой. Ревность дралась со здравым смыслом.

В лесу нас застал дождь.

Нина с Валеркой весь этот день лежали в спальнях мешках и целовались. После ужина вышли с Нинкой на улицу:

– Да, был день... Наташка, тебе не кажется, что я схожу с ума?!

И опять извинения...

Мы вышли. Был туман. Как всё-таки Валерка хорошо ориентируется!

Они шли всё время, взявшись за руки. Я была угрюма и даже украдкой смахивала слезу.

Когда мы сели в автобус, мой кризис кончился. Я встала рядом с ними, и Нина нам рассказывала сказки из «Тысяча и одной ночи»... Как они смотрели друг на друга! Сколько было нежности в их движениях! Расцветала любовь на глазах.

Мне сначала, ещё до Геофизической, думалось, что Нина проверяет свои женские чары.

В автобусе мне показалось, что он не любит её... Но нет. Наверное, тут, действительно, что-то серьёзное и большое. Дай бог!

День в Томске после приезда, оборванные и грязные, мы ходили по городу, обнявшись. Потом – банкет. Я – служанка и дура. Следующий день разлагались, получила перевод. Дежурство 18-го».

Валерка дозвонился мне из Горно-Алтайска, когда мы уже ехали на кладбище хоронить Наташу.

– Что же, что же это?! – горестно спрашивал он.

Ниночка приехала на похороны из Новокузнецка.

О неожиданных эпизодах из жизни Наташи рассказала Ольга Володарская.

Голоса друзей. Ольга Володарская

– Впервые я познакомилась с Наташей в общежитии на Котовского, когда меня подсадили в комнату, где жили Наташа, Люда Карабатова (за большие глаза мы звали её «чебурашкой»), Лена Фёдорова (гимнастка, КМС – из знаменитой ленинск-кузнецкой школы гимнастики). Это было в середине зимы семьдесят второго года.

Жили дружно, было нам всем по семнадцать – восемнадцать лет, можно сказать, поздний подростковый период. Были бесхитростными, прямолинейными, принимали друга друга такими, какие есть. Наташу мы воспринимали как неформального лидера в комнате и в спелеосекции, в которую она начала ходить. Потом вовлекла туда меня и Люду Карабатову.

Наташа уже на втором – третьем курсе была для меня другом «навсегда» – по душе, по уму, как сестра. Надёжная, преданная, понимающая.

Практически все годы мы жили с Наташей вместе в различных общежитиях – на Котовского, Вершинина, Московском тракте, я чаще жила «зайцем» у Наташи. И никогда она не упрекала меня – спали вместе или я спала на раскладушке. У нас была очень дружная комната. На четырёх кроватях мы умудрялись жить по шесть – восемь девочек. Не помню, чтобы между нами происходили какие-то ссоры, разборки. Хотя все мы были разными. Наташу помню немногословной, серьёзной, но с нами, подругами, была весёлой и общительной.

Наташа ревновала меня к моим подругам – Лене Фёдоровой, Татьяне Б. из Улан-Удэ. Однажды был такой случай: третий курс, Татьяна приехала в Томск на три – четыре дня, ко мне в гости. Мы наметили побывать на лекции (в интересной круглой аудитории), экскурсию по городу и посещение подруг. В тот год мы с Наташей жили отдельно: она на Московском тракте, я на Котовского. Время – вечернее, мы с Татьяной зашли к Лене Фёдоровой, Лена была очень весёлым и оригинальным человеком. Пообщались, много смеялись. А Наташа жила через стену, но в другом блоке, и слышала наши разговоры и смех, узнала по голосу, что я веселюсь в соседней комнате. Так как время было к вечеру, мы решили не заходить к Наташе (но, видимо, я обещала зайти). И вот Наташа встречает меня в холле общежития, когда мы идём от Лены, и даёт мне пощечину со словами: «Насильно мил не будешь!». У меня был ступор...

Но я поняла её и простила почти сразу – это была ревность к моим подругам. Поговорили мы с Наташей через несколько дней. Я сказала, что все трое – мои подруги и она мне тоже хорошая подруга, и не стоит переживать.

Много лет спустя, когда мы вместе с Наташей и Лёшей путешествовали по Байкалу, как-то зашёл разговор о профессиях. Я вспоминала свои командировки в районы, куда ездила как педиатр в группе с хирургами, гинекологами, терапевтами для лицензирования медучреждений. У каждой специальности какие-то общие черты: у хирургов – конкретность, резкость, смелость, фанатизм; у терапевтов – умение ладить с пациентами, клинический кругозор, у педиатров – заботливость, ласковость, щепетильность («сюсю-мусю»), а у гинекологов – понемногу от всех врачебных профессий: от хирургов – смелость, быстрота, резкость, от педиатров – заботливость. Ну, а я тогда Наташе сказала, что она самый интеллигентный и человечный гинеколог, которого я только знала... Да, для меня моя подруга была и остаётся самым лучшим человеком во всех своих проявлениях.

Запись Наташи в дневнике от 29 мая 1976 года: «Кончается четвёртый курс. Какой-то неудачный, взбалмошный и... хороший и плохой – всё вместе. Я только и знала, что ругала себя. И сейчас буду ругать. Сессия, сессия, боже мой! Ты и

радость для некоторых, для меня – беда. Я робко мечтаю, что, может, на будущий год я изменюсь в лучшую сторону. Буду хорошо учиться, везде успевать. Может, меня будут просто любить...» И она сдала эту сессию прекрасно: терапия – пять, лор, хирургия, кожные болезни – четыре. «Я из комнаты уезжаю первая. Грустно расставаться с девчонками. Мы так здорово жили, дружно. Буду ли я знающим и умным врачом? Будут ли меня любить? Буду ли я счастливой женщиной? За это, Наташенька, надо бороться. Жёстко. В кровавой схватке с самой собой за себя лучшую, чем ты есть».

Не только «кровавые схватки», но и лирические строчки рассыпаны по страницам дневника: «Ну вот и весна, 1 марта. Люблю весну. Вчера в комнате мы её встретили криком «ура!» и открыли окно, чтобы она зашла к нам».

На одной из последних страниц этого дневника Наташа записывает единственное своё читательское впечатление (она прочла книгу «Униженные и оскорблённые» Достоевского): «Они так много думают о человеческих отношениях, так глубоко чувствуют, все так понимают друг друга. А мы, а я – мне некогда задуматься о жизни, поразмыслить, как дальше жить. И я живу, как будто опустошённая, живу просто так, без мыслей, без чувств, без этой глубокой и самоабвенной любви к жизни или к людям, да что там говорить, хотя бы к одному человеку. Хочется какой-нибудь перемены в жизни».

В записях нового дневника за семьдесят седьмой год Наташа вновь формулирует свои жизненные принципы, своё врачебное кредо.

21 октября 1977 года: «Первое место и главное в моей жизни будут занимать, пока нет семьи, детей, мужа (кстати, Наташа мечтала о четверых детях. – Прим. В. Л.):

- I. Родные, больные.
- II. Друзья, я сама.
- III. Иглотерапия.
- IV. Лекарственные растения.
- V. Фотография.
- VI. Звёзды.
- VII. Спелео, туризм.
- VIII. Книги, музыка, газеты».

У Наташи так и было – на первом месте у неё всегда был ближний – тот, кто рядом: её родные, близкие, друзья, её гости. Поразительно! Больных, то есть своих пациентов, она приравнивает к родным. Эта мысль потом не раз будет у неё звучать:

«Хочу:

IV. Никуда не опаздывать.

III. Смотреть своих больных до пятиминутки.

I. **Чтобы слово, сказанное мной, было**

твёрдым (выделено Наташей. – Прим. В. Л.).

II. Быть очень собранной и пунктуальной».

И далее: «Хочу, чтобы моим девизом было: собранность, энергичность, быстрота».

8 июля 1977 года: «Всё ли в моих руках, чтобы быть просто хорошим врачом? Или есть что-то для этого у «бога»?»

Как-то сестра получила тройку по психиатрии – третью в зачётке. Она целый день ходила по городу, забрела в кинотеатр, смотрела фильм. «Стыдно было идти в комнату, стыдно было перед девчонками», – призналась в дневнике.

Летом следующего семьдесят восьмого года, во время каникул, Наташа практиковалась дома, в Красном Яре. Была два раза в роддоме и сама принимала роды (конечно, под контролем врачей). Она пишет об этом: «Как приятно держать в руках нового человечка! Как здорово смотреть в глаза женщин, только что родивших, когда они загораются материнским огнём и излучают мягкий, лучезарный свет! Это чистейшая, благороднейшая работа – работа акушера!»

Тогда за одну ночь они приняли одиннадцать родов! Младенцев накопилось на столах столько, что сестра боялась их перепутать.

Перед шестым курсом Наташа даёт себе зарок, он звучит, как клятва: «К каждой больной относиться, как к матери, как к сестре». И эту клятву она напоминает себе на страницах дневника из раза в раз. Это свидетельство удивительной глубины и духовной зрелости девушки. Она страшится, что не сможет стать достойным врачом: «Когда я подумаю, что учусь на шестом курсе – не верится, что я уже без трёх минут врач. Эх, доктор, доктор, Наталья Леонидовна!».

Доктор Наталья по-прежнему не даёт себе спуску: «Я недовольна собой. Делаю всё механически, не знаю сути болезни, сути лечения, механизма применения лекарств. Много бегаю, совершенно не умею планировать свои действия, свои поступки. Что взбредёт в голову – сорвалась и побежала. Это даже смешно, как я, отключив свой «нижний торс», мчусь на всех парах по клинике».

Сестра крайне болезненно переживает свои первые врачебные неудачи. При родах у роженицы получился разрыв. Она пишет: «Я сделала роженице разрыв 3-й степени. Конечно, в основном

была виновата я, хотя были объективные предпосылки: крупный плод, первородящая, отёк промежности и, наверное, разрыв начинался с шейки матки – и пошло. Неправильно – резко выводила плечики. Шили около двух часов <...> Долго я не могла дежурить ночами, было страшно».

Наташа восхищалась многими своими преподавателями, любимейшей среди них была Л. В. Зальмеш, преподаватель по гинекологии. И перед госом по акушерству и гинекологии она записывает: «Моя милая Лариса Владимировна! Как я люблю тебя! Почти так же, как акушерство и гинекологию».

Накануне экзаменов сестра в панике: «О, объятные акушерство и гинекология! Послезавтра заваливаю свой предмет. Голова тяжёлая, сил нет». На этой страничке в дневнике была записка, в которой Наташа выражала свой восторг по отношению к Ларисе Владимировне: «Как я её люблю! Какая она милая женщина, каких я, наверное, ещё не видела. Она была прекрасна в домашнем халате, такая живая, весёлая, лицо её светилось... Быть бы мне хоть капельку похожей на неё, с такой же, как у неё, энергией, энтузиазмом, отзывчивостью, привлекательностью».

С Ларисой Владимировной Наташа поддерживала отношения до конца.

В том, что касается отношения к людям, отзывчивости, внимательности, Наташа полностью усвоила уроки своего любимого педагога. Она к каждому человеку относилась как к родному, а значит, и к пациенту – удивительно: сосредоточенно, нежно.

Сестра всегда с радостью и признанием отмечала хорошие черты в людях, но и негативные ей были заметны. В её дневнике есть живой рассказ о ребятах, с которыми она впервые сплавалась на байдарках по реке Яе. Ей они очень интересны, она присматривалась, пыталась их понять и оценить. Каждому дала краткую ёмкую характеристику.

«Анюта – золотой человек. В общем-то умница. Она женственна и кокетлива немного, что мне чуть-чуть завидно даже. Золотые руки – движения быстрые, умелые. По сравнению с ней я черепаха и медведица. Очень добрая, хочет всем помочь. Тщательно ухаживает за собой даже в походе. Работящая – буквально вырывает у всех работу. Санька Иванов тоже мне очень нравится. Всё по делу. Шутки – кстати. Быстр в движениях и скор в решениях. Санька Шишкин – самоотверженный. Митрико – избалованный, но

остроумен. По духу не турист. Не понимает, что девчонку надо в серединку положить. Может сказать: «Девчонки, пустите меня в серединку, я замёрз». Эгоист», – делает вывод Наташа. Мы тогда ещё не читали Фрейда и не могли распознать подсознательные желания. «Берутя – самая молодая, но девчонка очень ответственная, хозяйственная, трезво-расчётливая».

Неплохой анализ. Просматривается писательский дар.

Уже работая над этой книгой, я обнаружила ещё один источник информации. У меня лежала большая стопка писем, самых разных: от друзей, от папы, мои письма домой. Я решила их пересмотреть в надежде найти что-нибудь интересное. К своему изумлению, нашла огромное количество своих писем домой, а потом и к отцу, начиная с первого письма времён «абитуры» и заканчивая восемьдесят первым годом – годом смерти папы. Он сохранил все мои письма с семьдесят третьего года. Я очень благодарна ему за это. В письмах я пишу и о Наташе, и очень часто о Володе. Володя как младший брат был объектом нашего неусыпного внимания. Мы ходили к куратору его группы, отчитывались родителям о его учёбе, расходах, покупках, о том, во что и как он одет.

Наташа «шефствовала» и надо мной. Она активно втягивала меня в свою компанию. Я не сопротивлялась, мне нравились её подруги и друзья.

Сестра не боялась прийти мне на помощь в самых рискованных ситуациях. В пору нашего студенчества в вузах для юношей четыре года преподавалась «военка», и после сборов они получали звание лейтенанта. А для девушек – медицина, мы становились медсёстрами гражданской обороны в чине рядовых и были военнообязанными до пятидесяти лет. Нам приходилось сдавать экзамены по анатомии, терапии, хирургии. И вот накануне экзамена по хирургии мне в голову пришла дерзкая мысль: а почему бы Наталье не сдать за меня экзамен по хирургии? Она уже на пятом курсе, знает её, мы с ней похожи, хирургический навык мне никогда в жизни не понадобится. И потом, лекции мы слушали огромными объединёнными потоками, в лицо нас никто не мог запомнить. Со своей просьбой я обратилась к Наташе. Она ничтоже сумняшеся приняла моё предложение. Я ей передала зачётку, сказала, куда надо прийти на экзамен и стала радостно предвкушать халявную пятёрку. Однако в

день экзамена радость сменилась тревогой: я вдруг поняла, во что вляпалась. Если подлог раскроется, меня могут выгнать из университета, да точно выгонят! Могут и у Наташи начаться неприятности. У меня начался мандраж похуже экзаменационного, я не могла найти себе места, была мелкая нервная дрожь. «Зачем я это сделала?! Подумаешь, хирургия, сдала бы как-нибудь. Больше никогда, никогда-никогда так не поступлю!» Я тряслась в несколько раз больше, чем если бы сама сдавала экзамен.

Наташа пришла с пятёркой.

Ей экзаменаторы сказали:

– Отлично! Вы, Наталья Леонидовна, не туда попали, вам нужно было идти в медицинский институт.

Ладно, вру, так не сказали. А должны были!

Наташа тоже описала это в своём дневнике:

«Вчера сдала за Верку экзамен по хирургии.

Да, приключение, щекочущее нервы. Впечатления, конечно, остались. Вот тебе и из ряда вон выходящее событие. Страшно хотела получить пять. Ведь не для себя. И не помню, чтобы я волновалась так перед каким-нибудь другим экзаменом. Всё обошлось благополучно, но в конце, когда она ставила мне отлично, спросила:

– Кто у вас вёл практику?

– Да я не помню...

Верка страшно радовалась, прыгала вокруг меня, вешалась на шею. Мне от её ребячьего восторга тоже стало радостно на душе».

В студенческие годы много и охотно мы ходили в театры, кино, на концерты, гораздо чаще, чем теперь. Ведь возможности посмотреть их по телевизору или в интернете не было. Родителям мы сообщали, что смотрели спектакли томского драмтеатра «Сталевары», «Вишнёвый сад», «Мисс Пайпер ведёт следствие». Мелькали названия фильмов: «Генералы песчаных карьеров», «Андрей Рублёв», «Баллада о солдате». Ходили всегда компаниями. Билеты на концерты, в кино, в музеи были дешёвые. В студенчестве мы могли себе позволить слетать на самолёте в Новосибирск, в театр оперы и балета. И летали!

Подошли к концу годы учёбы. Начинался новый этап жизни. В дневниковой записи сестры от 13 июля 1977 года есть такие яркие строки: «Мы решили отметить окончание учебного года, окончание института... Пошли нашей незабвенной комнатой на то место, где был туристический слёт. Больше всего запомнилось купание на рас-

свете: вода тёплая, как парное молоко, от неё исходит парок, лежит на воде тонким, нежным полотном туман. Я плыву... Вода колыхается, колыхает туманное покрывало... Кружится голова отчего-то...»

Голоса друзей.

Людмила Худовекова (Задирако)

– Почему-то по прошествии многих лет мы начинаем понимать, насколько бесценна наша жизнь, как она может быть мимолётна, непредсказуема, каким фейерверком счастья она проявляется временами, какие фантастические возможности нам даёт, особенно в молодости. Вновь оцениваем себя, друзей, соизмеряем свои дела с мечтами и целями.

Один из ярчайших периодов моей жизни – это студенчество. Семидесятые годы – сплошной калейдоскоп счастливых, радостных, солнечных событий. Мы верили в добро, делали его, и оно стократно к нам возвращалось.

Томские студенты, собравшиеся из разных уголков нашего Советского Союза в древнейшем культурном центре Сибири, – активные, жадные до знаний, открытые, возвышенные, креативные, контактные, целеустремлённые, отважные, сильные, юморные, предприимчивые, порой бесшабашные.

Окружение неординарных личностей, множество друзей, знакомых накладывало свой отпечаток. Мы варились в одном большом котле с позитивным настроем на будущее, каждый привнося в него своё, творили свою жизнь. Никогда было скучать, печалиться. Мы действовали. Учёба в мединституте забирала много времени (плюс занятия в кружках). Свободное время, хоть его и мало было, мы старались проводить разнообразно, увлекательно. Посещение концертов эстрадной, симфонической музыки, бардовской песни, филармонии, лекций столичных музеев с показом слайдов, кино- и драмтеатров, Дома науки, бассейна. Походы в пещеры, горы, на скалы с проведением соревнований, посвящений, тренировок, альплагеря были неотъемлемой частью нашего бытия. Мы объездили полстраны: Сибирь, Дальний Восток, Урал, Украину, Кавказ, азиатские республики. Помню, проезд из Томска до Киева по студенческому билету в общем вагоне в зимние каникулы в семьдесят седьмом году стоил одиннадцать рублей. И всё состыковывали без интернета и мобильных телефонов, их ещё и

в помине не было. Игры в жмурки, бадминтон, волейбол, футбол. Фотографировали, готовили стенгазеты, фотомонтажи, сочиняли стихи, частушки о друзьях, наших поездках, проводили разборы походов, варили глинтвейн, учились готовить еду (плов от Аваза), писали праздничный новогодний сценарий, готовили костюмы, вовлекали младшекурсников в туризм, пекли пироги, торты, обучали и принимали экзамены по медицине у туристов политеха и универа. Любимый праздник – Новый год – традиционно проходил на природе, в лесу, у костров, с пельменями, оливье, хворостом, которые готовили сами, у нарядной елки. Однажды встретили его в сорокаградусный мороз, и никто не обморозился.

Поговорим о Наташе. Она одна из ярчайших звёздочек на небосклоне моей жизни. Впервые я встретилась и познакомилась с ней в стройотряде в г. Стрежевой, где штукатурили пятиэтажку. Лето семьдесят четвертого года. Я закончила первый курс, Ната – второй. Там трудились студенты из Уфы, Казани, Минска, Томска. Вечерами у костра заслушивались её туристическими байками, красочными рассказами о спелеопоходах. Она и увлекла, и привела меня в турклуб «Альтус», за это я благодарна ей и судьбе. С третьего курса и до окончания института жили с ней в одной комнате в общежитиях на Московском тракте и на Вершинке. А с нами Сима Чойнзонова, Ната Буржинская, Оля Володарская, Нина Иванникова. Мы учились на разных курсах, факультетах и учились жить и сотрудничать, быть одной командой, жили на полную катушку.

Наташа Попова – обыкновенная, казалось бы, девчонка, неброская внешность, невысокомерная, была в меру серьёзна, ответственна, в меру беззаботна, весела, умела мечтать, ставить цели, настойчиво их достигать, с разнообразием интересов, с душевным обаянием и красотой, любовью к природе, своей специальности, фантазёрка-затейница, выносливая, заботливая. Ей нравилось хоть изредка угощать нас выпечкой, тортиками собственноручного изготовления.

Студенческая пора. По праздникам у нас всегда были выезды на природу на два – пять дней. Чтоб придать нашим пропускам занятий в вузе какую-то официальность (всё ж медицина), мы становились бесплатными донорами, нам давали справки. Сдавали кровь три – четы-

ре раза в году по триста – четыреста пятьдесят миллилитров. Жор напал на нас потом жуткий. А ведь порой по пятнадцать – двадцать пять километров ножками топтать приходилось в походах. На выездах у нас всегда соблюдался сухой закон. По возвращении сдавали преподавателям пропущенные темы, тратя на это в три – четыре раза больше сил и времени (конспекты монографий, отработка в клиниках, устные опросы педагогов). И всё ж охота была пуще неволи. На выездах царила такая радость, единение наших душ, взаимовыручка. Песни нас сплывали. Какие голоса были у Валеры Якубовского, Лёши Стеблева, Тани Балохоненко, Коняжкиных. Мы к ним, как мотыльки на огонёк, летели. Подпевали и те, кому мишки встали на уши, голоса прорезались у безголовых. Параллельно обучались фотоделу, игре на гитаре, кулинарии, сценарному искусству. Это помогало нам раскрепоститься. На старших курсах уже семь создавались. А какие сценарии к свадьбам писали и действия ставили!

Людмилиин очерк, как и другие голоса друзей Наташи, – это своеобразный портрет томского студенчества семидесятых годов.

В СВОЕЙ СТИХИИ

Спелеология стала для Наташи «осевым» делом, вокруг него сконцентрировалось очень многое. Во-первых, это круг друзей, которые остались на всю жизнь. Во-вторых, путешествия, и не только в пещеры, поездки во многие уголки страны заполнили все студенческие годы. В-третьих, спорт и тренировки – нужна была хорошая физическая форма, чтобы таскать рюкзаки, лазить по колодцам и шкуродёрам. В-четвёртых, фотография – как не запечатлеть такие красоты на фото. И, в-пятых, кулинария. На разборах походов и на праздниках пекли тортики и пироги, варили глинтвейны и всякие вкусности. Да во время выездов хотелось накормить своих друзей чем-нибудь особенным.

У сестры сложилась чудесная компания друзей. Им всегда хотелось быть друг с другом, вместе отмечать праздники и, конечно, лазать по пещерам. Среди них: умудрённый опытом шутник и балагур Валерий Розбицкий, всех спасающая и опекающая огненно-рыжая Олечка Володарская, отважная и неумолимая Людмила Задирако, смешливая, лучезарноглазая Ниночка Иванникова, ответственная и порой по-детски

озорная Наталья Буржинская, мягкая и пугливая Людмила Петрашко, которую так и прозвали – Заяц, рассудительная Сима Чойнзонова. Душой этой компании был Аваз Матхаликов, приехавший в Томск из Ташкента учиться на врача. Внешне худенький, даже тщедушный, невысокого роста, с большими выразительными глазами, Аваз обладал непоколебимой духовной крепостью. Да и физической. Он занимался боксом, таскал огромные рюкзаки. Аваз пользовался безусловным авторитетом у девчонок. После отъезда Валерия Розбицкого руководил фактически всеми выездами и походами. И девчонки, полагаю, были немножко в него влюблены не только как в друга и товарища. Из всех он выбрал себе в жены Зайца. О крепости и значимости дружбы внутри этой компании свидетельствует один эпизод из письма Наташи от 12 июля 1976 года, где она рассказывает о расставании с Авазом: он окончил вуз и отбывал по месту распределения.

«23 июня мы провожали Аваза. За день до этого, вечером он пришёл к нам. «Ну, что, девчонки, уезжаю я, наверное, завтра», – и грустный-грустный. Нинка запищала, у Задираки – слёзки на колесиках, я тоже захлюпала. Потом смотрю, а у Буржинской из-под очков крокодилы слёзы льются. «Да не надо, ради бога, а то я тоже сейчас...» – Аваз выбежал из нашей комнаты как ужаленный. Людмила потом нас спросила: «Вы что там ему сказали, что он от вас убежал, а у него слёзы из глаз катятся?»

На следующий день вечером они с Людой снова были у нас. Мы их накормили жареными карасями и пообещали прийти на вокзал. Для этого случая купили торт и бутылку шампанского. Поезд отходил в час ночи («Томич»). Прихватили гитару. Прямо на перроне выпили бутылку, ополовинили торт. И пели песни. Играли Нинка, Наташа и сам Аваз свою «Я к маменьке родной» и нашу «Пампасы». Пришёл поезд. Мы, обнявшись, все встали в кружок. Молчали. Я не выдержала, у меня потекли ручьями слёзы. Тронулся поезд, Аваз и Людмила прямо набросились друг на друга. Мы с Нинкой побежали за поездом. Аваз нам долго махал, кричал, мы только разобрали, что надо смотреть за Зайцем и поддерживать её в трудную минуту. Пришли к нашим девчонкам. Людмила ещё висела на ограде. Мы пешком, медленно-медленно, как похоронная команда, пошли, сиротинушки, домой. Пришли домой часа в три ночи».

Это первое поколение друзей сестры после окончания вуза разъехалось по разным городам Союза. Валера Розбицкий уехал в Екатеринбург, Аваз увёз Зайца в родной Ташкент, Задирако отправилась в Магнитогорск, Володарская вернулась в Улан-Удэ, Ниночка Иванникова обосновалась в Новокузнецке, Буржинская – в Челябинске. Осталась в Томске только Наташа. У них с Лёшей появилось второе поколение друзей. И дружили они уже семьями: это супруги Столяровы, Сусловы, Мальцаны, Людмила Смирнова, Галина Панина.

О том, как в Наташину жизнь вошла спелеология, вспоминает первый руководитель спелео-клуба.

Голоса друзей. Валерий Розбицкий

– В семьдесят втором году все старые спелеологи окончили институт, и я остался один. Повесил объявление в главном корпусе о наборе в спелеосекцию. Пришла Наташа с подругами, ещё несколько ребят. Количество колебалось от десяти до шестнадцати человек. Наташа была постоянный кадр. Мне она, конечно, нравилась, но ухаживать за ней я стеснялся, так как был на шесть лет старше. В течение трёх месяцев ушли все, кому эти тренировки и грязные пещеры не понравились. Остались самые стойкие, такие как Наташа, Люда Петрашко, Аваз Матхаликов, Задирако, Буржинская, Даша Хегай. Наташа на всех выездах была отличным организатором и громоотводом, прекрасно готовила, часто брала на себя функции казначея и завхоза, что очень трудно.

В спелеологии нас привлекала возможность открыть для себя потрясающий подземный мир. Когда мы открывали новый участок известной пещеры или вообще новую пещеру, пусть даже маленькую, то это всё равно новое географическое открытие. На земле всё нанесено на карту, а под землёй нет. Кроме грязных участков в пещерах, были потрясающие залы с каскадами сияющих сталагмитов и сталактитов, да ещё и разноцветных, что совершенно не отражалось на наших чёрно-белых фотографиях. В пещерах у нас всегда было хорошее настроение, многочисленные царапины и порезы заживали быстро и без всяких следов, что вызвано повышенным содержанием радона и отрицательных ионов. Правда, мы об этом не задумывались, хотя о спелеотерапии знали.

Валера Розбицкий однажды спас Наташе жизнь или, по меньшей мере, предотвратил опасное падение со скал. Это было на Тутальских скалах под Юргой, куда спелеологи и альпинисты часто выезжали на тренировки по скалолазанию. Наташа страховала одного, ну, скажем, амбала. Валера заметил, что сама она не пристрахована, что являлось нарушением техники безопасности:

– Наташа, дай-ка я привяжу тебя за верёвочку, – сказал Валера.

Через некоторое время амбал резко рванул-ся вниз, так что Наташа вместе со страховочной верёвкой полетела за ним и повисла над обрывом на дополнительной страховке, которую навесил Валера.

Кстати, Валера справедливо ставил себе в заслугу то, что во время его руководства не было ни одного трагического случая в клубе или даже сколь-нибудь серьёзной травмы.

Голоса друзей. Ольга Володарская

– Занятия спелеологией на первом – втором курсе очень сблизили нас с Наташей. Были тренировки на скале, под мостами, поездки в пещеры Хакасии.

33 В нашей комнате была, можно сказать, штаб-квартира секции спелеологии. Лестницы, верёвки и другое оборудование хранилось под кроватями. Все советские праздники – 7 Ноября, 8 Марта, 1 Мая – выезжали в пещеры Хакасии. Это было интересное, романтическое время. Обычно руководил поездками Валера Розбицкий, Наташа являлась его первой помощницей. В походах проверялась и крепла дружба; плохие, эгоистичные люди не прижились. Уходили в пещеры утром, а возвращались затемно, ночью. Время, которое уходило на дорогу и обратно, прохождение самой пещеры составляло от восемнадцати до двадцати четырёх часов. Возвращались поздно, только на небе сияли яркие звёзды. Наташа хорошо знала звёздное небо и научила меня видеть несколько созвездий. Ночевали в каком-нибудь сельском клубе, о чём заранее договаривались с местным начальством. Как раз Наташа могла хорошо договариваться с людьми. Народ после тяжёлых испытаний засыпал на ходу. Наташе нравилось быть опорой, помогать. Мне по натуре это близко, мы обе с ней – спасатели. В походах были как две «мамочки».

И вот пришли в жильё (обычно нас было десять – двенадцать человек). Народ падал, а мы с Наташей, как всегда, варили любимую еду – картошку с обжаренными морковкой и луком и иногда с тушёнкой.

Задаём друг другу вопрос: будить или не будить? Решаем – будить! И вот очень ласково и осторожно будим народ, упрощаем поесть и очень рады, что народ покушал. В походах у нас, «мамочек», всегда имелись лишние носочки, варежки для друзей. Наташа могла поделиться и своими варежками.

Поездки в пещеры были большим праздником, радостью для нас. Проехать по железной дороге зайцем – романтика! Раза два – три я была зайцем из-за маленького роста. Медики «зайцевали» скромно – из двенадцати – четырнадцати человек было всего два зайца, которые прикрывались старыми билетами. А энергетика из политеха были понаглее. Рассказывают, что однажды из двадцати – тридцати человек чуть ли не половина ехали зайцами. Главная задача зайцев была сразу после посадки в вагон рассосаться, то есть спрятаться на третьих полках и под сиденьями. Однажды во время посадки в вагон проводник совершенно справедливо посчитал, что билетов ему предъявили меньше, чем зашло пассажиров. Он пошёл по вагону проверять билеты, и вдруг с третьей полки падает (неспециально!), пролетая на миллиметр от носа проводника, огромный рюкзак. С жутким грохотом он ударяется об пол. На этом проверка билетов закончилась.

Валере Розбицкому запомнился один загадочный случай, который произошёл в пещере Орешная. Эта пещера, первой категории трудности, использовалась обычно для тренировки новичков. Наташа тоже была на этом выезде.

Голоса друзей. Валерий Розбицкий

– У пещеры был входной вертикальный колодец глубиной восемнадцать метров, вся остальная огромная пещера была горизонтальна (шестнадцать – восемнадцать километров) и легко проходима. Возвращаясь, остановились на отдых в гроте Львиный, так как рядом было подземное озеро с кристально чистой водой. Я набрал полное ведро воды, поставил паяльную лампу и стал кипятить чай. Вдруг одна из девочек вскрикнула:

– А прохода, по которому мы пришли, нет!

Мы с Наташей подошли к напуганной девчонке. Она показывает рукой на серую каменную стену, из-под которой виднелась тропка, по ней мы шли. Потрогал рукой – действительно, стена, нет тропки.

Я говорю:

– Наташа, займись девчатами, успокой их. Через час тут должна быть ещё одна группа спелеологов из Томска, восемнадцать человек. Мы должны разойтись с ней в этом гроте, чтобы столпотворения не было в узком проходе и на выходе из пещеры.

Наташе удалось погасить панику:

– Девочки, запомните всё. Это обычная массовая галлюцинация. Очень интересно!

С ребятами мы тщательно осмотрели все стены и ни одного выхода не нашли. Я встал напротив тропки, идущей к выходу из пещеры, и стал ждать. Вдруг из каменной стены появляется руководитель другой группы спелеологов.

– Стой на месте! Не двигайся!

Он замер. Я подошёл к нему, за ним виднелся обычный пещерный ход, по которому в грот входили спелеологи. В гроте появились все семь ходов. Я объяснил, что с нами случилось, и посоветовал яркой материей отметить вход и выход из грота. Он сказал, что от входного колодца через двести метров впереди оказалась брошенная деревянная изба с повалившимся забором из жердей, затем она исчезла. Видели её все. Если бы не сорок метров под землёй, то всё было обычно. Так как через два часа у входного колодца могла появиться ещё одна группа спелеологов, мы быстро пошли на выход. Идти до выхода было метров четыреста по ровной тропе. Я уходил последним. Впереди послышались крики:

– Изба!

Поднялись наверх из колодца.

– Кто видел под землёй избу? – спрашиваю.

Оказалось, восемь человек из двенадцати. Больше никогда ничего подобного ни с кем не случалось.

Валера очень ярко описал красоту подземного мира. О красотах пещер я рассказывала родителям в письмах. После поездки в Кашкулак в письме от 24 мая 1976 года пишу: «На Первое мая мы ездили в Кашкулак, в Хакасию. Выезд был великолепный, ничего красивее этой пещеры я не видела. Там прямо в первом входе «растут» ледяные тюльпаны, их целая поляна. Это

такое чудо – у меня слов не было! А грот Мракобесов – это вообще сказка! Словами не опишешь! Наташа должна выслать вам фотографии пещеры и нас на улицах Томска в новых пальто». Эти фотографии сохранились. Я купила пальто болотного цвета, Наталья – красного.

И это только одна пещера. А сколько их было – с подземными озёрами, водопадами, феерическими гротами и замысловатыми колоннами-сталактитами, появляющимися и исчезающими избами. И каждая поездка – это обязательно приключение.

Голоса друзей.

Наталья Лаврова (Буржинская)

– Семьдесят пятый год, Хакасия. Пятеро студентов-спелеологов. В глухой деревне старый хакас предупредил о большом количестве рысей и посоветовал вооружиться палками.

– Несите их, как ружья, – на плечах, – сказал он нам на прощание.

Предутренний тёмный лес был неприветлив. Наталья всех нас «поставила в ружьё», и так мы шли, воинственно уткнув палки в небо. Довольно быстро добрались до пещеры. Я первая опустилась в грот, достаточно большой, как спортзал, – и в одной из ниш увидела... рысь! Я заорала оставшимся наверху. На помощь ко мне спустилась Наталья. Вот уж воистину: почувствовав опасность, пропусти вперёд женщину. Следом спустился Аваз с ножом... перочинным и ржавым. А за ним – остальные. Отчаянно и храбро мы пошли на смертельную борьбу. Драйв испытали ещё тот! Наш отважный Аваз всегда был мужчиной и защитником, он резко бросился к нише и... заржал. Это был камень, похожий на рысь. Какое долгое веселье царило в гроте! Его и спустя сорок лет всё ещё живо помнишь! Последующие гроты, колодцы и шкуродёры преодолели без приключений. Белый свет после подземелья нас встретил солнышком и теплом. Девочки – Задирако, Попова, Буржинская пошли чистить пёрышки в сосенки. И вдруг заорала Задирако, непрерывно тыча пальцем в небо: над нами медленно проплывала летающая тарелка. По форме бесшумно летящий аппарат напоминал шляпу с длинными полями. На корпусе по кругу были прорезы. Мы онемели. Потом оцепенение прошло, и Наталья безапелляционно заявила, что это космический спутник. Приказала живее собираться – поход заканчивался. И до, и после было много походов,

наполненных интересными событиями, красотою и радостным общением друг с другом!

Я отследила по первому дневнику, сколько же поездок Наташа с друзьями совершила за год. И так, за полторы недели до Нового семьдесят шестого года, два раза съездили в пещеру Торгашинскую под Красноярском. Во второй половине января семьдесят седьмого года после досрочно сданной сессии едут своей компанией в пещеры Миртовская и Кирилловская. В конце января – начале февраля Наташа с подругами летит в Москву, «просто посмотреть, походить по музеям и театрам». В Москве Наташе понравилось, девушки посетили все туристические, знаковые места. В итоге к началу нового семестра «дебет с кредитом» не сходится, долг сто пятьдесят рублей (это примерно четыре стипендии), необходимость много подрабатывать, чтобы рассчитаться с долгами и заработать на новые спелеотуры, так как Наташа собирается ещё более активно заниматься спелеологией. Затем в конце марта – начале апреля поездка в пещеру Геологическую на Алтае. Хоть Наташа твёрдо решила не ехать – её уговорили и очень грамотно обработали («Ведь изведёшься же, если не поедешь. Собирайся, всё равно ведь поедешь!»). В апреле едут в Назаровские пещеры. В мае – Кашкулак. Летом – в Подгорное на практику. В августе в Кубинку и потом на Алтай, снова в Геофизическую. В октябре уже нового учебного года – в Саксырскую. Одиннадцать поездок за неполный год! И ещё Наташа удивляется и ругает себя за огромные долги. А как им не быть?

Голоса друзей. Ирина Маромыгина (Мокина)

– Вот уж никогда не думала, что придётся писать воспоминания, что ушли удивительные люди, которые были рядом в то волшебное студенческое время.

Боже мой! Я уже тридцать пять лет работаю после окончания института! А мы встретились с Наташей Поповой в семьдесят пятом году в «Альтусе»*. Жизнь в «Альтусе» кипела. Туристы взахлёб рассказывали о походах, альпинисты – о вершинах, а спелеологи – о подземных приключениях. Наташа Попова и Люся Задирако были главные спелеологини. Мы,новички, смотрели на них с восхищением.

* Название туристического клуба мединститута «Альтус» получается от соединения первых букв слов «альпинизм», «туризм», «спелеология». В переводе с латыни altus означает «высокий, крутой».

Никогда не забуду свою первую пещеру – Саксырскую. Нас было трое новичков. В три больших вертикальных колодца спускались по одному на самое дно. Там, в подземном зале, нас троих Наташа и Люся посвящали в спелеологи – как полагается, огрели калошей в очень тёплой и торжественной обстановке. Мы были счастливы. Потом – никогда не забуду – они нашли вертикальный довольно большой подъём-стенку и выход в ещё один удивительно красивый зал. Я за ними карабкалась, позабыв о страхе, о страховке. А они были в своей стихии, восхитительны и прекрасны. Потом был разбор похода в клубе – нас хвалили Наташа и Люся, это было очень приятно. С той поры пещеры – моя любовь.

Встречали Новый год в лесу под ёлочкой. Звёзды, ночь. Костёр, песни под гитару, горячие пельмени, смех, веселье, несмотря на мороз. Наташа была в цветастой, пёстрой, длинной юбке, ярком платке, чёрном приталенном полушубке, румяная, весёлая, задорная, тёмные кудри из-под платка – залюбуешься, краса. Хочу помнить её такой – красивой, смелой, очень обаятельной, заботливой.

Последний студенческий Новый год Наташа с друзьями встречала в Куманово, в избушке. «Очень, очень весело и хорошо проводили старый и встретили Новый, боже мой! Уже 1978 год! В этом году закончу институт... Что там, впереди?..»

Как здорово встречать Новый год просто в лесу! Живая ёлка на небольшой опушке, окружённой вековыми деревьями, наряжена и увита гирляндами. Самодельный длинный и узкий стол из двух досок – и на нем пироги и вино. Падают пушистый-пушистый снег. В первые минуты Нового года живёшь с ощущением благодатной новизны и в предвкушении счастья.

В «Альтус» прибывали новички. Наташа и её подружки становились мэтрами. Они обучали молодёжь, вывозили их в пещеры, на скалы, приобщали к увлекательному миру спелеотуризма. Таким новичком была Людмила Смирнова, которая и по сей день хранит верность и любовь к спелеологии.

Голоса друзей. Людмила Смирнова

– Наташка, Наташка... Не раз думала о том, что если бы не Наташа, то вряд ли бы я была спелеологом... Сейчас понимаю, что ско-

рее всего это не так, много их было – старших героев, тех, на которых хотелось быть похожим, но Наташка, да, она была особенной, той, за которой идти хотелось просто, без оглядки, причём во всём и всю жизнь. Конечно, их было две – «спелеомамы»: Наташа Попова и Люся Задирако. И были они очень разные и вместе с тем чем-то неуловимо похожие – старшие. Для студентов-младшекурсников шесть – семь лет – это уже запредельный космос. Тем не менее с первой же пещеры они безоговорочно приняли нас в своё братство и, как нам тогда казалось, полюбили нас сразу и безусловно. Как любит всех своих детей мама. Именно сейчас, когда я пишу эти строки, я очень отчётливо поняла, что всё мое последующее общение с приходящими в клуб новичками я всегда строила по образу и подобию тех отношений, какие когда-то давно выстраивали с нами Наташа и Люся. Совершенно подсознательно, не отдавая себе в этом отчёта, но тем не менее точно так же принимала безоговорочно всех и каждого, каждого пыталась окружить почти материнской заботой и вниманием. Люди, приходившие к нам из других клубов, говорили, что отношение к новичкам – это отличительная особенность «Альтуса». Надо сказать, что впоследствии мы даже этим гордились. В среде горников всё было гораздо жёстче, да и, наверное, не могло быть по-другому в мужской компании. И в восемнадцать – двадцать лет мне, как ребёнку, хотелось вновь и вновь окунуться в эту атмосферу безусловного «принимания», где можно было просто быть собой и быть не только принятой, но и даже, казалось, понятой. Да, скорее всего, это и было основой того, что я осталась именно в спелео. Зимой восьмидесятого, когда Наташа и Люся уже не были студентами, мы пошли в пещеры под руководством Иринки Маромыгиной. Она всего на три года старше нас и, хотя стиль общения был такой же, с ней мы были почти на равных. А вот это ощущение, что рядом с тобой надёжные старшие товарищи, было только с Наташей и Люсей. Надо сказать, что пронесли мы его через всю жизнь. Но только к Наташе я до сорока с лишним лет ходила советоваться в сложных жизненных ситуациях. Её мнение было очень ценно для меня. Её пример всегда вдохновлял на подвиги, в том числе и трудовые.

В Бородинку, мою первую пещеру, в семьдесят восьмом году нас водила Люся Задирако.

Наверное, она и рассказала нам про Наташу Попову. Первое, что запомнилось и бросилось в глаза – это её красота. Наташка всегда, всю жизнь была для меня очень красивой, просто потрясающе красивой и очаровательной женщиной. Открытая улыбка, веселый нрав в сочетании с яркой внешностью производили неизгладимое впечатление! С ней хотелось общаться, ходить, дружить. Кроме, пожалуй, Галки Латынцевой, Наташка была единственная девушка, кем я просто откровенно любовалась. Иринка Маромыгина вспомнила встречу Нового, семьдесят девятого года. Я тоже там была, это первая моя новогодняя ночь с «Альтусом» в морозном лесу под живой ёлкой. Яркое описание Иринки про Наташину внешность врезалось в мою память: длинная юбка, чёрный, короткий овчинный полушубок и поверх него – чёрный платок с алыми цветами и длинными кистями, а из-под платка – иссиня-чёрные весёлые кудри! Наталья была неотразима! Кажется, она была Снегурочкой в ту ночь. Наверное, это была самая красивая Снегурочка в моей жизни. Да, валенки! Я забыла про валенки. Наташа, как и все остальные участники праздника, была в валенках, которые придавали шарма образу.

Потом был Кашкулак на 8 Марта семьдесят девятого года. Водили нас уже Наташа и Люся. Что осталось в памяти с того времени? Люся нас водила в Бородинку и была уже знакомой и своей. Наташа же для нас, вчерашних новичков, была почти легендой. Люся была проще, а Наташа – это чувствовалось сразу, была серьезнее и серьезней относилась ко всему. Это внушало уважение.

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ

Почему мы так любили путешествия? Понятно, потому же, почему их все любят. Но речь идёт не только о жажде новых впечатлений. В наших туристических компаниях тех лет складывалась особая атмосфера общения: лёгкая, весёлая, доброжелательная. И при этом сохранялись очень ответственные отношения друг к другу. Люди иной пробы не приживались. Отправляясь в пещеры, в горы, не только наслаждаешься красотами и общением с друзьями, но и рискуешь здоровьем, жизнью, испытываешь тяжёлые физические нагрузки. Хочешь не хочешь, а учишься сканировать людей (подсознательно): доверишься – не доверишься.

Советская эпоха семидесятых – начала восьмидесятых годов, как я себе сейчас представляю, была самым благоприятным временем для путешествий. Билеты на автобусы, поезда и даже самолёты были очень дешёвыми. Для студентов существовали пятидесятипроцентные скидки. На такие расстояния и столько, сколько мы путешествовали во время учёбы, путешествовать уже больше не доводилось. Мы с лёгкостью поднимались, летели и ехали за многие тысячи километров. Жили у друзей, родственников, в палатках, в турклубах. Помню, как после третьего курса мы с девчонками полетели в Якутию, в Ленск, работать пионервожатыми в пионерлагере. Так мы решили отработать пионерскую практику. Нас туда повезла Таня Двоглазова, которая сама была из Ленска. Потом, заработав немного денег, махнули через всю страну в Киев, где жила подруга нашей старосты Тани Паранько. Потом решили побывать на Чёрном море и из Киева поехали в Николаев, где жила Танина тётя. Нас подвело незнание географии. Оказалось, что Николаев стоит не на Чёрном море, а на лимане, образованном Бугом. Тяжёлый промышленный город, где мы не нашли ни одного приличного пляжа.

Путешествие на Дальний Восток по маршруту Томск – Улан-Удэ, Иволгинск (Иволгинский дацан) – Хабаровск, пещера Соляник на Чиндолазе – Уссурийск – Находка (неудачная из-за дождей попытка дойти до пещеры Великан) – Алексеевка – Сергеевка – Владивосток, острова Попова, Рейнеке в Японском море – Томск обошлось нам в сто двадцать рублей с человека. Для молодого поколения объясняю: сто двадцать рублей – это практически чуть меньше, чем среднемесячная заработная плата. Молодой специалист после вуза получал сто пять рублей.

Во время учебного года на праздники никогда не оставались в общежитии, уезжали либо в какую-нибудь пещеру в Юргу или Красноярск на скалы. Весной, на майские праздники, бывало, сплавлялись.

Вспоминая что-нибудь интересное из наших путешествий, какие-то эпизоды яркие, я радуюсь всегда и думаю: «Наташе расскажу». И потом, после её ухода, ещё часто во мне возникало это желание, которое разбивалось вмиг: «Наташи нет».

Я вспомнила эпизод с посещением вокзального ресторана в Тайге, когда мы возвращались

из пещеры, возможно, Боджейской или Кашкулака. Обычно на станции Тайга мы шли в деповскую столовую: петляли долго по рельсам в темноте, потом заходили в огромный ангар, и где-то в его глубине, в пропахших мазутом недрах, была большая непритязательная рабочая столовая. А тут мы где-то очень сильно сэкономили, и у нас осталось столько денег, что мы, подсчитав, решили пообедать в ресторане. Тем более случилось это на 8 Марта. После грязных деповских столовых, общих вагонов, холодных пещер в заштатном ресторане мы почувствовали себя как на королевском приёме: залитый солнцем большой зал, белые салфетки, блеск стекла (хотелось бы написать: серебра и хрустала). Нам хватило денег даже на то, чтобы заказать всем по сто граммов красного вина. Я вижу это вино в простой маленькой рюмочке на ножке, рядом тарелка с аппетитной котлетой по-киевски. Уже это давало такое предвкушение праздника, что можно было и не есть, и не пить. Но, поев и выпив, мы ощутили полное блаженство.

ВОЮЕМ С ПЕЧКОЙ

Наташа после вуза была распределена гинекологом в Центральную районную больницу Тимирязево. Она сняла комнату у бабы Клавы в доме по улице Старая трактовая, 49. Больница оплачивала за жильё двадцать пять рублей. Уже осенью я приехала в Томск, и началась наша совместная с сестрой жизнь в Тимирязевке.

В письме отцу 3 октября 1979 года я писала: «С жильём у нас всё нормально: небольшая светлая комнатка в уютном предместье Томска. Ездить даже ближе, чем до Красного Яра. Бегаем по утрам с Натальей. А воздух здесь чудесный». И воздух чудесный, и бегали мы по утрам, но не всё было так благостно, о неприятностях мы старались не писать.

Обстановка в комнате – архиаскетическая: старый стол, панцирная кровать, раскладушка и пара с трудом доживающих век табуреток. Денег нам почему-то не хватало. Завтракали мы дешёвым хлебом с дешёвым же маргарином и чаем. Мы с сестрой тогда мало внимания обращали на внешнее. Наташа начала самостоятельную врачебную деятельность. Вся была в медицине, в друзьях и будущих походах. Я начала искать работу, трудиться над своей диссертацией, писать стихи. В одном из них я и описала эту нашу комнату:

*Я сижу на старом табурете
В комнате, неприбранной и узкой,
В доме пригорода, на планете,
В космосе, летящей между тусклых
Звёзд, туманностей и млечной пыли.
Смятая постель на раскладушке,
Душный запах кухни, окна голы.
Эта комната чужой старушки,
С щелеватым и облезлым полом –
Мне жилище в космосе безбрежном.*

Через некоторое время баба Клава продала дом тёте Ане. Мы хотели съехать, но новая хозяйка сказала:

– Да живите, я не против.

У тёти Ани муж Коля оказался буйным алкоголиком. Вечерами он напивался, впадал в угрюмое состояние, ругался и матерился. Объектом его неприязни были не конкретные люди, а всё несправедливое – и тут бы сматериться – устройство мира. Хозяева держали свиней. И каждый вечер на печи парилась в бадье баланда для хрюшек, источая по всему дому тошнотворный запах.

Тётя Аня работала медсестрой, часто дежурила ночами, были ночные дежурства у Наташи. Случалось так, что я оставалась один на один с изрыгающим ругательства пьяным дядей Колей, невыносимым запахом свинячьих блюд и с непроницаемым мраком за окном. В нашей комнате невозможно было закрыться, там не было двери, вместо неё висела ветхая занавеска.

В скором времени от тёти Ани мы сбежали. Дядя Коля стал нарушать священный принцип частной жизни и неприкосновенность нашего жизненного пространства. Следующей нашей квартирной хозяйкой стала тётя Фая, которая тоже работала медсестрой. Узнав о наших мытарствах, добрая женщина сама предложила нам маленькую чудесную избушку на улице Деповской.

В письме папе от 29 ноября 1979 года сообщая: «Мы живём теперь отдельно, в маленькой избушке. Это уже здорово. Воюем с печкой по вечерам. На наше счастье, до сих пор стоит очень тёплая погода. Нас целыми днями не бывает дома. Сейчас Наташа одна в больнице осталась (все гинекологи на больничном), так она уходит в 7:30 и приходит в 10 вечера. Я после работы занимаюсь в научке».

Папа просит подробно описать наш быт, питание, я ему отвечаю в письме от 26 марта 1980 года:

38

«Сначала я опишу тебе наш быт и пищу. Уезжаем из дома мы в 9 утра и возвращаемся в 11 часов вечера. Порой вообще не возвращаемся. Утром завтракаем дома и поздно вечером перекусываем тоже дома. У нас сейчас есть мясо: свинина (купили сами), фарш, гусь (мама выслала). Но даже некогда сварить всё это из-за того, что поздно приезжаем. Раз в неделю удаётся сготовить: в субботу или в воскресенье».

В магазине очень сильные перебои с маслом, творогом, реже бывает сметана, а молоко, кефир, яйца – всегда. Но мама как-то высылала нам масло, так что оно у нас долгое время было.

Сейчас уже потеплело, топить много не надо, и мы с Наташей блаженствуем. Хозяева у нас очень хорошие. Мы с ними живём дружно. Они нам то печку днём затопят, то тётя Фая нам варенья, пирогов принесёт. И мы, чем есть, делимся».

С этой чудесной избушкой нам пришлось расстаться. Папе я подробно изложила ту неприятную историю, из-за которой нам отказали в квартире.

«Почему мы сменили квартиру – вопрос долгий и неприятный. Бывшая квартирная хозяйка, тётя Фая, взяла нас с радостью. У неё сын «на выданье», ему 27 лет – угрюм, нуден, ничего интересного, работает в ТУСУРЕ (институт такой). Наталья из-за этого не хотела переезжать туда, но деваться было некуда. Мы старались избегать его общества».

Видимо, под давлением тёти Фаи Володя приходил к нам в гости, приглашал Наташу пойти погулять. Наташа твёрдо отвечала: «Нет».

«И даже не хотят видеть его», – обижалась потом тётя Фая.

«Ты знаешь, к нам часто ходили друзья, туристы, – продолжаю я, – иногда оставались, так как уезжать поздно было трудно (надеюсь, ты убеждён в целомудрии твоих дочерей). Но в этом не были убеждены некоторые соседи (их я даже в глаза не видела). И вроде кто-то сказал хозяйкиному сыну Володе: ты чего, мол, растерялся, к ним любовники (здесь было употреблено более сильное выражение) табунами ходят. Потом, когда я уезжала в отпуск, он оказался очень сильно избитым. И как он говорил, опять из-за нас. Хотя это полная ерунда!»

В нашу избушку, действительно, приезжало, приходило много друзей. Иногда, оставшись ночевать, они устилали своими телами весь пол. Между ними приходилось ходить цаплями, высоко поднимая ноги. Но они были не из тех, кто мо-

жет затеять драку. Да и едва ли кто-нибудь из друзей знал о существовании сына тёти Фаи, кроме Лёши. К тому же целомудрие было взаимным.

Вспоминается мне известная туристическая песня:

*Воем воем моралисты, что дела у нас
нечисты,
Что туризм есть узаконенный разврат,
Что, разбившись по палаткам, чуть
не голые в палатках
И туристы, и туристки рядом спят.*

*Наша дружба в этом мире чище снега
на Памире,
А ханжи не принимаются в расчёт.
Пусть они себе вздыхают и двусмысленно
кивают
И слюна у них от зависти течёт!*

Тётя Фая была чудесная женщина, спаси её Господь. Да и сын нормальный парень, ну, со странностями. Дело в том, что просто он был не из нашего круга, не нашей породы, проще говоря. Не хуже, не лучше, а другой. Потом нашлась ему хорошая жена, родила внука тёте Фае. Она была счастлива. Пусть простит, если Наташа её обидела, не приняв ухаживания Володи. Сестра же кляту себе давала – без любви замуж не выходить.

Следующим нашим жильём стала маленькая избушка на Больничной, 17, хозяйкой которой была тётя Шура.

Переезд был смешным. У нас к тому времени скопилось кое-какое имущество: книги, настольные лампы, постели. И Наташа попросила больницу дать какой-нибудь транспорт, чтобы помочь перевезти вещи. Мы связали узлы и стали ждать. В условленный срок к дому, громяхая, подъехала подвода. Дед возничий сказал: «Все машины заняты, и вот прислали, так сказать, гужевой транспорт». На этой подводе возили мои, пищевые отходы из больничной столовой, на ней налип вековой слой этих отходов. Посредине телеги намертво была прилеплена бадья, она возвышалась, как труба. Бортов у телеги не было. Кое-как мы погрузили на неё свои узлы, часть вещей пришлось тащить в руках, их невозможно было приладить к этой странной телеге. И так бесславно мы покинули полюбившуюся нам избушку тёти Фаи и прошествовали вслед за телегой-бадьей к своему новому месту жительства. Кстати, неподалёку от нашей избушки у хо-

зайки располагался свинячий хлев. «Свинская тема» нас преследовала по пятам буквально.

Переезд никак не изменил нашего образа жизни. Наташа по-прежнему была вся в работе, друзьях и туризме. Я обычно до десяти часов вечера занималась в научной библиотеке университета, к одиннадцати приезжала домой.

Там мы начали вести с Наташей хозяйство: весной сажать картофель, на зиму солить капусту, заготавливать дрова.

Восстанавливают детали нашей жизни на Больничной опять же письма к отцу. Письмо от 3 октября 1980 года: «Готовимся к зиме. Дрова уже Лёша порубил, будем сегодня их складывать в поленницу. Неважные, правда – осина полугнилая, а обещали хорошие. Собираемся солить капусту в следующее воскресенье. Это будет заключительным этапом подготовки к зиме».

Не раз мы приглашали папу себе в гости. Письмо от 17 декабря 1980 года: «Папка! Приезжай! Вечером мы получили письмо и начали фантазировать: ты приедешь, мы позовём Ольгу, мою подругу (я очень хочу, чтобы вы познакомились), приедет Лёшик, мы посидим, поговорим, преодолеем «разрыв поколений», попьём вина, что-нибудь вкусное сготовим. Например, пельмени. Потом ещё сходим в театр – у нас отличный новый драматический театр. И недавно здание ТюЗа построили. Говорят, что тюзовцы очень незаурядные вещи делают. Съездим к Коротченко А. Л., если ты, конечно, захочешь. Он тебя звал. Говорит: «Если папка приедет, тащите его к нам». Так мы фантазировали, и нам сильно-сильно захотелось, чтобы ты приехал. Да и ты тут отдохнёшь. Можно будет лыжи напрокат взять, в лесу сосновом покататься. Правда, тебя этим не удивишь, у вас у самих там такой лес чудесный. <...>

Володя собирается поступать в наш ТИА-СУР. Мы очень рады – постепенно наша родня собирается в Томске, это славно. Часто ли ты его видишь? Мама писала, что он покуривать стал и сказал ей: он будет курить, когда окончит школу, ему нравится, и никто от этого не умирает. Лёшик обещал затравить у него на глазах никотином крысу, чтобы продемонстрировать вред курения, мы все его поддержали.

Заканчиваю на этом, надеясь на скорую встречу и долгий-долгий разговор с тобой».

В восемьдесят первом году, летом, в Томск приезжает брат Володя поступать в ТИАСУР.

В Тимирязево позже Наташа с Лёшей получили квартиру. Оно стало для них местом, где они создали своё родовое гнездо.

«Я – ЖЕНА»

Уже не раз мелькало в моих письмах родным и в дневниках имя Алексей, но нейтрально. Тогда и Лёша, и Наташа были увлечены другими. Судьбоносная встреча состоялась, а вот когда, сказать трудно. Сам Алексей вспоминает об этом так: «Как мы познакомились – не помню. Или не знаю, какой, собственно, случай считать знакомством. Меня вроде бы она заметила где-то в турклубе. Я заметил её в другом клубе – фотогафическом, поскольку обнаружил там неожиданно Наташу, уже напечатавшую какие-то фотографии с очередного туристического мероприятия и, как мне показалось, зря потратившую большое количество драгоценной фотобумаги (я уж не говорю, что вход в фотолабораторию был строго по членским билетам). Наташа позже сказала, что тогда её удивило: что это я проявил такое участие в её «фотоделах». Потом (а может быть, и до того) была пещера Баджейская, и уже потом Наташа призналась, что говорила девчонкам (наверное, Гале Паниной или Люде Смирновой) о том, что было неплохо, если бы я пошёл в эту пещеру. То есть с какого-то момента я уже был неведомо для себя руководим».

Как я уже писала, Наташа дала себе слово, что не выйдет замуж без любви. В отношении с парнями она избегала того, что называют флиртом, заигрыванием, жёстко пресекала ухаживание молодых людей, если у неё не было встречной симпатии. Несколько раз целовалась с парнями. А уж как корила себя за это! Как-то на дне рождении у Ольги она целовалась с парнем, которого практически не знала, и он ей не нравился. «Разве бы я могла такое раньше сделать?! Видите ли, я просто проводила эксперимент и отвечала на свой вопрос, просто это или сложно, могу или не могу. И он мне преподнёс подарок – не показывается две недели. Оказывается, это с одним просто, а с другим сложно».

До встречи с Лёшей у неё не было парня, с которым бы она дружила, думаю, по причине этой максималистской позиции. Она не могла завести отношения просто потому, что понравилась какому-нибудь парню и он стал за ней ухаживать – этого она себе не позволяла. В дневнике она описывает несколько эпизодов, случившихся на сплаве, которые касаются этой сторо-

ны. «Митрико замучил меня своей притворной любовью. Я его, наверное, оскорбила. Он замолк, лёг с соломинкой во рту. Это меня даже испугало. Таким его я ещё не видела». Серёжка (видимо, Прохоренко, со сплава. – Прим. В. Л.) попал в больницу. Наташа подозревала, что он легкомысленный сердцеед, и хотя он ей нравился как человек, как парень вызывал настороженность. «Серёжка лежит в больнице. Была у него два раза. Гуляет у Томи! Целыми днями. Каков больной! Но сейчас ему уже легче. Даже не хромает. И ещё пытается за мной ухаживать. Этого мне не хватало! Но до чего противная, гадкая женская натура – приятно – в корне не пресекала. 7-го будет у меня. Сбежит!»

Её влюблённости оставались до времени безответными. Как любая девушка, переживала и боялась, что не встретит своего избранника, свою судьбу. 29 октября 1977 года пишет: «Когда мне трудно и тоскливо, мой милый дневничок, я обращаюсь к тебе. Опять мне хочется понюхать о собственной неполноценности, о том, какая я дура и что меня никто не любит».

Зимой семьдесят восьмого года Наташа собиралась в пещеру на Урал, в Сумган-Кутук. Перед пещерой заехала домой: «Я еду домой снова с рюкзаком, снова на три дня. Моя бедная мама! Она, конечно, хочет увидеть меня прекрасно одетой, с умным, серьёзным, симпатичным и любящим женихом-мужем (похож на образ Лёши. – Прим. В. Л.), хочет видеть меня в дальнейшем счастливой матерью, я приезжаю в рубище с огромным рюкзаком, как вьючная кляча. Наташка-Наташка, начинающая потихоньку вянуть старая дева». И это в двадцать четыре года она именует себя «старой девой»?!

Однажды Наташа решила «...стать настоящей женщиной! («Ой, не могу!») – её ироничная ремарка. – Прим. В. Л.). Буду следить за собой. По утрам, кроме бега, мечтаю – ежедневно! – накручиваться и краситься! И вообще... Не стесняться хорошо одеваться!». Станные все же мы усвоили установки, если Наташа своё желание хорошо выглядеть и заниматься женскими домашними делами принимает с опаской и настороженностью.

26 января 1978 года: «И ещё я замечаю за собой слабость, милую, женскую, которая очень мне помешает в будущем, хоть и не совершенствоваться, но ковылять и попевать за гинекологией и вообще медициной – люблю заниматься хозяйством: стирать, гладить, наводить порядок в

чемоданах, даже посуду мыть для меня приятнее, чем сидеть за книгой. Меня это приводит в ужас. Зачем тогда кончать институт? Я не против того, что я за последнее время стала лучше следить за собой, но у меня иногда прорывается неукротимое желание шить, стирать, штопать. А где взятое в душе обязательство непременно три часа сидеть с книгой? И не просто сидеть, а готовиться серьёзно, углубленно. Только намеки – и больше ничего». Думаю, что установки на приоритет общественного перед личным мы подсознательно усвоили от отца. Поэтому, наверное, сестру беспокоит получение естественного удовольствия от домашней работы. Забегая вперёд, скажу, что Наташа в будущем легко разрешила этот конфликт: с радостью шла на работу, с удовольствием занималась домашними делами.

Поэтому если Наташа сама подспудно стала проявлять едва заметную активность в отношении Лёши – тому были очень веские причины и самые серьёзные намерения. А Лёша, придя однажды к Наталье в гости, остался навсегда. Это было тогда, когда мы жили у тёти Фаи.

В письме папе 11 августа 1980 года я сообщая: «Натальюшка моя, скажу тебе по величайшему секрету, дружит. Парнишка у неё очень хороший. Он учится на пятом курсе мединститута. Они оба увлекаются туризмом, фотографией. Правда, он младше её на четыре года. Но мы все уверены, что они останутся вместе. Лёша мне очень нравится: он и мастерит, и рисует, и учится хорошо (хоть бы уж не сглазить!). Если ты приедешь, ты его увидишь».

Собственно говоря, новый дневник тысяча девятьсот восьмидесятого года сестра начинает вести после трёхлетнего перерыва в момент, когда после ссоры с Лёшей ей было очень горестно. Впрочем, ссора Лёши была не с Наташей, а со мной, уже не помню почему, да и Наташа не поняла, в чём суть разногласий. Лёша уехал в город. Я тоже.

10 ноября 1980 года: «Ревела. Господи, влюбилась по уши и больше! Я люблю его, люблю очень, очень. 13 октября сказала ему всё честно, что я верю в нашу любовь, в её постоянство и вечность. Милый, как он принял это, целовал меня. Та суббота, когда я не сдержала чувства... Какая за ней последовала «неделя нежности», как я назвала её. Позволь Лёхе, он бы не спускал меня с рук». У Наташи путаются даты, слова от трепетных, волнующих воспоминаний. «В этот день мы окончательно решили пожениться».

И вот в письме к папе от 26 января 1981 года я пишу со всей определённою: «У Натальи всё хорошо. Работает она сейчас за двоих. В работе страшно ответственна, любит её, что ещё нужно? И на личном фронте всё прекрасно. Всё идёт к свадьбе. Я тебе сейчас больше ничего писать не буду, она тебе всё сама напишет, где-то, я полагаю, в конце или середине февраля».

Запись в дневнике 25 января 1980 года: «Сегодня уехал домой Лёшка сообщать родителям, что он женится. Страшно мне чего-то. Вот только замёрзла, не дождалась, когда поезд уйдёт. Не хорошо? Как там сейчас пройдут переговоры?» Через три дня: «Дождусь ли своего любимого? Пошли третьи сутки, как проводила. Тосковала, тосковала, особенно сегодня, даже сердце болит. Как они воспримут эту новость? А больше всего, как они воспримут, что я старше его на 4,5 года?»

После этого у Наташи начались серьёзные проблемы на работе, и поэтому она даже не поделилась с дневником впечатлениями о переговорах Лёши с родителями.

Пред свадьбой Лёша повёз Наташу в Бийск знакомить с ними.

«Даже не могу сказать, кто больше волновался при встрече: Наташа или мама, Галина Вячеславовна», – сказал позже Лёша.

Обе эмоционально переживали это первое знакомство. Оно оказалось счастливым. Наташа полюбила свекровь – открытую, общительную, как бы сказала молодёжь, позитивную. Они были очень близки в понимании главных жизненных ценностей. Главной ценностью для Галины Вячеславовны была семья. Она – замечательная хозяйка, мастерица, садовод и невероятный, просто магический кулинар. Всё, что выходит изпод её рук, имеет только один недостаток: оно быстро съедается и оставляет навязчивое желание снова испытать неповторимый вкус. К тому же она прекрасно шила, вязала, вышивала, плела макраме, выращивала невиданные урожаи. Всем своим опытом свекровь щедро делилась с невесткой. Галина Вячеславовна говорила позже: «Если стану совсем немощной в старости – жить буду только у Наташи с Лёшей».

Письмо папе от 24 апреля 1981 года: «Я думаю, что скоро мы с тобой встретимся. Ты уже, наверное, получил от Наташи телеграмму, из которой мог бы узнать, что 30-го у неё свадьба. Так что твоя книга (о супружеской жизни) оказалась более чем кстати, мы её все штудлируем».

И вот: «Здравствуй, дневничок! Прошло 4,5 месяца. Много воды утекло. Я – жена. Свадьба была 30 апреля, хорошая, нам понравилась» (1 августа 1981 года).

Свадьбу сыграли в тимирязевской столовой. Тогда была очень популярна передача «От всей души», которую вела Валентина Леонтьева. Мы решили сделать свадьбу в стиле этой передачи. Я была ведущей, то есть Леонтьевой, старательно пародировала её запредельное воодушевление и экзальтированный пафос. Лёшин друг Женья Борунов изображал оператора. К фанерному почтовому ящику он приделал красный фонарь и чёрную длинную трубку – объектив. Уморительно «снял» всё происходящее, фиксируя свою трубку на жующих ртах, поглощаемых салатах и напитках, на произносящих тосты. У нас даже состоялась настоящая неожиданная встреча – такие часто сопровождали передачу Леонтьевой. На свадьбу был приглашён друг Лёши и Наташи Валера Столяров. Он в это время работал в Кургане, куда его распределили после вуза. Валера приехал на свадьбу. Но мы скрыли его приезд и убедили жениха и невесту, что он не сможет попасть к ним на свадьбу. И вот – волнующий момент – друг жениха посреди свадьбы появляется в зале. Изумление, радость, крепкие мужские объятия – всё как по нотам.

Друзья приготовили ещё один сюрприз. Когда жених и невеста уже были одеты и собрались на свадебный пир, к избушке подъехала машина для перевозки мебели, дверцы распахнулись, а там – холодильник! Друзья торжественно поднесли его жениху и невесте:

– Самая нужная в хозяйстве вещь!

Жених и невеста не скрывали радости.

Открылась новая страница в жизни Наташи и Лёши, наполненной и счастливыми событиями, и заботами. Они ждали первенца.

«Папа, ты скоро будешь дед – Наташа ждёт ребенка, рожать будет в феврале – марте. Вот такая добрая новость», – пишу я папе в письме от 8 ноября 1981 года.

И через месяц: «У Натальи всё хорошо, она «растёт» и цветёт. На Новый год собираются приехать сватовья из Бийска – всей оставшейся семьёй».

Однако на работе у Наташи в это время начались серьёзные неприятности. Из-за некоторых врачебных ошибок и непомерных амбиций одной из сотрудниц отделения разгорается острый конфликт между ней и Наташей. Та пыта-

ется очернить Наташу перед руководством больницы. Единственный раз Наташа признаётся в ненависти к человеку – именно к этой сотруднице, не буду называть её имени. Удивляется её грубости, наглости. «Такое предчувствие, что мне роют яму, что я доживаю последний месяц в больнице», – пишет она. С уходом Натальи в декретный отпуск всё «рассосалось».

Третьего марта восемьдесят второго года рождается сын Роман: «Я – мама. Необычно. С сыном в Бийске. Алёша в Томске».

*шестое июля –
ещё один гвоздь
заколочен в сердце*

Это случилось близ города Ерментау, в полутора километрах от посёлка Селета, у моста через местную речку. Дорога была неважная, ехали со скоростью не более восьмидесяти километров. Мы дремали на задних сиденьях. Сначала был ослепительный свет, потом резкий удар, нас бросило вперёд, по груди ударили ремни безопасности. Мотор заглох. Лёша и Володя вышли из машины, бросились открывать задние двери. Я вышла с их помощью. Качало, перед глазами плыли блестящие мушки. Наташа просила не трогать её. Это был первый ужас. Нас положили на спальные возле дороги. Над степью висела эта зловещая, бледная, какая-то сдавленная с боков луна в коконе из мутного света.

– Наташа, больно?

– Мне трудно дышать.

Володя и Лёша стали вытаскивать людей из белой девятки, которая вылетела на встречу и врезалась в нашу машину. Там было двое мужчин и две женщины. Их укладывали рядом с нами. От них шёл резкий запах перегара. Некоторые машины, несмотря на просьбы, аккуратно объезжали место катастрофы. Потом собрались мужчины, помогавшие вытаскивать людей. Один из них стоял рядом с нами и постоянно спрашивал наши имена, чтобы проверить, живы мы или нет.

– Камилла, – ответила лежащая рядом девушка.

В горле у неё клокотала кровь.

Приехала машина, которая повезла нас в местный медпункт, в посёлок Селета.

– Как, Наташа?

– Мне не хватает воздуха, трудно дышать.

Меня завели в пустую палату, а Наташу положили на пол в процедурной.

В медпункте творился ад. Сначала пришли родственники одного скончавшегося – водителя – и начали плакать и выть, потом другого, потом Камиллы. Метались санитарки и медсестры.

Я пыталась молиться, но что-то ужасное уже вторглось в мою жизнь и ломало и обессиливало молитву.

Потом стало тихо, и я слышала голос Лёши, он был возле Наташи.

Она была очень спокойна. Как врач руководила своим спасением. По её просьбе поставили физраствор.

– Быстрее! – глухо просил Лёша. – Человек уходит.

– Мне надо к хирургу...

И последние её слова, она попросила кислородную подушку, потом впала в кому.

Я услышала всхлипы, вышла из палаты:

– Лёша! Что?!

– Она ушла, она умерла...

Наташа лежала на деревянном полу. Лицо её было очень белым и невероятно красивым, молодым, таким же молодым и красивым, как в моём сне.

Плакать я смогла только на третий день.

Я видела мёртвое лицо этого водителя, врезавшегося в нашу машину и убившего Наташу, казаха лет тридцати пяти, на лице застыло выражение удивления. Я не испытала ни ненависти, ни жалости – ничего. Отвернулась. У него не было прав, он, пьяный, с нетрезвой компанией угнал машину у отца.

Убогая районная гостиница. Медленно, борздя по сердцу зазубринами, течёт время. Изнурительная жара. Следствие, показания, поездки в милицию.

Мы пришли за ней в морг. Вынесли гроб. Прежде чем поставить его в рефрижератор, открыли, чтобы посмотреть на Наташу ещё раз. Мы увидели Наташу в гробу: безжизненно-бледное, чуть тронутое желтизной, но по-прежнему красивое лицо и ее чёрные локоны, разметавшиеся, такие непокорные, как всегда – живые! Яркий свет дня. Сердце обжигала смертная тоска. Но может быть, потормозить, разбудить её? О Боже! Что-нибудь, ну, как-нибудь! Надо что-то вернуть обратно, не может этого быть, не должно, это неправда, быстрее проснись, выдерни себя и Наташу их этого кошмара! Как-нибудь надо спастись от этой нелепицы – Наташа лежит в гробу в этом городе!

Но это длилось, длилось и длилось – ни спасения, ни пробуждения не наступало.

Порой неслучившееся, воображаемое впечатляет нас, держит наше внимание с такой силой, как будто мы на самом деле день за днём, час за часом проживали это событие и «помним» его в подробностях, оно воскресает из каких-то метафизических глубин.

Проводник ушёл в посёлок докупить продукты. Страница сидела на берегу реки у подвесного моста. Через мост шла девочка. Страница вглядывалась в её худенькую фигурку, загоревшее лицо. Необъяснимое волнение охватило её. На вид девочке было лет девять. Невысокая, лёгкая, с чёрными кудряшками; сарафан с широкими ляжками, истрёпанные сандалии. Когда она подошла совсем близко, паломница рассмотрела узор на сарафанчике: по белому ситцу – маленькие розовые тюльпаны с зелёными листиками на коротких стебельках.

«Эта ткань... она ещё сохранилась...» Как зачарованная, странница поднялась и пошла вслед за девочкой. Та прошла по тропинке между домами. Прежде чем завернуть за угол, она обернулась, внимательно посмотрела на странницу, кивнула ей – или просто так показалось – и исчезла.

Вечером они сидели с проводником у горящего костра. Красные языки пламени торопливо лизали синие сумерки. Страница вспоминала: «Мама сшила нам с сестрой на лето одинаковые сарафаны из ситца: по белому полю рассыпались мелкие розовые тюльпаны. Мне нравилось слушать, как стрекочет мамина ручная машинка, и нравился хлопковый запах новой ткани. Неужели такой ситец ещё производят? Через сколько лет?»

Неумолчно шумела река. Проводник снова рассказывал об Озере.

– Если хочешь увидеть что-то необыкновенно красивое, что может получиться от соединения воды, камней, деревьев и гор, надо идти к Озеру. Кстати, в переводе название Озеро именно это и означает: «Красивое озеро». Нам повезёт в любую погоду: будет ли там дождь или солнце, наползут ли с гор тучи, окутает ли его туман – всё выявит его особенную, неземную красоту.

Страница молча подбрасывала хворост в костёр.

На четвёртый день пути её стали удивлять необыкновенные детали, которых она раньше не замечала, или просто они вдруг появились. Рюкзак стал очень лёгким. И сама она не уставала.

Звери и птицы перестали их бояться. Толстая пищуха, не спеша бежала перед ними по тропинке, не собираясь уступать дорогу. Красноперая птица уселась на рюкзак проводника и начала деловито чистить перья.

– Это влияние Озера, мы приближаемся к нему, – объяснял проводник. – Там всё живёт по-другому. Завтра в полдень мы уже будем там.

На следующий день ближе к полудню они увидели её сидящей на рюкзаке у ручья.

Девушка приветливо улыбнулась:

– Решила здесь передохнуть. Присоединяйтесь, прошу вас. Вот орехи, изюм, печенье. Вода какая в ручье! Сладкая-сладкая!

– Да, здесь во всех ручьях сладкая вода, – согласился проводник.

В приглашении девушки было столько безыскусной радости и сердечной теплоты, что путники тотчас же сняли рюкзаки и устроились рядом с ней.

– У нас курага, чернослив, мюсли, – странница разложила припасы на траве. – О! Тут и белочка с вами трапезничает!

– Да, понравились ей орешки, – рассмеялась девушка.

«Какой необыкновенный вкус у её орехов и изюма, как из восточной сказки, – изумилась странница. – И сама она... Как будто я её где-то видела, знала раньше. Но лицо незнакомое. Бывают такие люди: побудешь с ними минутку и будто всю жизнь знал их. Родственные души».

– Вы тоже идёте на озеро? – спросил проводник.

– Да. Я была уже там. Давно. Хочу ещё раз увидеть его.

– Я вас понимаю. Такой бирюзовый цвет воды можно увидеть только там.

– Мне хочется увидеть закат. Там необыкновенно красивые закаты. Говорят, из-за расположения Озера относительно сторон света удивительным образом преломляются лучи света.

– Просто там Небо сходится с Землёй – вот и весь секрет, – сказал проводник.

Оставшиеся несколько часов шли до Озера втроём. Они не разговаривали, так как шли по узкой тропе друг за другом. Но и просто присутствии девушки источало удивительное умиротворение и душевную тишину.

Она уже полчаса сидела, не шелохнувшись, обратив лицо к западу. В закатных лучах солнца сияющая бирюза темнела, насыщалась изумру-

БЫЛ СВЕТ

*длинные облака
в проталинах золотистого света
и Наташа на небесах*

дом, вспыхивала тёмная зелень кедров, в причудливом порядке обступивших Озеро. Светлый камень скал оттенялся нежной зеленью трав. Далеко вдающиеся в Озеро живописные каменные мысы оживляли линию берега. За скалами южного берега, смешиваясь с облаками, поднимался заснеженный хребет, окрашенный в розовые предзакатные тона. Из озера с неумолчным ликующим шумом вырывалась водопад-река Йолдо-Айры, устремляясь к своей вечной сестре Кони-Айры.

– Мне пора, прощайте и... спасибо вам, – девушка легко встала и пошла прочь, быстро приближаясь к подножию курума.

«Почему она уходит? Так внезапно?! Я не хочу, чтобы она уходила. Ей нельзя уходить», – забеспокоилась странница.

– Подождите, может, вы ещё останетесь?! – крикнула она вслед девушке.

Но та, не оборачиваясь, быстро удалялась, поднимаясь по склону навстречу закатному солнцу.

– Подождите!

Тут взгляд странницы упал на то место, где сидела девушка. Она заметила тетрадку, на обложке которой был изображён знакомый рисунок. Странница подняла тетрадку и прочла надпись, сделанную крупным детским почерком: «Дарья».

– Наташа! Наташа! – странница бросилась за девушкой. – Наташа! Как ты могла?! Не скзать! Вернись! Подожди!

Но девушка уже исчезла.

Странница опустила на траву и стала горько плакать.

– Почему она не сказала, почему не захотела остаться?!

Проводник обнял странницу за плечи.

– Она пока не может остаться с тобой, – мягко сказал он.

– Почему?! Почему?!

– Очень разные времена и задачи.

– Ты знал, ты узнал?

– Да.

– Но разве это не важная задача, побыть со мной, когда мне это так нужно? Я ждала эту встречу, надеялась. Почему сейчас это не важно для неё? Она не хочет?

– Поверь, она хочет. Она и побыла с тобой. Ей и это пребывание с нами далось очень нелегко. Но то, чем она занята, она делает для вас всех, для тебя. Когда-нибудь, не сейчас, вы встретитесь, и эта встреча будет другой.

Я смогла написать крестной лишь спустя несколько месяцев после трагедии. Переписка с ней стала началом исцеления от нестерпимого ощущения потери. Мы с ней скорбели, размышляли над загадкой Наташиной смерти и жизни, искали пути преодоления острой боли от ухода родного человека, примирения с трагедией.

19 ноября 2009 года: «Добрый вечер, Людмила. У нас случилось горе. Этим летом мы попали в автокатастрофу, и погибла моя сестра Наташа. 6 июля. Мы ехали в Казахстан, в общем, на могилу отца: 8 июля – 25 лет, как папы не стало. Ехали вчетвером: Володя, Наташа, я и Лёша, Наташин муж. Мы сидели с сестрой на задних сиденьях и были пристёгнуты. Уже в начале первого, ночью под городом Ерментау произошло лобовое столкновение. «Девятка» с пьяным водителем выехала на встречную полосу. Он погиб на месте и ещё двое с ним. Наташе от удара ремнём поломало рёбра и обломком ребра смертельно ранило сердце. Она прожила сорок минут. Сознание не теряла, затем впала в кому. Мне ремнём поломало ключицу. У Лёши ссадины. У Володи никаких повреждений. Ничего страшнее в жизни я не переживала. Я понимаю, что ни вера, ни молитва не гарантируют ни счастья, ни благополучия, но что-то произошло после этого с моей верой. Почему Наташа? Сотни подонков живут. Утешаю себя тем, что Господь милостив и всё делает к лучшему Ему одному известными путями. Прошу твоих молитв о р. б. Наталье».

20 ноября 2009 года: «Вера! Все мои слова будут мелкими перед такой катастрофой. Но сердцем очень чувствую твоё горе. О Наташе, которую полюбила по твоим рассказам, буду молиться и заказывать обедни. Год душа будет сильно страдать от невыносимых воспоминаний. Но потом «время залечит рану», частично, конечно. Родителей нет 4 года, а душа тоскует по ним, иногда до слёз. Человек не может не ужасаться, когда встречает смерть близких. Тогда остро понимаешь, что человек – тварное существо, здоровье, жизнь и смерть которого в руках Творца. Почему Наташа? Мы только знаем, что Бог забирает человека в вечность в наилучшем

для него состоянии. Тебе будет легче, если ты будешь постоянно напоминать себе, что она жива в вечности, в Царстве Небесном, что у неё теперь другие, очень серьёзные задачи. Своими молитвами мы можем ей помочь. Помогает и милостыня в её воспоминание. Ты не кори себя за то, что вера поколебалась. Мы же не титаны духа, не святые. Помнишь Иова? Прости меня, боюсь быть тебе в тягость своими словами. Пиши мне. Целую и обнимаю!»

СНЫ

*видно, праведных
не хватает на небесах,
раз Наташу так рано забрали*

И ещё были сны, в которых я тоже пыталась разрешить тайну ухода Наташи.

06.08.2009. Сегодня месяц, как нет Наташи. И было полнолуние, как в ту ночь, когда она погибла. Мне снились кошмары.

В каком-то помещении много народа. И вдруг на заднем плане мелькает кто-то очень похожий на Наташу. Я приближаюсь, вглядываюсь, узнаю Наташу. Меня охватывает ужас, ведь я знаю, что её нет среди живых. Я опять теряю сознание, но не полностью, а как во время проводниковой анестезии: я осознаю действительность, но скована, не могу двинуться и начинаю видеть себя со стороны, чуть сверху и сбоку. Я вижу, как моя голова клонится к столу и глаза закрыты. Я тяну руку, раскрываю её, мне нужно, чтобы кто-то взял меня за руку. И рядом появляется Якубовский, он вкладывает в мою раскрытую ладонь свою ладонь, я судорожно сжимаю её и отхожу от ступора. Ему надо уезжать.

Другой эпизод.

Наташа сидит, и я накидываюсь на неё с плачем, я злюсь на неё из-за того, что она ушла от нас, умерла. Я отталкиваю её, но она сидит, безучастна, только чуть удивлена.

Третий эпизод.

Теперь мы попадаем в очень странное пространство. Я вижу на ночном, но светлом небосклоне цветное пятно, яркое, как переводная картинка. Я удивлена, всматриваюсь в него. Это, оказывается, высоко в небе изображение какого-то сказочного персонажа, возможно, Карлсона. «Это специально для детей», – думаю я. Но пространство странное. Я уже однажды, кажется, попадала в него: сумрачность, но это не наша ночь, потому что от небосклона

идёт неяркий, очень блёклый свет, он идёт, как будто сквозь небесный полог. Будто сами небеса подсвечены из каких-то дальних сфер. Звёзды горят не очень ярко, но они больше обычных звёзд, напоминают неярко светящиеся горошины. Небесный свод совсем другого, непривычного масштаба: он высокий и очень круто изогнутый. И при этом ощущается как бы большая наша власть над пространством, не знаю, как передать это ощущение, будто своим взглядом мы способны проникать в более высокие сферы и более низкие.

Потом я замечаю ещё одно цветное пятно на небе – при общей светло-серой сумеречности и какой-то монохромности всего окружающего – это тоже некий персонаж. И вдруг я замечаю движущуюся к нам гигантскую фигуру в белой развевающейся одежде. Она идёт не по центру, а сбоку, как бы подпирая головой одну из нижних сфер. Я не пугаюсь, думаю, что это привидение или призрак. Фигура подходит ближе, я замечаю на голове невысокую белую шапочку с красным крестом, как у врача, и белый саквояж. Это женщина, по образу – медсестра, пожилая, тощая. В ней есть что-то трогательно-ироничное, и я понимаю, что это тоже сказочный персонаж, она здесь для детей. Но никаких детей в этом пространстве нет. Оно пустынно. Пока я осознаю в нём только себя.

Потом в этом пространстве я вижу дорогу – узкую, серебристо-блестящую, асфальтированную, но бугристую. По ней мы едем с Андреем и Наташей. Дорога стиснута с двух сторон непонятными объёмами. С одной стороны я вижу ступенчатое строение, мимо которого мы проезжаем, и на нём лежат много огромных чёрных моржей или нерп, в общем, морских животных с лапами, которые громоздятся, нависают угрожающе над нами, готовые свалиться на нас. Я этого опасаясь.

Потом мы уже не на машине. Наташа полулежит на земле, на коврике, на ней коричневый свитер и спортивная шапочка. Она спокойно осматривается. Я подхожу к ней и спрашиваю: «А где дети?»

Четвёртый эпизод.

Я подхожу к Наташе, опять плача, в отчаянии. Наташа в своём любимом платье, бежевом, с розовыми цветочками, в котором её похоронили. Она мне говорит:

– А я к вам больше не приду...

И так легко говорит, даже чуть улыбаясь.

09.08.2009. Наташа приходит не в дом, а в какое-то учреждение и приносит бумаги, в них разделено всё на разделы, и в первом разделе столбцы из цифр типа: $2 \times 2 \times 2 \times 4 \times 5$. И ещё какие-то знаки. Я ничего не понимаю. Наташа в платке, в широкой длинной юбке. Во сне я знала, что Наташа умрёт. И я не могу решить: говорить мне это ей или нет. В напряжении смотрю на неё и раздумываю.

15.10.2009. С какой-то компанией, там и знакомые, и незнакомые, накрываем стол на улице. Я беру противень и ухожу за угол дома. Навстречу идёт Наташа. Я знаю, что она умерла и, остолбенев, смотрю на неё. Она в платье в мелкий золотистый цветочек, которое носила долго в первые годы замужества. Наташа потерянно смотрит, проходит мимо меня, не взглянув, не узнав. Я поворачиваюсь и иду за ней. Она стоит у стола, спиной ко мне, мне кажется, что она кого-то ищет глазами. Я вижу её чуть более объёмную фигуру, узнаваемую в каждой линии. Я приближаюсь, протягиваю руку... Сейчас я узнаю, что это не призрак и не видение. Я прикасаюсь к ней и чувствую тёплое, живое тело. Наташа поворачивается и теперь узнаёт меня. Мы обнимаемся, плачем. И я вижу, как из глаз её текут нечеловечески огромные слёзы.

И я задаю ей, наконец, всё время мучающий меня вопрос:

– Наташа, почему?

– Почему мы... – и тут она употребила какой-то глагол, я не запомнила, но смысл её уточнения был таким: «Почему мы родились сёстрами в одной семье?»

– Нет, – говорю я, – почему так рано (почему так рано ты ушла)?

Сон оборвался на этом месте, я не услышала такого нужного мне ответа.

Я помню напряжение всей этой сцены, как будто в ней было что-то запретное, неразрешённое для меня ли, для Натальи ли, и мы могли поплатиться за это. Но переживание это шло фоном, оно было похоже на осознание недоброго надзора, слежки.

17.07.2010. На крутом обрыве реки пикник. Я с ребёнком маленьким. Ему очень рада, у меня благостное настроение. Не совсем ясно, кто он мне – сын, внук. Но это мальчик, очень хорошенький. Со мной Наташа и ещё какие-то дети с нами. Полуосознанно я знаю, что произойдёт с Наташей: скоро она погибнет, но я не хочу ей это говорить, не хочу нарушать атмосферу

праздника: «Ещё не время». На другом, дальнем берегу иногда появляется Андрей, тоже с детьми. Мы видим их, радостно приветствуем. Но всё мое внимание сосредоточено на ребёнке, я люблюсь им. Ему три – четыре года. Играя, он отсаживается от меня и вдруг соскальзывает с обрыва и падает в воду. Я понимаю, что это почти неизбежно – гибель. Обрыв очень высокий, ребёнок не умеет плавать, он не выплывет. Меня охватывает ужас. Я смотрю вниз на воду, она покрыта сверху ярко-зелёной тиной. И из воды угрожающе выступают какие-то железные конструкции. «Прыгай! Прыгай! – мысленно приказываю я себе. – Тебе надо прыгнуть, чтоб спасти его!»

Я боюсь, медлю, мне очень страшно, я могу напороться на эти железные прутья. И тут в голове шевелится трусливая мысль: «Если я немного помедлю, то обязательно прыгнет Наташа».

И Наташа прыгает. Она достаёт ребёнка и выносит его. Но теперь он другой: это маленький младенец без одежды. У него распухший от воды живот. Кажется, Наташа сделала ему искусственное дыхание. Я кладу его на живот и надавливаю тихонько. Из рта вытекает вода. Он открыл глаза, ожил. Страх и ужас отпускают меня. Но я снедаема мыслью: «Я не прыгнула, струсила, я ждала, пока прыгнет Наташа» Это не даёт мне пережить полную радость и счастье от спасения ребёнка.

02.06.13. Мы провожаем Наташу. Она уезжает непонятно куда. Уезжает как будто из-за того, что рушатся отношения с Лёшей. Никто не говорит, почему рушатся, но есть (у меня?) догадка, что он начинает строить отношения с другой женщиной, неизвестной. Но это всё не ясно. Собрались провожать все: Володя, я, Андрей, Аня, сам Лёша, он – с фотоаппаратом. Там были Витя и Саня Коротченко, оба молодые, красивые, Саня какой-то большой, высокий. Наташе там, куда она едет, предстоит устраиваться заново. Мы оживлены, и Наташа тоже, и Лёша, но это ощущение какого-то крайне нервного подъёма, как перед тревожным и неведомым. Наташу ещё раньше я видела плачущей, но теперь она изо всех сил пытается выглядеть оптимистичной. Лёша взял у неё телефон, нет, скорее айфон:

– Мы сделаем вот так, чтобы тебя видели во всём мире, – он вроде бы включил какую-то опцию так, что в айфоне или возле него появилась голографическое изображение Наташи. Почему

голографическое? Потому что я видела её тёмное поясное изображение объёмным и даже как бы сзади или сбоку. И как будто это связано с необходимостью там, на чужбине искать работу, контакты.

26.11.15. Я убила Наташу. Во сне я никак не могла мотивировать это эмоционально. Мы спали в ней на одной кровати (как в детстве). Я завернула её в ковёр или толстое одеяло и несколько раз проткнула острым ножом. Потом я положила свёрток на полку между книгами, что-то вроде большого стеллажа, это наш стеллаж, который стоит в зале. И в этом всё (во сне) было ощущение жуткой подлинности и в то же время какой-то театральности. Я думала, что кровь может протечь через ковёр и мне надо будет что-то с этим делать. Но, кажется, кровь не протекла. Потом я вижу, что возле полки, где лежит Наташа, женщина в цветастом платье моет пол, и мне кажется, что она о чём-то догадывается. Я подхожу к ней и начинаю ей угрожать, и в этом какой-то дурной фарс, так как я беру её за подбородок, угрожающе приближаю своё лицо, сужаю глаза, пытаюсь внушить ей страх и приказ молчать о своих подозрениях. И, что особенно ужасно, я чувствую у себя внутри душу убийцы. Мне хочется посмотреть на Наташу. Я отворачиваю конец ковра и вижу её бледное лицо, закрытые глаза, кровавые ранки, ссадины. И потом я говорю себе: меня нет, только жалкие остатки меня прежней внутри. Мне с этим придётся жить всю мою жизнь, моё ощущение самой себя было адским. Но постепенно ко мне возвращается моё подлинное ощущение обычной женщины, неубийцы, и затем я просыпаюсь.

Наверное, в этом сне подсознательно проявилось подавленное чувство вины перед Наташей: мы были рядом, сидели в машине, касаясь друг друга, она погибла, а я – нет. И это чувство вины трансформировалось в жуткий сон, где я её убила.

24.03.2016. Мы с братом танцуем. У нас всё получается очень ловко, слаженно, рука встречается с рукой, ритмичные повороты, согласованные движения. И этот танец доставляет нам радость. Мы, улыбаясь, смотрим друг на друга.

Стукнула входная дверь.

– Кто-то пришёл, – сказала я.

Я вышла в прихожую. Навстречу мне – Наташа.

– О-о-ух!

Я знаю, что она умерла, и её приход меня поразил, но своим возгласом «о-о-ух!» я пытаюсь скрыть это изумление, показать Наташе радость.

Она говорит:

– Включите свет (в нашей кухне).

Я включила.

– Вы купили кровать? – спрашивает сестра.

На кухне мебель почему-то навалена кучей. Наташа оживлена, весела.

– Я буду вот здесь, на полу спать, – говорит сестра.

Она как будто хочет к нам вернуться.

ЧЕМ БУДЕМ ОПЛАЧИВАТЬ СЧАСТЬЕ?

Наташа писала в дневнике, что первые два года в супружестве были самыми счастливыми: семья, любовь, сладостное материнство. Никакие тучи не сгустились над их головами. Но так бывает не всегда.

Папе пишу: «Лёшик с Натальей сейчас усиленно налаживают свой быт. Ромка растёт очень быстро, я по нему сама скучаю неимоверно, иногда даже во сне снится. Жили бы они поближе, так было бы славно. А для того, чтобы добраться до Тимирязевки, нужно часа 1,5–2 – очень плохо стали ходить автобусы» (18 октября 1982 года).

Двадцатого июня восемьдесят третьего года у Наташи с Лёшей рождается второй сын – Пётр. С его рождением были связаны трагические события. В родильном отделении Тимирязевской больницы началась стафилококковая инфекция, которая поразила большинство рождённых в это время младенцев. Заболел и Петя. Он находился в очень тяжёлом, практически предсмертном состоянии. У него начинался отёк лёгких. В Наташином дневнике на отдельном синем листочке – запись. Это материнский вопль:

«27.06.1983. Господи! За что?! Чем я провинилась перед людьми, за что я так наказана?

Петьку хороню второй раз. Первый раз, когда он ещё и человеком не был (угроза прерывания беременности из-за отрицательного резус-фактора у Наташи. – Прим. В. Л.), и вот сейчас второй раз... Лежит передо мной маленький жёлтенький старичок. Отдала бы свою жизнь, лишь бы он выздоровел и вырос здоровым и хорошим человеком. А я мало чем могу помочь ему сейчас. Петька, Петька, живи, живи! Жизнь так прекрасна, и трудна, и интересна. Петька!!!»

«04.07.83, 09.15. Ровно две недели назад мы родились. И всё в одной поре, не перешли ещё

той черты, где указатель «выздоровление». Вместо спокойного сна, сладостного сосания с улыбкой – страдальческое личико, уколы, зонды.

А какой сегодня день для нас с отцом – 4 июля. Стог сена, Беленькое озеро, слабый рассвет... Как мы были счастливы...»

На помощь пришла Оля Володарская. Оля как раз была в Томске в эти дни и помогала Наташе ухаживать за Петей. Вернувшись в Улан-Удэ, как вспоминает Ольга, «в течение суток объехала несколько лечебных учреждений, где наскребли достаточно ценные лекарства: дефицитные антибиотики, антистафилококковую плазму». Подруга работала в системе педиатрии. Лекарства Ольга тут же переслала с лётчиками из Улан-Удэ в Томск. Сыворотки хватило Петьке и ещё одному младенцу. Они остались живы, шесть детей умерли. Наташа сохранила телеграмму подруги: «Лекарство самолётом со стюардессой. 30 июня. Ольга». Спаси её Господь! Домашним ангелом называла её Наташа. Ольгу нарекли крёстной матерью Петра.

Выписавшуюся из больницы с сыном Наташу не оставляют тяжкие воспоминания: «Плач матерей, их серые жёлтые лица в стационаре. Арест Эммы Васильевны, Надежды Васильевны. А перед глазами иногда всплывает худое, жёлтое Петькино лицо с крючковатым носом, из которого идёт зонд, иголки в голове и его недвижный, долгий, очень взрослый взгляд (голова запрокинута), взгляд в окно на качающиеся верхушки сосен, на синее небо с плывущими облаками... Как будто смотрел в последний раз. Каким богам я только не молилась, чтобы он у меня остался жив. Никто не мог мне обещать этого. Первые ночи дежурства – с Ольгой Володарской, потом дежурил Алёша. Я неделю по ночам не спала.

До рождения Петьки мелькнула такая мысль: мы счастливы, любим друг друга, здоровы. Ромка – прекрасен, в общем, здоров. У всех что-то бывает. У нас всё благополучно. Чем мы, интересно, будем оплачивать своё счастье?».

И вот уже через пять месяцев после болезни Петра в письме папе я пишу о нём: «Петька стал переставлять ножки. Теперь он толстый и красивый. Только вот диатез его замучил. Смотрит уже осмысленно, глазки умные. Да ты его скоро увидишь, когда он придет в Красный Яр. Ромка уже болтает почти свободно, обо всём может изъясниться на человеческом языке, правда,

мама и папа не всегда его понимают. Очень любит музыку и часто просит её включить.

– Мюзику, ла-ла-ла... – таким образом просит включить проигрыватель».

Я неоднократно говорила Петру, что Бог готовит ему особую судьбу. Сколько раз Он спасал его, вытаскивал из тяжелейших ситуаций. Сразу при рождении – жуткая инфекция. В шесть лет на него опрокинулся чайник с кипятком. Ожог – двадцать процентов. Счастливо отделался тем, что шрамы остались только на спине. Потом, в восемнадцать лет перевернулся на своём «Запорожце» так, что машина не подлежала восстановлению, а Петя, будучи не пристёгнут, не получил ни одной царапины. В две тысячи пятом году, когда Петру было двадцать два года, он с группой отправился в поход на Центральный Тянь-Шань. На перевале Опасном их накрыла лавина. Пётр пролетел в лавине восемьсот метров. Под снегом с начинающимся отёком лёгких его нашли товарищи по страховочной верёвке. Сам добрался до автобуса.

В письмах к отцу я чаще всего пишу именно о племянниках. Из моего письма папе от 18 ноября 1983 года: «Наталья с детьми вернулась в Томск. Я один раз уже была у них. Мальчишки так переменялись. Ромка стал таким красивым ребёнком – прямо загляденье. С любопытством относится ко всем, кто приходит. Улыбается им застенчиво. Любит, чтобы ему читали. Раньше и минуты возле книг не просидит, а сейчас садится рядом (ноги обязательно с дивана свесит) и подаёт книги одну за другой. Книги не рвёт. Петька такой большеголовый стал. Наверное, очень умным будет. В эту субботу мы с Володей поедem в Тимирязево. Недавно были с ним в театре, смотрели пьесу Ж.-П. Сартра «Только правда». Нам очень понравилась». В следующем письме: «Алексей сейчас учится и детьми занимается только по выходным дням, домой приезжает очень поздно, часов около 11–12 вечера. Ему трудно выкраивать время. Но с детьми, мне кажется, держится правильно: очень серьёзно с ними разговаривает – доброжелательно-строг».

Мы ещё не знали, но папу тогда уже начала точить смертельная болезнь.

У Наташи нескончаемые домашние заботы: уборка, кухня, стирка, шитьё. Жалуется на нехватку денег: «Довольно однообразное питание, Алёша ходит в разбитых вибрамах страшных», надо много шить, готовиться к ординатуре. Болеют дети: бесконечные горчичники, капли в нос,

79

ингляции, натирания. В наличии все проблемы молодой семьи.

Она пишет о своей новой системе ценностей: «Что я хочу от жизни? Во-первых, быть и оставаться любимой женой, во-вторых, быть хорошей матерью, в-третьих – хорошим врачом. До 35–37 лет защитить первую категорию, быть неплохим хирургом-гинекологом, владеть иглоте­рапией в масштабах акушерства и гинекологии, овладеть эндокринологической специализацией. И немного заниматься туризмом».

Годы после рождения Пети оказались очень трудными для Наташи: надо было поднять двух родившихся друг за другом ребятешек практически одной. Лёша начал учиться в аспирантуре, надолго уезжал в длительную командировку в Москву работать в лабораториях. Когда работал в Томске, тоже с утра до вечера занимался в лабораториях. Наташу это, конечно, обижало. Но мне как бывшей аспирантке понятно: аспирантское время, как известно, жизнь кормит. Никогда тебе не предоставят больше таких возможностей. Не уложишься с защитой – будет поставлена под сомнение твоя научная карьера. И денег в семью потом не сможешь приносить. Кто ж знал, что в скором времени наступят девяностые, которые надолго обнулят и девальвируют всё.

Наташе много помогли обе мамы: бийская мама Галя и казахстанская мама Аня – так их называли в семье. «О, наши милые, самоотверженные мамы! Какие мы, дети, эгоисты по отношению к ним», – признаётся Наташа. Сестра по­долгу жила у них с ребятешками.

Весну и лето восемьдесят четвёртого года Наташа проводила с детьми у мамы Ани в Казахстане, в Красном Яре. Это было тем летом, когда умер папа. Ещё одна беда. В дневнике, на заключительных страницах, сестра описывает последние дни и уход папы.

«Вид отца в онкодиспансере меня поразил. Вообще-то я и боялась встречи с ним. Худой-худой, седой и какой-то как будто растерянный. Нет двух передних зубов справа (расшатали при бронхоскопии, пришлось удалить). Губа как-то жалостливо западает. На утреннем обходе зав. отделением в довольно резкой форме сказал, что ему надо собираться домой (никто не сообщил ему его подлинного диагноза и бесполезности лечения, Наташа тоже не решилась это сделать. – Прим. В. Л.). Отец выложил удостоверенные участника войны и орденскую книжку и сказал, что позвонит в обком, мол, слабо себя

чувствую, едва на ногах стою, а меня выгоняют. Я бы и сам ни минуты здесь не остался, но слаб. Я тут же разрыдалась, не удержалась. Игорь Борисович (лечащий врач) мне выговорил, как по­добает себя вести. Рассказал он мне подробно всю эту историю: поздно, рак IV степени с метастазами в печень. Бронхоскопия лёгкого, биопсия печени – рак, сомнений никаких нет.

В этот же день мы уехали в Кокчетав. Отец остался отцом, тяжело больной, слабый, шатается, а сам очки на нос – и к книжному киоску.

И вот началось моё враньё. Недели через две видит отец: ни хуже ему, ни лучше. Сначала заговорил о специалисте по лечению, а потом, что ему надо лечь в областную больницу. Оби­делся, наверное, он на меня. Что я могла сделать? Алиев привёз Ильясова, главврача Красноярской районной больницы. Посоветовал он ещё глюкозу. Стали делать глюкозу. Сначала читал, смотрел телевизор, выходил к столу, умывался, утром чистил зубы, брился, силы оставляли его. Когда 20 июня приехал Лёша, он его уже брил, последний раз почистил зубы в постели, стали водить в туалет. Да, ещё 15 июня был день рождения папы. Подарила ему цветы. Ска­зала, что он прожил прекрасную жизнь, и мы ещё будем завидовать его жизни. Сказала спасибо за то, что он наш отец и поцеловала руку. Разревелась. За столом он сказал: «Немного печальный день рождения. Ну ладно, давайте выпьем. Дай бог, не последняя». Да, это была последняя. Ему исполнился 61 год.

Когда мы привезли его, шли к дому, он такими глазами на всё смотрел... как в последний раз. После этого он так ни разу и не вышел на улицу. Потом, когда ему было совсем худо, при Алёше сказал: «Когда же будут брать анализы, ты же видишь, мне совсем худо, мне очень плохо». Потом извинился. Стал плохо говорить, с трудом стали его понимать, совсем ничего не стал есть. Дремлет и дремлет. Может, думал о чём-то. У него уже начиналась печёночная кома.»

ПОСЛЕДНИЙ ДНЕВНИК

Первая запись в дневнике сделана 2 сентября 1984 года – о самом важном и тревожащем её. Отмечено даже время записи: «21.09 Москвы». Наташа, как я упоминала, была с детьми у мамы в Красном Яре. Алёша учился в Москве в аспирантуре. Она оставила мальчишек с бабушкой и поехала в Томск оформлять отпуск. «Я в Тайге, очень знакомой для меня станции. Рано

утром буду в Томске. Вчера должен вылететь из Москвы Алёша. Как-то радостно и тревожно. Я чувствую в наших отношениях какой-то кризис. Испытывает он то же самое чувство или нет? Я будто сомневаюсь, любит ли он меня, люблю ли я его? Или началось уже у нас супружеское охлаждение. Вероятно, что оно рано или поздно наступает. Можно ли его предотвратить? Я думаю, что можно. Как?»

В Красном Яре двадцать седьмого августа восемьдесят четвертого Наташа встретила своё тридцатилетие. «Мне исполнилось 30 лет. Круглая цифирь. Справили обыденно. Некогда нам было печь пироги. Мама, бедная, совсем забыла. Только когда утром принесли телеграммы – вспомнила. Срезала мне цветы на огороде. Я сбегала в кулинарный магазин, купила печенья, четыре пирожных, по одному на душу, бутылку газировки. Вчетвером – мама, Рома, Петя и я – попили чай. Вот так просто и отметили.

В октябре я должна начать работать. Осознаю, что начинается новый этап в моей жизни. Кончилась молодость, мой возраст можно считать зрелостью. Двое детей. Муж. Заботы о доме, и обязательно должна быть хорошая работа. И извечный вопрос для меня: как всё это совместить?»

Наташа начинает работать. Дальнейшие её записи делаются в телетайпном стиле: коротко, отрывисто, редко – времени нет. Иногда и вовсе одна запись в год, в отпускные дни.

Коллектив на работе сложный, конфликтный: в отделении происходят разборки с участием главного врача и администрации.

Наташа отмечает все добрые перемены, происходящие у друзей: справили новоселье у Мальцана, Городецкого, поставила на учёт по беременности Галю Латынцеву и Татьяну Суслову. Между делами: «Вчера стукнуло 32. Ой, как годы летят!» (28 августа 1986 года). «Алёша защитился. Один этап в нашей жизни кончился. Я поступила в ординатуру».

Рассказывает о приездах старых друзей: «У меня были Людмила, Аваз, Розбицкий. Аваз прежний, Людмила грустна. Розбицкий по-прежнему толстый и весёлый. У Розбицкого трое ребятешек – девочки. У Аваза тоже трое, старшему – 8–9 лет. Аваз в аспирантуре, Людмиле достаётся».

«Приезжала Наталья Буржинская с дочкой Светой. Тоже пожилы сутки. Мальчишкам Светлана очень понравилась: «Мама, а давай Свет-

лана будет наша. Если к ней будут приставать мальчишки, мы её будем защищать!» Защитники нашлись – Светлана рослая девочка, на две головы выше них».

Нередко приезжает и Оля Володарская.

В восемьдесят седьмом году Наташе удаётся сходить в долгожданный поход на Алтай. Ходили втроём: я, сестра и мой муж Андрей. «Сижу на высоком валуне, смотрю на Дарашколь. Закат. Бирюзовая, зеркальная вода отражает горы, небо и облака. Шумит водопад. Смотрела бы на эту красоту много дней. Июль. Всё цветёт и благоухает. Даже собрала гербарий. За последние шесть лет первый раз так отдохнула. Хочется привести сюда Алёшу, его и своих друзей, детей, когда подрастут и окрепнут».

Если и есть топ самых красивых в мире озёр, то Дарашколь в него, несомненно, должно входить.

Осенью восемьдесят восьмого года Наташа оканчивает ординатуру. Задумывается и размышляет о своём профессионализме: «Интересно, какое впечатление я о себе оставила? Мне это редко бывает интересно, а вот сейчас – да. Вероятно: трудолюбивый, но несобранный доктор с весьма средними способностями. Да, так оно и есть. Видимо, по своей природе я не хирург. Наверное, буду потихоньку делать типичные гинекологические операции. Но, чтобы это не было хуже, чем у других, – работать, работать и работать. А вообще-то много проколов и не очень много достижений», – бескомпромиссно подводит Наташа итог.

В то время Наташа мечтала специализироваться по эндокринологии и организовать эндокринологический приём.

1988 год: «Новый год встречали у нас, в Тимирязево, в большущей компании – 20 человек. Было тесно, мне не понравилось, но сами виноваты – приглашали. Всех хотелось увидеть на Новый год. Больше такой компании нельзя созывать. Очень хорошо встретили Петин день рождения на нашем старом месте в лесу. Были наша семья, Володя и Натка. Мы жарили шашлыки, Володя купил фруктов. Натка связала Петуху красивый свитер. Вот уже и Володя пришёл из армии в начале июня. Понравился мне брат.

Боже, как обеспечить моей семье, мужу, детям достаточно тепла в нашем доме? Дай бог мне силы и время на это!

Как умудриться ложиться в 22:30 и вставать в 6–6:30, будить семью в 7 часов, чтобы все де-

лали зарядку, умывались, убирали постели, завтракали и к 8 часам все успевали выйти из дома? Как сделать, чтобы с желанием и охотой дети убирали за собой постель, стирали свои вещи и, если уж совсем учухаются, мыли посуду, пол, ходили за хлебом и молоком? Как не отбить у них желание учиться, а привить его? И как привить вкус к чтению и постоянному труду?

И как самой не опуститься в этом круговороте больших и малых дел?

Ведь надо же по средам стирать и готовить пищу, по четвергам гладить и готовить пищу, 1–2 часа читать, позаниматься с детьми. В пятницу сварить пищу, сделать уборку, позаниматься с детьми 1–2 часа, почитать и сходить бы в баню. В субботу бы чего-нибудь испечь, приготовить немножко необычной пищи на субботу и воскресенье. А в воскресенье организовать семье интересный полноценный отдых. Обеспечить Алеше 3–4 свободных вечера в неделю.

А если ещё родится дочка (хочется дочку)?»

Наташа постоянно жалуется на отсутствие времени: «Плохо со временем стало» (8 сентября 1988 года); «Совсем ничего не успеваю. Плохо, очень плохо» (10 ноября 1988 года).

«Я запустила детей, вернее, выпустила их из рук. Занялась менее важными для меня делами – порядок в квартире, чистота белья. А нужно: дети, муж, питание, работа и т. д.»

И всё-таки Наташа мечтает о третьем ребёнке: «Надо решать вопрос о третьем ребёнке: или в ближайшие полгода-год, или никогда. Надо поговорить с Алёшей. Нужна ли ему дочка? Или нет?» (20 декабря 1988 года).

Любимым местом отдыха семьи Ситожевских стало Лебяжье – деревня недалеко от Бийска, где купили домик Викторин Петрович и Галина Вячеславовна. Вокруг дома был большой огород-сад, за которым сразу начинался лес, студёная река Лебяжка, впадающая в Бию. Сюда каждое лето Наташа ездила с детьми.

Летом восемьдесят девятого года Наташа и Лёша вместе с детьми и компанией друзей совершают первый семейный поход в Кузнецкое Алатау. И хоть до цирка Большого Зуба не дошли, река Казыр тоже очень понравилась.

19 августа 1989 года: «Что особенного за год? Домашние дела, дети, милые дети, которых люблю, которые огорчают, которые мешают, не слушаются и редко радуют, и обнимают, и веселят. Ромка неплохо читает, считает. Пойдёт в первый класс. Вот и дожили – сын школьник».

Сестра откровенно и бесстрашно пишет о сложностях и кризисах в отношениях с мужем. Как истинный доктор она постоянно диагностирует градус отношений, анализирует анатомию супружества. Этот градус, понятно, не может оставаться неизменно высоким всегда.

Начинается ожидаемый в общем период семейной жизни, когда восторженные отношения становятся более спокойными. Наташа переживает этот период очень болезненно, ей кажется, что Лёша её меньше любит, а то и вовсе разлюбил. Через два года после замужества, в восемьдесят третьем году она запишет: «Разбился ореол, и вот она – я: недалёкая, нерасторопная да и просто глупая, растяпа, хозяйка никудышняя, эгоистичная и т. д. и т. п.» – в обычном Наташином стиле. Ей снятся тревожные, пугающие сны. Они оба мучаются, ночами «выясняют отношения». Я не знаю всех перипетий и не хочу об этом писать. Но меня поразило вот что: Наташа, чувствуя, что отношение к ней Лёши стало более прохладным, предполагает, что он влюбился в кого-то. Она начинает переживать, что встретила Лёше слишком рано, а та, возможная другая, слишком поздно. И, может быть, у него теперь большая, настоящая любовь, гораздо более глубокая, чем его прежние чувства к Наташе. И он бы мог быть с ней счастливее, но теперь связан семьёй и детьми. Как не изумиться? В этой ситуации она переживает не за себя и за детей, а за любимого мужа. Но разрыва или даже серьёзной размолвки не происходит. «18 августа приехал Алёша из колхоза. Как загорел, возмужал! – восхищается Наташа. – Встреча была радостной».

25 августа 1988 года: «Алёша. Отношения ровные, доброжелательные.

Мои мысли: я знаю, что ты не любишь меня, но и не бросишь семью. Я знаю, что если меня поставить в один ряд с NN и обе мы благосклонно к тебе будем относиться (одинаково благосклонно), ты выберешь не меня.

Супружество-любовь, если и было, то, вероятно, кончилось, предлагаю супружество-дружбу. Хорошая тоже вещь.

Я очень любила тебя, но когда поняла, что ты меня не любишь, стала душить свою любовь, потому что очень тяжело жить с любовью, зная, что тебя не любят. А я не знаю, жива ли она сейчас, может, и теплится что-нибудь, может быть даже, что и вспыхнет.

Вопрос с третьим ребёнком не решён».

«У меня тревожное чувство. Я душу свою любовь. Мне действительно стало легче – больно любить человека, когда знаешь, что тебя не любят. Но Алексей хочет, чтоб его любили. Я знаю, что я своими руками разрушаю свою семью, но я не могу притворяться любящей, быть неискренней. Но я хочу его любить! Хочу! Боже, кого мне ещё любить, как не своего мужа, отца своих детей?! Я верю в его желание сохранить семью, жить с семьёй. Но я не верю в его искреннюю любовь. Я, по-видимому, не подхожу под тот высокохудожественный образ любимой, прекрасной, умной, все успевающей, я далека от этого образа».

И далее фраза: «Благодарна себе за то, что я не завистлива и просто сторонюсь быть с любимыми и уважаемыми мною людьми близко и люблю их».

Эти её откровенные страницы пусть будут утешением для других, у кого пока не ладятся гармоничные отношения. Счастье семейное создаётся, культивируется, оно не является неизменной данностью. Оно переживает потрясения, затяжные кризисы и ощущения разлада и краха любви. Это всё преодолевается, как преодолели Наташа и Лёша.

Ведь решились они на третьего ребёнка, как и была уверена Наташа, – девочку! Анютку. И нестроения все преодолели.

Я была свидетелем одной сцены. Как-то Наташа ревниво сказала о том, сколько, наверное, много красивых девушек в Москве (это было в пору, когда Лёша учился в аспирантуре в Москве).

Лёша сказал:

– Красивых много, а прекрасных очень мало.

Он взял Наташу за руку, посадил на колени, обнял её, посмотрев в лицо с пристальной нежностью. Такой у него был критерий красоты.

Полтора года у Наташи не доходят руки до дневника. И вот радостное и долгожданное событие. В девяносто первом году, четырнадцатого сентября, родилась дочь. «Как хочется, чтобы была счастливой женщиной!» Наташа записывает: «Запомнился день. Стоял прекрасный день бабьего лета – синее-синее небо, прозрачный воздух, золотистая листва. Воскресенье. Звонят колокола. Алеша с ребяташками пришли ко мне. Алёша молод и красив, у него весьма интеллектуальный вид – мамин свитер, чёрная рубашка. И не верится, что у этого молодого человека трое ребятшек. Поняла ещё раз, что я его всё-таки очень люблю. И ещё раз объяснилась в любви в записке, пущенной самолётиком».

Чуть вкусила безоблачного счастья, опять начинает себя безжалостно корить и ругать: «А ребята у меня запущены: не развиты, не воспитаны. А задача моя как матери, чтобы дети выросли честными, и очень хочется, чтобы не лодырничали и не лоботрясничали. Истинной интеллигентности им дать не смогу – сама неинтеллигентная. Это уж, к сожалению, придётся приобретать самим, если им захочется и будут на это способности. А пока дома воюю со своими сыновьями. Печально: плохо понимают доброе слово – больше понимают «драние» ушей».

С мальчишками так.

Начались девяностые, невообразимые, дикие, голодные годы.

2 января 1991 года: «В магазинах страшно пусто. Боюсь голода. Когда начнём жить по-человечески? По-моему, в этом году не до книг, за более-менее сносную жизнь придётся драться. А вообще в этом году меньше собираемся домами. Тяжело с продуктами. Каждый выживает сам по себе».

Наташа обшивает всю семью, ремонтирует, латает, припускает. Шьёт куртки, брюки, портьеры, ветровки, готовит. На руках маленькая Анюта, которая привязана к матери и не желает отпустить её от себя. Воюет с сыновьями. Делает консервные заготовки.

Урывками – газеты, журналы, книги по акушерству и гинекологии.

«На свою врачебную карьеру я начинаю потихоньку махать рукой (пока, на ближайшие 2–3 года)».

«Не успеваю, ничего не успеваю» – мотив частый. На самообразование и гинекологию остаются крохи времени. Ей очень хочется заниматься иглорефлексотерапией. Переживает из-за того, что не хватает времени на профессиональный рост. Разрывается между семьёй и работой. И потом вдруг: «Да что ты плачешься?! У тебя трое детей, муж, тебе можно только на детей, на семью поставить свою жизнь, и будет нормально! Уж, наверное, я так воспитана, что мне надо ещё пахать на работе. А вырастут дети – разъедутся, и буду я тосковать-куковать дома. Буду чувствовать себя брошенной, несчастненькой. По-видимому, не работать я уже не могу».

Наташа назвала как-то себя «мякотелой медузой» в сравнении с одной из родственниц «женщиной-кремень». Но ведь нам нужна именно женская мягкость и теплота – она нас греет и радует, а кремень – ужас! – острый и холодный.

О девяносто первом годе: «Хозяйство, хозяйство... Дети. Думы о хлебе насущном. А у меня голова пухнет от большого количества дел».

Болезни детей, уход, лечение, контроль за их учёбой, домашние дела – кухня, заготовки, шитьё. Рому – в художественную школу и на английский, Петю в гимназию, на лыжи и бальные танцы – всё это заполняет страницы дневников.

«Алёша работает с утра до ночи», «он устал», – не раз записывает Наташа. Он всегда так работает, до сегодняшнего дня. Действительность весьма немилосердна с нашими мужьями, заставляя их становиться или трудоголиками, или алкоголиками. Иногда и теми, и другими одновременно.

3 декабря 1992 года: «Мама Аня приезжала до Нового года, недели за две, и уехала 7 февраля. Милый мой человек, как она старается выложиться и помочь мне, когда приезжает».

И среди всего этого Наташа пытается заниматься иглорефлексотерапией. С увлечением прouchилась на полутора месячных курсах.

Летом девяносто второго года Наташа с детьми в очередной раз была у мамы в Казахстане. Этим летом маме исполнилось семьдесят лет. Самым волнующим из этой поездки было посещение любимых Наташей мест: Аиртава и Раздольного. В Аиртаве она ездила вместе с тётёй Леной Кулешовой.

«Наконец появились и пробежали мимо нас знакомые сопки. Сердце защемило... Вот и Аиртав... Его, конечно, можно узнать, но сильно изменился. Старый клуб и старый магазин. Бывшая школа, прежде ещё бывшая церковью, смотрит пустыми глазницами. Стоят дома деда Яши и бабы Даши, деда Саши и бабы Ули. А дома тётёи Оли и дяди Пани нет – снесли. Исчезли многие дома, как будто их здесь и не было. У меня ощущение: стало хуже, грязнее. Росла во времена моего детства трава-мурава. И только колея дороги посредине улицы не зарастала травой. Но зато какая была на дороге мягкая, жирная, тёплая пыль! Зашли к бабе Фросе, деда Гавриной жене. Я помню её в полном здравии, чистоплотной пожилой женщиной... А теперь... О бедная, бедная старость. Какой же это был крепкий дом! А теперь – заброшенность, запустение.

Посмотрев на родные дома, мы пошли с тётёй Леной на кладбище, теперь уже к родным могилам. Погода стояла пасмурная. По небу неслись мутные серые рваные облака и почти не открывали солнце. Дул сильный ветер и пригибал

к земле высокую кладбищенскую траву. Обошли с тётёй Леной все наши могилки Поповых и Коровиных. Помянули». В Володаровке встретились с тётёй Марусей, Таней, дядей Ваней. «Грустно было уезжать из Володаровки. Надолго или навсегда я уезжала? Вот и скрылись Аиртавские сопки... Малая Родина моих родителей.

И ещё с Александрой Степановной были на могиле отца. Вот и знакомое красивое лицо смотрит с голубого плитняка. Могила отца. Смогу ли я ещё побывать здесь?

А ещё... Давно я мечтала побывать в Раздольном. И побывала... Ехала, и сердце ёкало... Знакомые пейзажи! Две тётеньки-попутчицы внимательно смотрели на меня... Чуть меня не вспомнили. Отца знали, знали, что умер. Как и мечтала, походила по парку. И вроде то... И не то... Много времени прошло. О Господи – почти 30 лет! Наверное, вымерзли яблони, и теперь на месте яблоневых посадок – тянь-шаньский пейзаж: камни (привезли!), молоденькие голубенькие елки. К сожалению, они, наверное, не вырастут здесь большими. Сухо. Пошла по Раздольному. Всё узнаваемо. С трудом нашла наш дом. У нас был просторный, открытый двор, а теперь нагромождено, построены безобразные клетушки. Только наша лестница к чердаку приставлена, всё та же старушка». Это та самая лестница, по которой в детстве мы поднимались на чердак в «наш домик».

«И вот я снова в Томске. Вышла на полставки на работу. Чуть ли не полтора месяца занималась заготовками. Работа – дети – уроки – заготовки и т. д.».

В девяносто третьем году Наташа с Лёшей решили поменять свою благоустроенную, но небольшую квартиру на частный дом с большим участком и с перспективой строительства дома на улице Лесной.

«Теперь у нас от забот пухнут мозги! Дрова, вода, баня, утепление дома. Алёша весь в заботах о новом и старом домах: дрова, гараж, лес, цемент и т. д.». Остро не хватает денег «даже на нормальное питание. Ребятишки худовато одеты. Можно поправить положение шитьём, но не хватает времени». А у кого они были, деньги, в девяностые годы? Только к концу кое-кто, совсем немногие из нашего окружения, выбились из нищеты. Многим пришлось искать заработки на стороне.

«Некоторые из друзей пакуют чемоданы и уезжают, подались в Калининградскую область

Мальцаны. Уехали в Белоруссию Боруновы. Но всё-таки дружеский круг не распадается».

Голоса друзей. Валерий и Анна Столяровы

– Существовала традиция совместного проведения Нового года семьями Ситожевских, Сусловых, Мальцан и Столяровых. Дети были малы, хлопот – по горло, но встречи запомнились всем. Заранее договаривались, кто что принесёт, как устроить праздник для детей, кто будет Дедом Морозом. Квартирка на Больничной была маленькая уже по тем временам, или нам так казалось, поскольку в нее набивалось больше дюжины человек, включая гостей и близких родственников Натальи и Алексея. Большая комната, где устраивался стол и стояла наряженная красавица-ёлка, включала ещё и мини-спортивный комплекс; кто-нибудь из детей постоянно висел на канате, кольцах или шведской стенке, грозя обрушиться вниз на проходящего мимо. Малая комната служила спальней с выдвигающимися кроватями, и там же детей укладывали спать на полу ночью, когда праздник заканчивался.

Наталья всегда была крайне изобретательной и старалась из скудного набора продуктов изготовить вкуснейшие, на наш взгляд, блюда. Чего стоили салаты из свёклы с различными добавками, которые даже дети уписывали за обе щеки, а её манты, поданные на стол незадолго до боя часов, вызывали желание поторопиться оставшиеся минуты, чтобы не изойти слюною и не погибнуть от желудочных колик.

В тяжёлые девяностые, когда не хватало еды, мужчины семейства отправлялись в тайгу за клюквой, брусникой. Из ягод Наталья лучше всех готовила вкуснейшие витаминные напитки, которые без сомнения помогли выжить семье и сохранить здоровье детям.

После встречи Нового года, когда детей укладывали спать, как правило, Наталья отправлялась поздравить сослуживцев, собрав нехитрые подарки в сумочку. Благо акушерское отделение больницы находилось рядом. Высокая ответственность по отношению к работе, коллегам, друзьям, родителям – была одной из основных черт её характера.

Стремление докопаться до сути вещей, выяснить причину неудачи, разрешить проблему заставляло её просиживать часами в библиотеке, настаивать и получать консультации по больным и сложным клиническим случаям.

Думаем, что Алексею об этом известно лучше, ибо с кем, как не с мужем, ей приходилось обсуждать эти вещи.

Уже в новом доме, на улице Лесной, Наталья одна из первых применила новые методики посадки овощей в огороде, обработки почвы, выращивания роз. Всегда, приходя в гости к Ситожевским, мы первым делом отправлялись рассматривать грядки и цветы, восхищаться увиденным и разузнавать у хозяйки о тайнах её огородного хозяйства.

Во время поездки на Бию летом девяностого года была сильная жара. Дача стояла на берегу реки, однако днём все старались спрятаться в тенёк и не казать носа на солнце. Каково же было наше удивление, когда однажды после полудня мы вылезли на летнюю кухню и увидели, что Наталья уже замесила тесто, раскатала его и приготовила начинку для вареников. Кажется, что она никогда не отдыхала. Вечер удался: дети вместе со взрослыми лепили вареники, шутили, дружно смеялись, сидели до поздней ночи со свечами. Воспоминания об этой поездке – одни из любимейших в нашей семье.

И вот впервые на страницах Наташиного дневника появляется слово «пенсия»: «Теперь буду работать без декретных отпусков до пенсии. Пришла мысль, что я уже половину времени проработала в ЦРБ – 14 лет. Осталось 16. Что я представляю из себя как специалист? Женщина, обременённая тремя детьми? Да так, ни плохой и ни хороший. Средненький».

Ей очень хочется взять хотя бы одного больного на курс иглорефлексотерапии, но никак не получается. «Нет времени», «не успеваю», «не могу», «у меня депрессия...». И тут же ободряющий крик в свой адрес: «Слюняйка! Распустила сопли и слюни! Кто тебя гнал в этот дом?! А ну, вытри сопли, выше нос! Обливайся! Поворачивайся, не ной! Всё уныние идёт от хозяйки, от бабы. Даже в этом доме, в этом неустроенном быту ты должна обеспечить всем сносную жизнь. Всем: себе, детям. Иначе грош тебе цена как бабе».

Много пишет, конечно, о детях, их учёбе, проблемах, успехах и неудачах.

Три года, с девяносто третьего по начало девяносто седьмого, Наташа не делала записи в дневнике.

В девяносто седьмом году сестра окончила два курса по су-джок. Ей запомнились семинары

по су-джок, который проводил профессор из Сеула, основатель этой практики Пак Чже Ву. Они произвели на Наташу огромное впечатление: «Я бы хотела заниматься су-джок-терапией остаток своей жизни. Даже вместо акушерства и гинекологии».

Потом ещё перерыв на три года, до 14 декабря 2000 года.

«Вот, дожили до третьего тысячелетия. Казалось, как далеко, как долго, какие мы уже будем старые, какие у нас будут большие дети!

Много воды утекло за три года, много чего случилось.

Сегодня мой старший сын, мой первенец ушёл в армию. Уехал автобусом в 18:10 до Предтеченска. Ромка покрестился перед армией – так он подготовился к армии. Моя семья ещё долго просуществует (хотя вся жизнь – миг, и только миг), но уход в армию первенца – первая ласточка, сигнал, что цикл моей семьи двинулся к завершению».

«Алёша – наш кормилец. Полгода как оставил работу на кафедре – невозможно на трёх кафедрах. Молчит, но, по-моему, пытается сделать докторскую диссертацию».

Наташа стоит перед выбором: оставить акушерство или всё бросить и заняться иглорефлексотерапией, су-джок, восточным массажем. Реализовать мечту юности. Такие радикальные перемены даются непросто. Из этих трёх лет особенно тяжёлым, судя по записям Наташи, был девяносто девятый год. Неприятности на работе: конфликты внутри коллектива, нестроения. В гинекологии умерла женщина после мини-аборта, погибло два сотрудника ЦРБ. Обокрали дом, Рома бросил университет, Петя своим «делом» вверг родителей в отчаяние. «Вот такой тяжёлый год подходит к концу». Но вместе с тем налаживается быт, идёт своим ходом строительство усадьбы.

Запись за две тысячи первый год касается только встречи Нового года и учёбы Петра.

И следующая запись датируется 17 марта 2007 года. Это последняя запись, сделанная Наташей в дневнике. Наташа вспоминает и перечисляет главные события, прошедшие со времени последней записи:

«С 2001 года прошла целая эпоха в жизни семьи.

23 августа 2005 года Петя попал в лавину, остался жив, оперировали коленку.

10 июля 2006 года умерла Таня от рака печени.

2 апреля забрала маму к себе. С 17 октября мама лежит, не хочет подниматься, апатия – хочет умереть.

А Алёша пашет, кормит семью, строит дом».

Сестра вновь переживает, что Лёше пришлось оставить любимую науку, работу на кафедре. Я не думаю, что работа на заводе Лёше неинтересна. Ведь у него, кроме всех прочих талантов – учёного, фотографа, строителя, художника, есть и талант хозяйственника, который он реализовал как в семейном домостроительстве, так и на работе. Спора нет: ради благополучия семьи Алексей пожертвовал своей научной карьерой. И это высокая жертва.

Ну, и дальше новости про Аню и Рому. Наташа подводит промежуточные итоги жизни своих детей. Она анализирует их характеры, достижения и промахи. Заканчивая эту тему, подытоживает: «А может, цыплят по осени считают? Для нас осень – перед смертью? При подведении последней черты?»

«Ещё одно большое дело – мы построили дом, заканчиваем отделку». Наташа восстанавливает по годам всю историю создания дома. Пока он строился, жили и в палатке (летом), и в бане, и на квартире. Дом вышел на славу, большой, двухуровневый, с замечательной отделкой.

56
Вспоминает о Тане: «30 апреля (2005 года) Таня мне позвонила, не сдержалась, заплакала: «На УЗИ у меня нашли очаговые множественные изменения печени...» Новый, 2006 год встречали мы с Алёшей у Поповых. Танюша, умница, как держалась! Уже слабенькая, тонюсенькая, с отёкшими ногами... И улыбалась... Хотя уже обо всём знала».

Невольно сравниваю уход Татьяны и папы. Насколько это правильно и мудро сообщать людям последнюю правду. Таня знала о болезни всё, с самого начала. Папа так и не узнал о своём диагнозе. Татьяна удивляла мужеством, просветлённым согласием с судьбой, хотя она была гораздо моложе папы и оставляла двух малолетних сыновей. И вспоминаю горестное недоумение, обиду отца: почему его оставили, не лечат, хотя ему всё хуже и хуже день ото дня. Но я не услышала от него ни одного стога, ни одной жалобы.

Люди знают, что они смертны. Душа способна мобилизовать силы и мужество, чтобы бесстрашно стоять у последней черты.

В эти годы Лёша с Наташей и Аней ездили путешествовать на Байкал и в Восточные Саяны, куда их приглашала Оля Володарская. Первая состоялась в августе две тысячи седьмого года.

Голоса друзей. Оля Володарская

– В нашей компании, кроме Ситожевских, были я с дочкой Сашей, восьми лет, мои друзья – чета Будаевых, Дулжит и Батор. Все прошло замечательно. Нас отвезли на катере на почти необитаемый остров, где мы жили три – четыре дня; наслаждались отдыхом, красотами Байкала, много купались, ели уху из рыбы, которую ловили наши мужчины. Душой компании был Батор Будаев, хороший рассказчик и гитарист. И мы с большим удовольствием каждый вечер распевали песни под гитару, вспоминая наши счастливые студенческие годы. Наташа нигде не оставала от мужа. Пока основная часть группы, как пингвины, грела свои тела на солнышке, Лёша с Натальей исследовали прилегающую территорию. Я наблюдала в наших поездках, как много общего у Наташи с мужем Лёшей. Оба хозяйственные и в то же время щедрые и добрые; оба немногословные, естественные в своём поведении, без какой-либо игры; оба надёжные и честные, тщательные во всех своих делах, верные своей семье и друзьям. У Лёши и Наташи были общие увлечения: походы, путешествия и занятие фотографией. Когда-то именно фотосъёмки соединили их в пару.

Последнее общение с Наташей состоялось летом две тысячи восьмого года. Это был поход в Саяны, на Шумак. Шумак – это дикий местный курорт в горах, где насчитывается сто двадцать лечебных источников, есть лечебные грязи. Стоят избы, срубы в лесу, где сделаны деревянные полаты. Перед избой – стол под навесом. Красота вокруг: голубые ели, скальные участки, живительные источники; много разной ягоды и в том числе земляники.

Три дня мы наслаждались отдыхом; пили лечебные воды, мазались, как поросята, грязью. Названия источников были написаны на камнях: «от желудка», «для сердца», «от женского недомогания» и другие. Оказывается, у Наташи была проблема с коленом, о которой она не говорила; проблема напомнила о себе на обратном пути. Несмотря на это, Наташа категорически отказалась ехать на лошади. В этом была её суть: она не любила быть слабой и всегда предпочитала быть полезной людям, друзьям, не демонстрируя свои поступки окружающим.

Во время нашего похода мы встретили шестнадцать групп туристов из разных городов и стран. Кто-то шёл полюбоваться красотами, испытать свои возможности, а кто-то

поправить своё здоровье. Мы услышали много хороших отзывов людей об эффективности шумакских источников и грязей.

Третий поход в Восточные Саяны семья Ситожевских планировала совершить на следующее лето, в две тысячи девятом году... Но случилось непоправимое...

Весть о гибели Наташи не укладывалась в голове. Позвонил Петя. Слез не было. Комок в горле держался долго. Недели две как будто по ночам слышала её голос. (Наверное, на самом деле душа летает до сорока дней.) Как будто просила помочь её семье. Я поняла, что помощь нужна дочке Ане, она тогда окончила второй курс мединститута. На следующий год Аня приезжала ко мне в Улан-Удэ проходить медсестринскую практику.

В конце июля две тысячи девятого года я отдыхала на Байкале, случилось общаться с известной шаманкой С., и я ей задала вопрос: как могла случиться такая трагедия с моей подругой? Она посмотрела на солнце и сказала: «Вижу дом у дороги, цифру семь. Погибла от кровотечения. Она закончила свой жизненный цикл. Она всё сделала».

Да, Наташа много успела в своей жизни: родить и воспитать троих детей, создать хорошую семью, поработать врачом. И всё она делала от души, с максимальной энергией, как в песне: «Любить так любить, летать так летать».

В две тысячи восьмом случился поворот в Наташиной профессиональной карьере: она ушла из Тимирязевской районной больницы, в которой проработала почти тридцать лет.

Со слов Алексея, причина этого – профессиональные трения. Сестра устроилась на новую работу – в городской роддом имени Семашко.

В Семашко Наташе нравилось работать, и коллектив оценил ответственность, доброту и безотказность нового сотрудника. Она много оперировала. Были и опасные ситуации. Во время операции пациентки, которая была носителем гепатита С, сестра порезала палец, заразилась, тоже стала носителем этого опасного вируса. В две тысячи девятом году оперировала ВИЧ-инфицированную беременную женщину. Надела противочумный костюм, кольчужные перчатки, сверху плексигласовую маску. Костюм затруднял движения, которые должны быть точными и выверенными, глаза заливало потом. Анестезиолог на время операции вышел.

Когда я приехала в Тимирязево, откуда мы собирались ехать в Казахстан, у Ситожевских гостила Люся Задирако. Наташа в этот день была на дежурстве в роддоме. Мы с Люсей пошли к ней в роддом. Она вышла к нам оживлённая, молодая, в нежно-бирюзовом фирменном костюме, который ей очень шёл. Из-под колпачка выбивались чёрные кудри. «Какая вы красивая, доктор Наталья Ситожевская», – подумала я, но вслух ей не сказала. Теперь жалею. На Людмилу Наташа произвела точно такое же впечатление.

Голоса друзей.

Людмила Худовекова (Задирако)

– Прошлое в течение жизни оценивается нами с разных углов зрения и не раз, нами самими, знакомыми, родными, посторонними людьми по нашим действиям, результатам. Каждому приходится проходить школу жизни. И то, как Ситожевские – неспешно, целенаправленно, упорно, деятельно, разнообразно, мудро, ответственно, позитивно её проходили, – их заслуга. В этом заслуга и их родителей, и их предков, и их родни. Системный, аналитический склад ума отца Натальи (Леонида Попова) дал свои результаты в жизни детей. Целенаправленность, собранность, результативность – отличительные их особенности. Умение достойно выходить из трудных, казалось, порой неразрешимых ситуаций. Крепкая, дружная семья, уважительное, заботливое отношение друг к другу, к тяжелобольной маме (бабушке), отличный, уютный, современный функциональный дом у леса, баня, ухоженный огород.

Их семье также достались экономические и социальные передрыги нашего государства. Лёше пришлось поменять любимую работу на другую, приносящую хоть какой-то доход.

Последний раз я гостила у Наташи и Лёши Ситожевских в июне две тысячи девятого года, когда приезжала в Томск на тридцатилетие окончания института, на встречу с сокурсниками. Дозвонилась и встретила с ними лишь на четвертый день по приезде после официальных и торжественных встреч в вузе и на Оби, так как мой телефонно-адресный блокнот устарел. Благодарю судьбу и одногруппника Витю Дорошенко, который помог мне найти Ситожевых и привёз к Наташе. С Верой мы пошли к ней на работу. Увидела её в полусумрачном коридоре роддома. Издали сначала не узнала: постройневшая, с пышными,

вьющимися каштаново-медными волосами, с красивой причёской, в элегантном брючном костюме. Она превратилась в прекрасного лебедя! Уроки Симы Чойнзоновой не прошли даром! Мы закружились с ней в захлестнувшей нас волне эмоций. Три последующих дня, проведённых в Тимирязево, в их доме, были для меня сказкой. Я отдыхала у них душой и радовалась за них.

Семидесятые годы и последняя встреча грели и согревают моё сердце и сейчас.

Мы все – близкие Наташи: муж, дети, родные и друзья преодолевали своё горе, и мы поняли, что лучшим преодолением является претворение его в вечную и светлую память. Поэтому появилась эта книга.

58
Рассеивая тьму, через Вселенную летит Дом. Его крыша – снежная шапка Арктики. Из трубы, свиваясь с Млечной Дорогой, тянется звёздная пыль. Луна и солнце примостились по обе стороны крыши. Весёлым светом горят окошки на африканском и американском континентах. Открытая дверь загородила очертания Австралии. На крыльчке сидят две сестры. Старшая держит на руках младенца. Рядом свернулась клубочком кошка. Пёс лежит у крыльца на белоснежном ковре Антарктиды. Из дома льётся золотой свет. В проёме двери виден стоящий в центре стол, за которым сидят мать и отец. Их разговор не слышен детям. Младенец треплет ладошкой чёрную прядь волос старшей. Сёстры пытливо всматриваются в пролетающие мимо звёзды и планеты.

– Ведь звёзды никогда не погаснут?

– Не погаснут. Даже если какая-нибудь звезда погаснет, вместо неё появится новая.

– И она ничего не будет знать про угасшую звезду?

– Наверное, нет. Только люди знают про то, что было раньше.

– Такие огромные звёзды – и не знают, такие маленькие люди – и знают.

– Звёздам это не нужно.

– А людям?

– А людям очень нужно.

– Зачем?

Старшая сестра задумывается.

– Должен ведь кто-то помнить и про звёзды, и про людей, и про то, что было давным-давно и недавно, чтобы... чтобы ничего не исчезало.

Кемерово, август 2016 г.